ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40505

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – **71080**

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Мир политики и социологии

2017, № 5

Санкт-Петербург
2017

FUND
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION
IN THE AREA OF LAW ENFORCEMENT
«UNIVERSITY»

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate of printed publication registration No. ФС 77 – 40505

Journal is accredited in Russian Science Citation Index (RINTs)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – **71080**

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

World of politics and sociology

2017, Issue 5

Saint-Petersburg
2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Бейдина Т.Е., заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета, доктор политических наук, профессор (г. Чита, Россия)

Бурлай Е.В., руководитель управления правовой экспертизы Конституционного Суда Украины, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, профессор (г. Киев, Украина)

Григорьев В.Н., заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского психолого-социального института, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Добовсек Боян, доцент кафедра уголовного правосудия и службы безопасности университета Марибор, Словения, доктор философии (г. Любляна, Словения)

Захарцев С.И., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Иванников И.А., профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета, заведующий кафедрой теории государства и права Ростовского государственного университета путей сообщения, доктор юридических наук, доктор политических наук (г. Ростов, Россия)

Иванов В.А., профессор кафедры новейшей истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Кейси ЛаФранс, доцент кафедры политологии Западного Иллинойского университета, доктор философии (США)

Кузнецов Э.В., заведующий кафедрой теории права и государства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Президент Российской Ассоциации философии и права (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, (Санкт-Петербург, Россия)

Курдюк П.М., заместитель Председателя законодательного собрания Краснодарского края, заведующий кафедрой административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Кубани (г. Краснодар, Россия)

Масленников Д.В., профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Юридического института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Родионова А.К., профессор кафедры теории и истории государства и права Читинского института Байкальского государственного университета экономики и права, доктор политических наук (г.Чита, Россия)

Сативалдыев Р.Ш., заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Тодд Лог, доцент школы правоохранения и управления юстиции Западного Иллинойского университета, Макоб, Иллинойс (США)

Точиев И.Б., руководитель Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Ингушетия, кандидат социологических наук (г. Магас, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Мир политики и социологии, 2017
© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2017

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "World of politics and sociology", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Beidina T.E., Head of the Department of State Administration, Municipal Management and Politics of Transbaikal State University, Doctor of Political Science, Professor (Chita, Russia)

Burlai E.V., Head of the Legal Expertise Administration at the Constitutional Court of Ukraine, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher, Professor (Kyiv, Ukraine)

Grigoryev V.N., Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of Moscow Psychological and Social Institute, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Dobovšek Bojan, Associate Professor of the Department of Criminal Justice and Security of Maribor University, Slovenia, Doctor of Philosophy (Ljubljana, Slovenia)

Zakhartsev S.I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Law (Moscow, Russia)

Ivannikov I.A., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of Southern Federal University, Head of the Department of State and Law Theory of Rostov State Transport University, Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences (Riostov-on-Don, Russia)

Ivanov V. A., Professor of the Department of Contemporary History of Saint Petersburg State University, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Honorary Figure of Higher Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Casey LaFrance, Assistant Professor of the Department of Political Science of Western Illinois University, Doctor of Philosophy (USA)

Kuznetsov E.V., Head of the Department of Law and State Theory of St. Petersburg State University of Airspace Instrumentation, President of Russian Association of Philosophy and Law (Saint Petersburg), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Kurdyuk P.M., Deputy Chairman of Legislative Assembly of Krasnodar Territory, Head of the Department of Administrative and Financial law of Kuban State Agrarian University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Science of Kuban (Krasnodar, Russia)

Maslennikov D.V., Professor of humanities disciplines Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Philosophy, Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Rodionova A.K., of the Department of Theory and History of State and Law of Chita Institute of Baikal State University of Economics and Law, Doctor of Political Science (Chita, Russia)

Sativaldyev R.Sh., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Tajik National University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Todd Lough, Associate Professor of School of Law Enforcement and Justice Administration of Western Illinois University, Macomb, Illinois (USA)

Tochiev I.B., Head of the Office of the Federal Antimonopoly Service of the Republic of Ingushetia, Candidate of Sociological Sciences (Magas, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

Дженнифер М. Аллен, координатор в области уголовного правосудия (BSCJ / MSCJ), координатор общего высшего образования, кафедра политологии и уголовного правосудия колледжа и государственного университета Северной Джорджии, доктор философии (США)

Зоиров Д.М., председатель комитета Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли (Парламента) Республики Таджикистан по правопорядку, обороне и безопасности, профессор Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Корольков А.А., заведующий кафедрой философской антропологии и истории философии факультета философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор философских наук, профессор, академик Российской Академии Образования (РАО) (Санкт-Петербург, Россия)

Майкл Пальмиотто, профессор уголовного правосудия в школе по делам общин, координатор Бакалавриата в программе уголовного правосудия. Уичито, университет штата (США)

Покровский И.Ф., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный работник морского флота России, Почетный работник транспорта России (Санкт-Петербург, Россия)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Ромашов Р.А., профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург. Россия)

Савенков А.Н., заместитель министра внутренних дел Российской Федерации; заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества (2009-2013 г.г.); заместитель Генерального прокурора Российской Федерации – Главный военный прокурор (2002 – 2006 гг.); первый заместитель Министра юстиции Российской Федерации (2006 – 2008 гг.), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации Москва, Россия)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (Москва, Россия)

Терри Морс, заведующий кафедрой школы правоохранения и управления юстиции, профессор, Западный Иллинойский университет (США)

Шахрай С.М., проректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, народный депутат РСФСР, член Верховных Советов РСФСР и СССР, член Президиума Верховного Совета РСФСР (1990-1992 гг.), Государственный советник РСФСР по правовой политике (1991 г.), член Совета Безопасности Российской Федерации (1992 – 1996 гг.), заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Министр Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (1991 – 1996 гг.), депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (1993 – 1997 гг.), Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации (1996 – 1998 гг.), руководитель аппарата Счётной палаты Российской Федерации (2004 – 2013 гг.), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

Шемелин А.В., заведующий кафедрой хозяйственного права Забайкальского государственного университета, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор (г. Чита, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "World of politics and sociology", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Jennifer M. Allen, Coordinator of Criminal Justice (BSCJ / MSCJ), Coordinator of General Studies Degree, Department of Political Science & Criminal Justice of North Georgia College & State University, Doctor of Philosophy (USA)

Zoirov D.M., Chairman of the Committee of the Majlisi Namoyandagon Majlisi Oli (Parliament) of the Republic of Tajikistan on the Rule of Law, Defense and Security, Professor of the Tajik National University, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Tajikistan)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of "Kyiv Mohyla Academy"; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Korolkov A.A., Head of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Faculty of Philosophy of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education (RAO) (St. Petersburg, Russia)

Michael J. Palmiotto, Professor of Criminal Justice in the School of Community Affairs, Undergraduate Coordinator of the Criminal Justice Program. Wichita, State University (USA)

Pokrovsky I.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation, Honored Worker of Culture of RSFSR, Honored Worker of Marine Fleet of Russia, Honored Transport Worker of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Romanovskaya V.B., Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (National Research University), Doctor of Legal Sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Romashov R.A., Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Savenkov A.N.,; Deputy Minister of Internal Affairs of Russian Federation, Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society (2009-2013); Deputy Procecutor General of the Russian Federation – Chief Military Procurator (2002 – 2006); First Deputy Minister of Justice of the Russian Federation (2006 – 2008), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation, Honored Worker of Public Prosecutor's Office of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia"; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Terry Mors, Department Head of the School of Law Enforcement and Justice Administration, Professor, Western Illinois University (USA)

Shakhrai S.M., Vice-Rector of Lomonosov Moscow State University, People's Deputy of the RSFSR, member of the Supreme Soviet of the RSFSR and USSR, member of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR (1990 -1992), RSFSR Counsellor of State on legal policy (1991), member of the Security Concil of the Russian Federation (1992 – 1996), Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation, Minister of the Russian Federation on Nationalities Matters and Regional Policy (1991 – 1996), Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (1993 – 1997), Authorized Representative of RF President in the Constitutional Court of the Russian Federation (1996 – 1998), Head of the apparatus of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2004 – 2013), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shemelin A.V., Head of the Department of Economic Law of Transbaikal State University, Doctor of Political Science, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

История политических и правовых учений, учреждений и процессов

Белозерова О.А. Военный министр А.Н. Куропаткин накануне русско-японской войны в связи с боксерским восстанием 11

История, теория, практика политико-правовых институтов России и зарубежных стран

Мухаммадиев И.С. Уголовное преследование в годы Великой Отечественной войны за уклонение от военной службы: некоторые фрагменты 27

Политика. Правовая политика. Политическая жизнь. Политическая и государственная власть. Модернизация политической системы

Безрядин В.И. Контроль и надзор в уголовном процессе современной России. Лекция 38

Демократия. Гражданское общество. Правовые аспекты политических процессов

Маджидзода Д.З., Холикзода А.Г. От познания до реализации прав и свобод: проблема политики и права 64

Экономические потрясения и социальная экономика. Модернизация экономики. Примирительные процедуры разрешения споров

Колядин А.М. Политический класс и общество: справедливость как социально-правовой принцип взаимоотношений 72

Социология. Социология и реализация демографических программ. Политика в области материнства и детства

Лысова Г.К. История развития и современная доктрина об условиях заключения брака в России 92

Национальная, государственная, экономическая, финансовая, информационная и военная безопасность. Внешняя политика, международная безопасность и экономическая интеграция

Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Государственный суверенитет и его обеспечение: некоторые размышления о принципах 101

Брылева Е.А., Оганесян С.М., Сальников М.В. Правовой статус личности осужденного: некоторые личные и политические права и свободы 131

Безопасность человека, общества и государства. Экологическая безопасность и правовые аспекты охраны окружающей среды

Колесников О.В., Макаренко М.А. Участники уголовного судопроизводства. Лекция 140

Философия права. Правосознание. Правовая культура.
Социология права. Юридическая психология

Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Западные философы права и концепция справедливости Джона Ролза 179

Прокофьев К.Г. Проблема метода в обосновании морали и права в немецкой классической философии (И. Кант, И.Г. Фихте) 185

Информация для авторов 196

CONTENTS

History of political and legal doctrines, institutions and processes

Belozerova O.A. Military minister A.N.Kuropatkin on the eve of the Russo-Japanese war in connection with Boxer's rebellion 11

History, theory, practice of political-and-legal institutions of Russia and foreign countries

Muhammadiev I.S. Criminal prosecution in days of the Great Patriotic war for evasion from military service: some fragments 27

Politics. Legal policy. Political life. Political and state power. Modernization of the political system

Bezryadin V.I. The control and supervision in criminal trial of modern Russia. Lecture 38

Democracy. Civil society. Legal aspects of political processes

Madzhidzoda D.Z., Holikzoda A.G. From knowledge before realisation of the rights and freedom: a problem of a policy and the right 64

Economic perturbations and social economy. Modernization of the economy. Preliminary procedures for dispute resolution

Kolyadin A.M. Political class and society: justice as socially-legal principle mutual relations 72

Sociology. Sociology and implementation of demographic program. Policy in the area of motherhood and childhood

Lysova G.K. History of development and the modern doctrine about marriage conditions in Russia 92

National, state, economic, financial, informational and military security. Foreign policy, international security and economic integration

Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Tretyakov I.L. The state sovereignty and its maintenance: some reflexions about principles 102

Bryleva E.A., Oganesyan S.M., Sal'nikov M.V. Legal status of the person of the condemned: some personal and political rights and freedom 131

Human, society and state security. Environmental security and legal aspects of environmental protection

Kolesnikov O.V., Makarenko M.A. Participants of criminal legal proceedings. Lecture 140

Philosophy of law. Legal consciousness. Legal culture. Sociology of law. Legal psychology

Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. The western philosophers of the right and the concept of justice of john Rawls 179

Prokofiev K.G. Method problem in morals and right substantiation in German classical philosophy (I. Kant, I.G. Fichte)..... 185

Information for the authors..... 196

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ

БЕЛОЗЕРОВА Ольга Александровна,
историк-исследователь, независимый консультант, кандидат исторических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: oab1991@yahoo.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ВОЕННЫЙ МИНИСТР А.Н. КУРОПАТКИН НАКАНУНЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ В СВЯЗИ С БОКСЕРСКИМ ВОССТАНИЕМ

Аннотация. *Рассматриваются взгляды и позиция военного министра Российской империи (1898-1904) генерала А.Н. Куропаткина в связи с восстанием боксеров («ихэтуаней») в Китае (1898-1902), «походом на Пекин» и вопросом о том, кто должен был возглавить интернациональные экспедиционные войска: генерал-фельдмаршал Альфред фон Вальдерзее или адмирал Е.И. Алексеев. Освещено отношение военного министра к сепаратным переговорам между Российской империей и Китаем после подавления восстания. В результате, взгляды и позиция военного министра А.Н. Куропаткина представляются вполне обоснованными и представляют несомненный интерес для исследователей, а также придают новые грани вопросу о боксерском восстании в Китае.*

Ключевые слова: *генерал Куропаткин; военный министр; боксерское восстание; восстание Ихэтуаней; Китай; сепаратные переговоры; русско-японская война (1904-1905).*

BELOZEROVA O.A.

MILITARY MINISTER A.N.KUROPATKIN ON THE EVE OF THE RUSSO-JAPANESE WAR IN CONNECTION WITH BOXER'S REBELLION

The summary*. This article analyzes views and approaches of the War Minister of the Russian Empire (1898-1904) Gen. Alexei Kuropatkin in connection with the Boxer's rebellion in China (1898-1902), «military mission to Beijing», and the issue of who was to lead the International Expeditionary Force: Field-Marshal Alfred von Waldersee or Admiral Evgeni Alexeev. It also covers the view of the War Minister on the separate negotiations between the Russian Empire and China after that uprising. As a result, the views and position of the War Minister Kuropatkin seem reasonable and are of interest to researchers, and give a new dimension to the issue of the Boxer's uprising in China.*

Key words: *General Kuropatkin; War Minister; Boxer's rebellion; Yihetuan Movement; China; bi-lateral negotiations; Russo-Japanese War (1904-1905).*

Генерал А.Н. Куропаткин был назначен управляющим Военным министерством 1 января 1898 г. [46; 47] – в момент, когда важные государственные решения, определившие ход событий на Дальнем Востоке и приведшие к русско-японской войне [23, стр. 96-412; 28],

были уже приняты российским правительством*, а интересы и намерения иностранных держав в отношении Китая и Кореи очевидны. «США требовали проведения в Китае политики открытых дверей: “Англия захватила Вей-хай-вей, Франция – бухту Гуаньчжоу-вань, Германия – Киао-Чжоу и порт Циндао. Япония заявила претензию на провинцию Фуцзянь, а Италия – на провинцию Чжецзян”» [21, стр. 17]. При этом только у одной Российской империи была непосредственная граница с Китаем протяженностью 2400 верст, требовавшая надежной охраны, а кроме того – железнодорожная магистраль, проходившая по территории Северного Китая. 1 июля того же года генерал А.Н. Куропаткин был утвержден на посту военного министра.

Накануне русско-японской войны деятельность А.Н. Куропаткина, помимо его непосредственных обязанностей по управлению военным ведомством, согласно утвержденным императором планам, была направлена на решение возникших на рубеже столетий корейского и маньчжурского вопросов, которые явились результатом, в частности, пересмотра Симоносекского договора (17 апреля 1895 г.), занятием Порт-Артура и политики «мирной экономической экспансии» [38; 40], активно проводимой Министерством финансов не только на Дальнем, но и на Ближнем Востоке и послужившей поводом начала военных действий Японии против Российской империи.

Оба вопроса приобрели особенную остроту в результате ряда причин, а именно: боксерского движения в Китае (1898–1902) [1, стр. 1340-163; 24; 33], приведшего к военным действиям (Благовещенск), а затем – к существенному разрушению КВЖД; возникшей системы международных договоров и соглашений (в частности, русско-китайский договор 22 мая 1896 г. [14; 22; 45; 49, стр. 292-294; 54, стр. 116], инициатором которого был С. Ю. Витте и целью которого, как отражено в официальном обзоре В. П. Череванского, было «сохранение целостности Китая» [53]; соглашение между Великобританией и Японией 17 января 1902 г. [38; 40, стр. 136-156]); последовавшее в ответ соглашение между Российской империей и Китаем об условиях вывода русских войск из Маньчжурии 26 марта 1902 г. [41; 42, стр. 91-93; 43, стр. 12-40; 48, стр. 538-543; 55, стр. 48-98]; принятие в Петербурге на особом совещании 7 мая 1903 г. нового дальневосточного политического курса и образование 30 июля 1903 г. на Дальнем Востоке института наместничества. Все это были главные вехи «поступательного движения» к военному конфликту, хотя Николай II и его министры А.Н. Куропаткин, В.Н. Ламздорф и С.Ю. Витте не желали его.

Генерала А.Н. Куропаткина не раз упрекали в непоследовательности в решении упомянутых вопросов, но позиция его по многим из этих проблем до сих пор остается недостаточно выявленной.

Анализ отечественной историографии позволил выделить наименее исследованную область в деятельности А.Н. Куропаткина накануне войны – восстание боксеров (ихэтуаней) в Китае. Следует отметить, что затрагиваемые вопросы внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв., были детально рассмотрены в ряде современных исследований, в частности, в работах А.В. Игнатьева (М., 1989), И.В. Лукоянова (СПб., 2008) и др., и А.Н. Куропаткину в них уделено внимание. Само боксерское восстание и его причины непосредственному анализу не подлежали и являются особой и противоречивой сферой исследования (Н.М. Калюжной, В.Г. Дацышена и др.); формат данного текста также обусловил более сжатое изложение.

Цель – выявление позиции и деятельности А.Н. Куропаткина в связи с проблемами боксерского (ихэтуаньского) восстания в Китае, «похода на Пекин» и руководства операциями с тем, чтобы установить каких взглядов придерживался глава военного ведомства, каковы были предпринятые им меры во время боксерского восстания и какими соображениями он руководствовался при их решении, а также стиль его управления.

Летом 1900 г., во время подавления боксерского восстания, Министерство иностранных дел Российской империи сделало ряд правительственных заявлений, которые обусловили последующий ход событий. Так, в правительственном сообщении от 12 августа 1900 г. говорилось о том, что Россия не считала себя в состоянии войны с Китаем, поскольку его правительство выступило против иностранцев только под давлением мятежников** [36, л. 31 (очерк В.П. Череванского и О.Б. Рихтера)]. А в начале ноября 1900 г. после подавления восстания на особом совещании

трех министров (военного, иностранных дел и финансов) в Петербурге была принята состоящая из 21 пункта инструкция «Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии» [26], ставшая программой политического урегулирования в северо-восточном Китае до заключения официального договора или соглашения с правительством Китая. Основным ее автором был А.Н. Куропаткин. В первом пункте этой инструкции было записано: «Маньчжурия остается составной частью Китайской империи и сохраняет те же административные подразделения и тот же порядок управления, которые существовали до занятия сей области русскими войсками» [32]. Также оговаривалось, что русские войска «временно оккупируют эту страну», а в пунктах 6–8 обосновывались необходимость и законность российского вмешательства. По подавлении восстания в Маньчжурии Россия первой из держав отозвала свой отряд из Бэйчжили и заявила о готовности к сепаратным переговорам с Китаем [23, стр. 353-373], чтобы согласовать способ и ближайшие сроки вывода войск из этой провинции при условии, что важно подчеркнуть, ряда гарантий временного характера со стороны Китая, преимущественно выдвигаемых Министерством финансов при поддержки МИД, но также и военным министерством, преследовавшим стратегические цели в том, что касалось государственной обороны и безопасности, охраны железнодорожных магистралей и защиты населения.

То, как действовали китайские власти в Маньчжурии, и наличие «многочисленных шаек хунхузов» привело к тому, что в 1901 г. военным ведомством проводились серьезные военные экспедиции, продолжавшиеся и в начале 1902 г. Враждебность китайского населения была очевидна и не ослабевала, а «цинская дипломатия», играя далеко не «пассивную роль» в русско-китайских отношениях, использовала международные противоречия, как и во время «илийского кризиса» и переговоров 1880–1881 гг. в Санкт-Петербурге, в качестве существенного фактора «сдерживания» России и достижения своих целей.

Положение в Маньчжурии имело ряд параллелей с ситуацией, сложившейся при передаче Китаю Кульджинского района. А.Н. Куропаткин еще в качестве начальника Азиатского отдела Главного Штаба при военном министре Д.А. Милютине участвовал в 1879 г. в особых совещаниях по данному вопросу [58, p. 763-786] и высказывался за то, чтобы Китай уплатил России в качестве компенсации вознаграждение в 100 миллионов рублей. В силу ряда причин и, как писал А.С. Суворин (М., 2005. С. 478–479), «авторитетного мнения» министра финансов С.А. Грейга, находящегося в этой должности два года и прославившегося как «испанский гидальго», от этого отказались. Свое видение ситуации и подход к решению проблем в том регионе А.Н. Куропаткин изложил в работе «Кашгария» (СПб., 1879). Таким образом, в работе над вышеупомянутыми «Основаниями» А.Н. Куропаткин исходил из своего опыта как дипломата, военачальника и крупного военного администратора, и эти сферы его деятельности еще остаются недостаточно исследованными. Немногое известно о работе А.Н. Куропаткина в качестве посланника в Персии и о ряде других назначений. Деятельность генерала как дипломата рассматривается в ряде широко известных публикаций «Красного архива», а также в работах А.В. Игнатьева «С.Ю. Витте – дипломат» (М., 1989), показывающих роль А.Н. Куропаткина в разрешении «Дальневосточного узла». В последнее время военно-политические взгляды военного министра были проанализированы в исследовании И.В. Белоконь [2].

Несмотря на неоднозначность оценок событий 1900–1902 гг., связанных с боксерским восстанием, по своему масштабу и значимости они, по оценке И.М. Попова, стали «наиболее серьезным и крупномасштабным военным столкновением России и Китая за всю историю их взаимоотношений, а после борьбы между Россией и Китаем за Албазин во второй половине XVII в. их можно квалифицировать как второй пик конфронтационности военно-политических отношений двух государств» [24; 33, стр. 357]. Эти события тяжелым бременем легли на военное ведомство и на его главу, как в военном, так и в политическом плане [57, p. 110-112].

В этом конфликте проявились расхождения во взглядах и действиях среди министров. В МИДе Российской империи, в момент, когда нарастал конфликт на Дальнем Востоке, с 1895 г., после смерти Н.К. Гирса, за пять лет сменилось четыре министра. Назначенный в разгар боксерского восстания в июне 1900 г. управляющим министерством, а с 25 декабря 1900 г.

министром иностранных дел граф В.Н. Ламздорф продолжил политику своего предшественника графа М.Н. Муравьёва, опираясь на министра финансов и поддерживая его мнение, что: «нам решительно нет никакого расчета входить в какие бы то ни было соглашения с соперничествующими в этой области державами» [30].

Следует отметить, что именно сепаратные переговоры с Китаем, проведенные В.Н. Ламздорфом, в которых, очевидно, С.Ю. Витте играл ключевую роль, не приветствовались военным министром, считавшим, что о компенсациях и экономических уступках следовало договариваться незамедлительно в рамках «консорциума держав-победителей». По его именно начатые Российской империей сепаратные переговоры с Китаем послужили, по ряду причин, только толчком к ухудшению создававшегося положения.

О роли С.Ю. Витте и о том, что по окончании военных действий он настоял на проведении сепаратных переговоров с Китаем, говорится в работах Б.А. Романова [4], а также в документах, подготовленных в «Красном архиве» А.Л. Поповым [30; 27; 52] и М.Н. Гершевичем [25], а также в документах, сравнительно недавно опубликованных В.К. Шацилло и Л.А. Шацилло (М., 2004), В.В. Глушковым и К.Е. Черевко (М., 2006), работах И.В. Лукоянова (СПб., 2008), О.Р. Айрапетова (М., 2015) и др. Итогом сепаратных переговоров стало соглашение 26 марта 1902 г. Осенью 1903 г. дипломатические переговоры с Китаем зашли в тупик и были подхвачены Японией, на что обращалось особое внимание в упомянутом очерке В.П. Череванского и О.Б. Рихтера.

Вслед за А. Малозёмовым, Я. Ниш справедливо отмечал сложное положение, в котором оказался В.Н. Ламздорф между А.Н. Куропаткиным и С.Ю. Витте, отстаивающими каждый свою позицию, однако Я. Ниш справедливо подчеркивал тот факт, что А.Н. Куропаткин «не призывал ни к аннексии Маньчжурии, ни к полному выводу войск» [57, p. 111-112]. Необходимо отметить, что военный министр отстаивал военно-стратегические интересы Российской империи. Ему были хорошо известны тяжкие последствия ухода России из Кульджи для населения. В 1903 г. он писал: «...если ограничиться охраной только тонкой линии дороги, то при первом волнении железная дорога может быть разрушена во многих местах. В особенности тревожным представлялось положение России, если бы она, атакованная на западе, вынуждена была вести одновременно войну и на востоке. В этом случае не было сомнения, что при очищении Маньчжурии от наших войск легко будет вызвать повторение китайских беспорядков 1900 года, при чем мы снова потеряем временно связь с Приамурским краем и нам вторично придется завоевывать Маньчжурию» [8].

Расхождения во взглядах между А.Н. Куропаткиным с одной стороны и с другой стороны С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорфом, которых поддерживал также главный начальник Квантунской области вице-адмирал Е.И. Алексеев, возникли не только в связи с необходимостью и целесообразностью сепаратных переговоров, а также о выводе войск после подавления восстания, особенно из северной части Маньчжурии, но и по двум другим главным вопросам, вставшим в ходе самого восстания. Во-первых, возник вопрос, кто должен возглавить интернациональные экспедиционные войска (генерал-фельдмаршал Альфред фон Вальдерзее или адмирал Е.И. Алексеев). Указания МИД были следующими: «нам отнюдь не следует добиваться сосредоточения в своих руках командования общими силами держав, предоставив таковое руководительство любому из иностранных военачальников» [51]. Во-вторых, обсуждалась целесообразность наступления и взятия Пекина. Подробно историография этой борьбы за выбор политического курса и реакция руководства Российской империи на боксерское восстание освещаются И.В. Лукояновым (СПб., 2008. С. 343–412).

В противоположность мнению представителей МИДа военный министр выступал за русского главнокомандующего экспедиционными войсками и за незамедлительный поход на Пекин. С.Ю. Витте сделал запрос о посылке войск только тогда, когда железнодорожная магистраль была разгромлена восставшими на всем ее протяжении: «Ближайший расчет правительства не оправдался, и движение боксеров к середине июня перебросилось уже и в Маньчжурию, после чего железная дорога оказалась разрушенной чуть ли не целиком, и Витте самому пришлось просить о вводе русских войск на всю территорию дороги (26 июня). Это повлекло за собой мобилизацию до 150 тыс. человек и форменную оккупацию к осени 1900 г. всей Маньчжурии,

– и тем не менее русская дипломатия не отказалась от занятой ею сепаратной позиции» [38; 40, стр. 135]. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» 20 ноября 1900 г. была опубликована телеграмма А.И. Юговича от 20 октября того же года, в которой говорилось, что магистраль разрушали в основном китайские регулярные войска под руководством местных властей [20, стр. 112-116].

Вслед за П.Н. Симанским можно утверждать, что промедление со стороны С.Ю. Витте, а также его нервозность, проявившаяся в его действиях и в «жалобах» на военного министра, в частности, Д.С. Сипягину [3, стр. 34], сыграли весьма негативную роль. В дальнейшем эта задержка, приведшая к тому, что КВЖД была разрушена, сказалась на готовности России к русско-японской войне, а именно: на приостановке на год (по приказу Е.И. Алексеева) строительства крепостных работ в Порт-Артуре, «огромных» финансовых и материальных расходах на войска, флот и восстановление разрушенной инфраструктуры в период 1900–1903 гг., а также на скорости сосредоточения войск в регионе.

А.Н. Куропаткин впоследствии писал: «Разрушения, произведенные на железной дороге, оказались весьма значительными. План строительства на 1900 г. был разрушен. Мы потеряли год. Пока мало оценено важное значение этой потери времени. Будь мы сильны на магистрали и поддержи на ней спокойствие в 1900 г., наша железнодорожная готовность в 1904 г. была бы иная, чем то оказалось в действительности, а вместе с тем подвоз подкреплений в 1903 г. и сосредоточение войск в 1904 г. совершилось бы несравненно быстрее, чем то было на самом деле. Мы могли под Ляояном иметь, вероятно, на два или три корпуса войск более, чем имели в действительности» [17, стр. 143]. Немаловажен факт, что вся охранная стража КВЖД (по настоянию С.Ю. Витте) находилась в ведении министерства финансов, что часто не принималось исследователями во внимание, а в условиях войны такое положение дел не способствовало повышению ее боеготовности, скоординированности действий и эффективности управления.

А.Н. Куропаткин требовал от русских войск «наносить бунтовщикам возможно тяжелые удары», считая, что только быстрыми и решительными военными действиями было возможно достичь успеха кампании, что видно из его указаний адмиралу Е.И. Алексееву 27 октября 1900 г.: «Воля государя, дабы в Маньчжурии не осталось ни одной организованной военной китайской части, ни одного китайского орудия и был восстановлен порядок, должна быть выполнена неуклонно. Потери наших войск не должны приостанавливать выполнение Высочайшей воли. Больными и умершими от болезней потеряем более». А.Н. Куропаткин ориентировал командование на то, чтобы «не разбрасывать силы», не оставлять гарнизоны в занятых китайских городах и деревнях, а русское военное присутствие в регионе ограничить только линией отчуждения вдоль КВЖД: «с тем, что „окончательное успокоение“ Маньчжурии являлось делом трудным, было полностью согласно военно-политическое руководство России» [24; 33, стр. 331-332, 334].

В официальном российском Правительственном сообщении о ситуации в Маньчжурии, опубликованном 11 ноября 1900 г., говорилось, что «еще не скоро удастся водворить в Маньчжурии полный порядок. Боксеры продолжают свою пропаганду и беспорядки <...> При настоящем тревожном положении Маньчжурии одной охранной страже даже и после значительного ее усиления поддерживать спокойствие и порядок на линии в 2000 верст, главное, обеспечивать эту линию от нового разрушения, не по силам. Поэтому временно в Маньчжурии останется часть введенных туда наших войск. Первоначально, в течение настоящей зимы, будут расквартированы в Маньчжурии 1-я, 4-я и 5-я Восточно-Сибирские стрелковые бригады с соответствующим числом частей других родов оружия. Затем, по мере успокоения страны, силы эти будут уменьшаться. Есть надежда, что уже в первой половине будущего года окажется возможным еще одну из бригад, оставляемых в Маньчжурии, возвратить в пределы Приамурского военного округа» [24; 33, стр. 336-337].

Вслед за Б.А. Романовым, Я. Ниш и рядом других исследователей следует признать заслугу А.Н. Куропаткина в том, что военные действия для России были проведены успешно. В трудных условиях генералу удалось убедить Николая II в необходимости быстрых и решительных мер: «Оба они принялись обсуждать создавшуюся ситуацию в военном плане, и в результате тайком от Ламсдорфа и Витте отдан был приказ (1 августа) русскому отряду

в Тяньцзине с боем идти на Пекин, чтобы не отстать от двинувшихся туда англичан, американцев и японцев» [38; 40, стр. 136].

А.Н. Куропаткину, однако, не удалось убедить императора в необходимости назначить главнокомандующим войсками русского военачальника вице-адмирала Е.И. Алексеева: «Это шло вразрез с принятым уже Николаем планом предоставить расправу в собственно Китае немецкому главнокомандующему (генералу Вальдерзее), используя бешенство, в которое впал после убийства в Пекине германского посланника Вильгельм, рвавшийся „сравнять Пекин с землею“ и придать делу характер „большого военного предприятия общего характера“» [38; 40, стр. 137].

В результате был назначен генерал Альфред фон Вальдерзее, что было с воодушевлением встречено в Германии. Военные действия, проводимые Россией во время боксерского восстания на территории Китая, хорошо документированы и освещены в вышеупомянутой работе И.М. Попова. Как только порядок был восстановлен, военное ведомство приняло соответствующие меры для скорейшего вывода из Печилийской провинции русских войск, «что и было исполнено, несмотря на неудовольствие графа Вальдерзее. Все прибывшие в Маньчжурию подкрепления из Сибири и Европейской России были уведены обратно» [19, стр. 143].

Наметились также разногласия среди военных, в том числе и военных агентов, которые в дальнейшем, в 1903–1905 гг., усугубились еще более***. В то время как А.Н. Куропаткин выступал за решительные действия и за поход на Пекин весной 1900 г., в военных кругах существовала оппозиция. Так, соображения полковника К.И. Вогака о перспективах проведения военной операции в Пекине, изложенные полковнику В.Е. Флугу из Тяньцзиня 28 марта 1900 г. были иными: «Я полагаю, что если политические обстоятельства потребуют с нашей стороны вооруженного давления на Китай, то это следует сделать в Маньчжурии, а не в Пекине, ограничившись в Печили морскою демонстрацией. Нет необходимости доказывать, что движение войск в Маньчжурию обставлено гораздо меньшими трудностями, нежели посылка экспедиционного отряда в Чжили. Кроме того, более нежели вероятно, что появление наших войск в Пекине вызовет международные осложнения, тогда как наступление в Маньчжурию, давно уже ожидаемое иностранными державами, вряд ли вызовет протест с чьей-либо стороны. Впечатление же, произведенное на Китай, будет то же самое, может быть даже большее, так как китайское правительство должно сознать, что раз двинувшись в Маньчжурию, мирное завоевание которой уже началось, мы или не уйдем оттуда вовсе, или же уйдем только тогда, когда предъявленные нами требования будут исполнены» [34, документ № 13].

Великие князья, занимавшие ключевые государственные должности, каждый имели свое мнение и предлагали свои подходы к решению проблемных вопросов, часто не совпадающие с позицией и возможностями военного ведомства [44].

Между генералом А.Н. Куропаткиным и адмиралом Е.И. Алексеевым также возникли серьезные противоречия. Еще 29 октября 1900 г. военный министр письменно заявил В.Н. Ламздорфу (от которого Е.И. Алексеев получал указания), что он не мог доверить адмиралу командование войсками, несмотря на жесткую критику со стороны С.Ю. Витте, и поставил во главе отряда, идущего на Пекин, генерала Н.П. Линевича [23, стр. 349-350].

Уже на стадии соглашений с союзниками по завершении военных действий А.Н. Куропаткин писал: «Последние дни сделал много хлопот адмирал Алексеев. Несмотря на формальное высочайшее повеление очистить Печелинскую провинцию к 1 января и сдать к этому времени железную дорогу Ян-цунь-Шанхай-гуянь он предъявил к Вальдерзее такие невозможные условия для нового соглашения, что это не подписано и до сих пор, о чем мне телеграфировал и Вальдерзее. Пришлось для выигрыша времени дать полномочие, с высочайшего соизволения, которые я испросил в докладе в субботу 23 декабря, сделать уступки и подписать соглашение помимо Алексеева» [16, л. 9 (Запись 25 декабря 1901 г.)].

Также об этих противоречиях свидетельствует запись, сделанная генералом А.Н. Куропаткиным 26 декабря 1901 г.: «Государь утвердил мои распоряжения, сделанные непосредственно через пол. кн. Енгалычева о подписании Келлером нового соглашения о передаче Вальдерзее железной дороги Шанхай-Гуянь-Ян-Цунь. Сделали это в обход Алексеева, который два слишком месяца оттягивает весьма важное

для нас очищение Печелинской провинции. Вследствие задержки частей 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады в Печили наш общий резерв в Приамурском округе очень слаб. Странный характер у Алексеева. Он смешивает упорство и притом неосмысленное с самостоятельностью и твердостью характера. Как неосмысленно, создавая себе невероятные страхи за опасность Порт-Артура, он задерживал там войска, назначенные из Владивостока в Печили, когда их надо было спешить отправить в Тянь-дзинь, так теперь всеми силами задерживает возвращение войск в Приамурский край. Задерживает два полка, две бригады в Печили. Пытается просить меня оба эти полка ввести в Южную Маньчжурию. Задерживает 15-й стрелковый полк, вместо которого уже давно прибыл в Мукден 4-й стрелковый полк. Если еще прибавить совершенно нелепые по слабости их работ по укреплению позиции у Чинь-чжоу (у перешейка), то можно сделать вывод, что по командованию войсками адмирал Алексеев путал много. По административной части, напротив, его действия весьма талантливы и энергичны. Как адмирал – не знаю» [16, л. 9-10 (Запись 26 декабря 1901 г.)].

В то же время генерал А.Н. Куропаткин положительно отзывался об оперативных действиях генералов Н.П. Линевича, Н.И. Гродекова, Д.И. Суботича и других, а также генерала П.И. Мищенко и полковника С.А. Добронравова, которые руководили экспедиционными отрядами русских войск в Южной Маньчжурии.

Военная фаза операции летом и осенью 1900 г. для Российской империи прошла успешно, и поставленные задачи были выполнены, что видно из донесения командующего войсками Квантунской области вице-адмирала Е.И. Алексеева военному министру из Дагу 23 июня 1900 г. о положении в Тяньцзине, однако в нем уже затрагивались вопросы увеличения войск и о дальнейших планах в связи с оккупацией, поднимавшиеся также Н.И. Гродековым, на что военный министр не мог не реагировать: «Вынужден просить иностранных начальников о присылке подкреплений, сообразно с требованиями полной обеспеченности сообщений и безопасности Дагу. В общем, прихожу к заключению, что 8000 отряд, указанный ВЫСОЧАЙШИМ (так в оригинале. – О.Б.) повелением, не соответствует более ходу событий; но, предвидя неизбежность оккупации, дальнейший перевод сюда войск из Артура считаю невозможным, ибо интересы наши требуют действий с обеспеченным успехом в большей мере на театре Маньчжурском, чем на Пекинском. Международные обязательства по отношению Пекина и Тяньцзиня Россия исполнила в большей степени, чем какая-либо из держав, и доселе вся тяжесть кампании лежала почти исключительно на наших войсках и эскадре, мужеством и стойкостью коих достигнуты все бывшие до сих пор успехи» [34, документ № 20].

А.Н. Куропаткин писал: «Волнения 1900 г. совершенно ясно доказали, что при условии прохождения Сибирской магистрали на протяжении 1200 верст по китайской территории нельзя рассчитывать на поддержание и в будущем прочной связи с Россией. Дабы прочно обеспечить наше положение на Дальнем Востоке, необходимо было быстро строить железную дорогу по нашим владениям на правом берегу Амура и в то же время поставить Северную Маньчжурию в такое положение, чтобы эта провинция не ослабила бы при помощи нами же построенной дороги нашего положения на Дальнем Востоке» [23, стр. 143-144].

Последовавшая фаза военного и политического урегулирования заняла более полутора лет. После завершения военной стадии конфликта, оккупации русскими войсками Маньчжурии и установления полного контроля над КВЖД, осенью 1900 г. необходимо было скорейшее разоружение китайской армии и уничтожение оставшихся групп восставших для установления порядка на оккупированной территории с последующей ее передачей в управление местным китайским властям. Согласно донесению Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова военному министру об обстановке в Маньчжурии из Хабаровска 21 июня 1900 г., адмирал Е.И. Алексеев 17 июня из Дагу сообщал, что «ознакомившись на месте с положением дела, считаю его чрезвычайно серьезным; полагаю, что на пути к цели нашей, умиротворению Китая, мы встретим огромные препятствия и к той же обстановке должны готовиться и в соседней нам Маньчжурии». Со своей стороны Н.И. Гродеков считал необходимым «поставить в известность об означенных в Маньчжурии признаках явно враждебного нам

брожения» [34, документ № 19].

Военный министр поддерживал требования генерала Н.И. Гродекова об усилении Приамурского военного округа, что в то время не нашло поддержки министра иностранных дел, который писал: «Не считая себя компетентным высказать заключение о том, в какой степени с чисто военной точки зрения представляется необходимым усиление находящихся в ведении приамурского генерал-губернатора войсковых частей, я не могу не обратить внимания вашего на политическую сторону данного вопроса, имеющую при настоящем общем положении дел на Крайнем Востоке весьма существенную важность. Мне кажется прежде всего, что удовлетворение ходатайства генерала Гродекова о командировании новых отрядов войск в Маньчжурию находилось бы в полном противоречии с неоднократно сделанными от высочайшего имени государя императора заявлениями о намерении России возможно скорее приступить к постепенной эвакуации названной области: таковое обстоятельство не только подорвало бы доверие к императорскому правительству, но и повело бы к самым опасным политическим осложнениям, ибо, несомненно, возбудило бы подозрение в намерении России под тем или иным предлогом окончательно завладеть Маньчжурией» [25, стр. 28-29].

Тем не менее, к лету 1901 г. В.Н. Ламздорф постепенно стал искать другие пути решения Маньчжурского вопроса, что видно из секретных писем № 723 и № 724 министра иностранных дел министрам военному и финансов от 19 июля 1901 г.: «Нет сомнения, что с формальной стороны, поскольку вопрос касается взаимных отношений России к другим державам, присоединение к ее владениям Маньчжурии представляется возможным, несмотря на заявления, сделанные в обнародованных правительственных сообщениях. В самом деле, во всех официальных документах императорское правительство неоднократно доводило до сведения иностранных государств, что Россия отнюдь не имеет в виду каких-либо территориальных приобретений за счет Китая (что она <...> не преминет вывести войска свои из пределов соседней империи), но при условии однако, если этому не послужит препятствием образ действий других держав и самого Китая. На основании последней, весьма существенной оговорки, в самом ближайшем времени не трудно будет отметить как в образе действий держав, так и в поведении Китая достаточно поводов для того, чтобы иметь право отказаться от наших первоначальных намерений и объявить о присоединении какой-либо части китайской территории. Хотя таковое решение, несомненно, произвело бы неблагоприятное впечатление на мировое общественное мнение, которое все же усмотрело бы в оном лишь предлог к неисполнению императорским правительством данных обещаний, тем не менее есть некоторые данные предполагать, что собственно из западных великих держав ни одна не решится вступиться за Китай и что, стало быть, со стороны Европы едва ли последует отпор завоевательным планам России» [25, стр. 34-35].

Таким образом, можно заключить, что военный министр, несмотря на то, что в принципе был «убежденным сторонником того, что ни с военно-стратегической, ни с экономической точек зрения, Маньчжурия России не была нужна», о чем он заявлял с 1900 г., учитывая политическую обстановку и уже существующие экономические предприятия Российской империи, а также интересы, преследуемые другими государствами, выступал (после нападения на г. Благовещенск и боксерского восстания) за решительные меры. Он считал, что Россия имела право на них, в том числе и на возмещение ущерба, а контроль над Северной Маньчжурией в определенных им границах вдоль КВЖД являлся необходимостью и гарантом обеспечения стабильности и безопасности экономических и стратегических интересов России в регионе. Так, на случай «очищения» Маньчжурии от русских войск, А.Н. Куропаткиным был добавлен к перечню, предложенным В.Н. Ламздорфом, пункт 6, который он считал весьма важным, и который, по его мнению, следовало отстаивать: «Япония признает преимущественные права России во всех прилегающих к русской границе областях Китайской империи и обязуется не препятствовать соответствующей свободе действий ее в означенных областях» [15].

В противном случае, по мнению военного министра, понесенные Россией жертвы были не оправданы, и скорого конфликта в будущем было не избежать: «При нашей решимости очистить Маньчжурию от наших войск, полагаю, что Японии будет трудно найти повод для войны с нами, и, главное, таковая война, создавая

Японии большие опасности, не принесет особо полезного результата. Уверен, что, даже удерживая в известной от нас зависимости Северную Маньчжурию до границ, указанных мной ранее, мы имеем полное основание надеяться избежать разрыва с Японией. Поэтому наше новое соглашение с Японией не должно быть куплено слишком дорогой ценой. Полный отказ от Кореи и уступка ее Японии и составит слишком дорогую цену. Для меня несомненно, что если японские войска войдут в Корею, то это ускорит разрыв России с Японией» [15].

Об этом генерал не раз заявлял и писал, подчеркивая, что в тот момент такое решение было бы воспринято европейскими государствами как должное и что его все ожидали от России, учитывая, что под Благовещенском фактически против нее велись военные действия. Это подтверждалось и получаемыми официальными депешами: «На юге англичане имеют более определенные цели. Они интересуются до некоторой степени участью своей миссии в Пекине, но главные задачи, ими преследуемые, сосредоточены в долине Янцзы. На нее здесь, по-видимому, смотрят, как на местность, где Англия будет искать компенсаций, в ответ на меры, которые Россия сочтет необходимым принять для обеспечения своей железной дороги в Маньчжурии. Желая создать себе особые права в этой долине, англичане предъявляют в ней притязания на роль не только руководящую, но и исключающую участие всех других держав. Но и здесь они не близки к намеченной цели: Германия с чрезвычайной подозрительностью следит за их действиями, и легко может случиться, что их замыслы поведут лишь к полному соглашению по делам Дальнего Востока между Россиею, Германиею и Франциею, подобно тому, как было в 1895 году» [12].

Иностранные государства преследовали аналогичные интересы в других регионах мира, и позиция России в Маньчжурии не была уникальна для того времени. Так, на основании Берлинского трактата 1878 г. и Австро-Турецкой конвенции от 21 апреля 1879 г. Босния и Герцеговина, «оставаясь частями Оттоманской империи, передавались в управление Австро-Венгрии. Отправление правосудия в провинциях производилось в окружных судах на основании изданных австро-венгерским правительством кодексов <...> По июньской конвенции 1878 г. верховная власть над островом Кипр принадлежала турецкому султану, но де-факто ее осуществляли англичане. В 1879 г. английское правительство учредило на Кипре верховный английский суд. Английской юрисдикции подлежали все жители острова» [31].

В официальном «Обзоре В.П. Череванского и О.Б. Рихтера» давалась следующая характеристика позиции военного министерства: «...занятие и отдельной части Маньчжурии по праву сильного не могло ласкать наши руководящие сферы, так как наплыв желтой расы в Приамурский край парализовал бы в нем русифицирующее влияние и представил бы русскому труженику непреоборимую конкуренцию. Если Америка охраняет себя от этой конкуренции, то отдаленной окраине России и подавно надлежало сторониться от внедрения в нее упорного и дешево оплачиваемого соперничества. Обсудив все приведенные условия, наше военное ведомство высказалось, как это видно из письма Военного Министра Графу Ламздорфу 30 июля 1901 г., за полезность дальнейшей оккупации одной лишь северной части Маньчжурии и южной части Гиринской провинции. При эвакуации этих местностей предстояло ограничить охрану южной железнодорожной ветви, от Харбина до Порт-Артура, одной лишь пограничной стражею, усиленною необходимым резервом. На случай принятия этой программы, Военное Министерство проектировало и план эвакуации, причем на передачу Китайскому правительству железных дорог Шанхай-Гуань-Син-Мынь-Тин с ветвью на Инкоу было испрошено 5 июля 1901 г. Высочайшее соизволение. В 1902 г. военное ведомство предполагало возможным вывести наши войска из Мукденской провинции, а в 1903 г. освободить от наших войск и южную часть Гиринской провинции. Ближе ознакомленное с ходом политических событий наше ведомство иностранных дел, в составленном им „проекте соглашения с Китаем относительно Маньчжурии“, предполагало возможным дать обязательство очистить всю Маньчжурию от всех наших войск в 1903 г. Намерение это, однако, встретило категорическое возражение военного министра, который в письме к графу Ламздорфу 12 августа 1901 г. предъявил суждения, подкреплявшие ранее сего высказанные им положения. В течение всех дальнейших переговоров Россия считала себя обязанною договариваться по отношению к

Маньчжурии только с прямою собственницею последней, т. е. с Китайской Империей» [36, л. 33].

В результате Россия начала сепаратные, так и не принесшие в дальнейшем результатов переговоры с Китаем, которые были построены на подкупе китайских чиновников, в частности, наместника провинции Чжили Ли Хунчжана, который скончался 7 ноября 1901 г., что окончательно изменило настроения в китайском правительстве [38; 40, стр. 134-135].

Для А.Н. Куропаткина как военного министра была очевидна угроза Дальнему Востоку и даже вероятность «потерять всю Сибирь до Байкала» [56]. Признавая принципиальную неготовность России к войне, о чем он неоднократно заявлял, генерал постоянно подчеркивал важность дипломатического посредничества для мирного урегулирования отношений с Японией и Китаем и принимал в этом активное участие. В большинстве случаев, выступая официально в согласии с министрами иностранных дел и финансов [35], генерал придерживался своих тщательно обоснованных взглядов и твердо проводимой им линии военного министерства, корректируя их с учетом «фазиса» развития событий, а именно – воли государя императора, военно-стратегических и экономических интересов России, дипломатических инициатив и договоров, а также международного положения.

Не последнее место при принятии военным министром решений играли такие политические факторы, как продолжающиеся беспорядки и нестабильность в Китае, конфликт интересов ведущих стран, сближение Японии с Китаем и насторожившее правительство и Николая II соглашение Германии с Англией о сферах влияния на Дальнем Востоке, подписанное в Лондоне 16 октября 1900 г. Япония, не найдя в лице России союзника в своих действиях по отношению к Корее, подписала в январе 1902 г. англо-японский договор. 26 марта 1902 г. между Россией и Китаем было заключено соглашение, определившее порядок вывода в три этапа русских войск, находившихся там для подавления боксерского восстания и защиты железнодорожных магистралей. Это было сделано в обход военного министра и показывало углубившиеся разногласия между МИД и военным ведомством; не последнюю роль здесь сыграл министр финансов С.Ю. Витте.

В начале 1902 г. в северной Маньчжурии были проведены две последние крупномасштабные военные операции. Сроком окончания военных действий в Маньчжурии было приказано считать 26 марта 1902 г. Но и после этого дня «некоторые русские войска и военные учреждения оставались в Маньчжурии и продолжали эвакуацию на родину. Постепенно функция обеспечения русского военного контроля в этом регионе Китая полностью переходила в ведение корпуса Охранной стражи КВЖД» [24; 33, стр. 345], находившейся в ведении Министерства финансов.

Таково было положение дел вплоть до момента, когда формально точкой в «маньчжурской эпопее» русских войск стало подписание 29 марта 1902 г. в Пекине русско-китайского соглашения о выводе русских войск из Маньчжурии. От России документ подписал действительный статский советник П.М. Лессар. Китайское правительство было предупреждено, что Россия не преследует враждебных целей в отношении Китая и что его независимость и неприкосновенность положены в основу русской политики на Крайнем Востоке [24; 33, стр. 354]. Это решение было принято по инициативе В.Н. Ламздорфа, за которым стоял С.Ю. Витте. Свою роль также сыграли, хотя и противоположного характера, донесения, требующие усиления военного присутствия на Дальнем Востоке Н.И. Гродекова и Е.И. Алексеева и др. из Китая.

Факт, но соглашение было подписано без предварительной консультации с военным министром, на что А.Н. Куропаткин впоследствии неоднократно указывал, подчеркивая его нецелесообразность и ошибочность. На пути в Японию 28 мая 1903 г. им была сделана следующую запись: «знаменательные правительственные сообщения о том, что мы не ведем войны с Китаем, и о том, что мы очистим Маньчжурию, составлялись и были обнародованы без всякого участия военного министерства. Никогда еще не было, чтобы в прежнее время в деле, в котором была привлечена вооруженная сила государства, где участие этой силы решило участь Маньчжурии и Пекина, государи русские не справлялись с мнением лица, которому было вверено ими же управление вооруженными силами государства <…> Конечно, военный министр, ранее обнародования правительственного сообщения, подал бы голос за то, чтобы военные действия, в которых мы потеряли 2000 человек, считались войною.

Конечно, военный министр настаивал бы, чтобы хотя северная часть Маньчжурии осталась за Россиею. Я делал эти заявления много раз и словесно и письменно, но уже после того, как государево слово было произнесено».

О роли этого соглашения и его последствиях, в частности, вмешательства иностранных держав, А.Н. Куропаткин писал: «В каждом совещании это уже данное обещание висело над нами, давило нас и заставляло хлопотать о мелочах, ибо главное – очищение Маньчжурии – признавалось делом решенным. Тем не менее невозможность для России отдать после всех принесенных жертв северную Маньчжурию, забыть, что китайцы напали на Благовещенск, переносить неудовольствие, а потом вмешательство разных держав в дело (Маньчжурское), которое должно было быть нашим внутренним делом, становилась все яснее не только для государя, но и для Ламздорфа и Витте» [17, стр. 409].

В связи с решением Маньчжурского вопроса критика в адрес генерала А.Н. Куропаткина часто оказывалась, при более близком рассмотрении, предвзятой или недостаточно обоснованной. Следует отметить, что в отличие от главного начальника Квантунской области вице-адмирала Е.И. Алексеева или А.М. Безобразова, ставшего 7 мая 1903 г. статским советником и возглавившего «новый курс», и его сторонников, военный министр, основываясь на расчетах и анализе ситуации, отразившихся в его записках [18] и докладах, не выступал за присоединение всей Маньчжурии или южной ее части, считая это невыгодным и опасным для России. Исходя из своих выводов, изложенных им Николаю II в докладе от 14 марта 1900 г. [5], о том, что России невыгодно вступать в военные действия в целях изменения существующих границ, военный министр был убежденным противником присоединения Маньчжурии. Тем не менее, после боксерского восстания и разгрома КВЖД его взгляды претерпели некоторые изменения.

В 1900 г. позиция А.Н. Куропаткина прослеживалась в его ответе В.Н. Ламздорфу в связи с секретной телеграммой посланника в Пекине действительного статского советника М. Гирса от 28 ноября 1900 г., в которой сообщалось о стремлении князя Цина и Ли Хунчжана (прибегших в то время уже к советам других держав) возможно скорее добиться от России возвращения Китаю Маньчжурии. В.Н. Ламздорф, летом 1900 г. назначенный управляющим Министерством и при поддержке С.Ю. Витте с января 1901 г. ставший министром иностранных дел, обратился к А.Н. Куропаткину с просьбой дать заключение по ней. Из телеграммы видно, что посланник в Пекине полагал возможным заключить соглашение между миссией в Пекине и китайскими уполномоченными с целью выговорить исключительное право получить концессию на обработку рудных богатств и постройку железных дорог в Маньчжурии; что тогда же надлежало заявить те права, которые Россия желала сохранить за собою в Маньчжурии, а также что предполагаемая поездка князя Э.Э. Ухтомского в Маньчжурию должна была успокоить китайцев.

Как видно из ответа А.Н. Куропаткина от 29 июня 1900 г., военный министр считал, что по первому пункту с точки зрения права следовало руководствоваться «Основаниями русского правительственного надзора в Маньчжурии», разработанными по соглашению трех министров, хотя основным автором был А.Н. Куропаткин [50, стр. 301], и являвшимися базой предстоящих переговоров России с Китаем относительно Маньчжурии, и действовать соответственно с ними.

С военной точки зрения А.Н. Куропаткин считал важным для России не торопиться с выводом русских войск из Маньчжурии, признавая, что главными задачами России в Маньчжурии на тот момент были: «1) окончание постройки строящихся нами в Маньчжурии железных дорог и 2) установление такой охраны сих дорог, по окончании их постройки, которая вполне обеспечивала бы связь России, через Маньчжурию: в одну сторону до Владивостока и в другую – до Порт-Артура». А.Н. Куропаткин счел себя обязанным высказать свое убеждение, что охранная стража даже при ее усилении не могла справиться с этими задачами без поддержки ее русскими войсками, расположенными в Маньчжурии. Он указал, что еще в октябре в пределах Китая находилось свыше 60 батальонов пехоты с соответствующим числом частей других родов оружия, а к ноябрю в Маньчжурии было расположено 28 батальонов и в Печилийской провинции 6 батальонов; что составляло уже 34 батальона (кроме соответствующих частей войск других родов оружия). Принимая в расчет произведенную демобилизацию войск, русские силы в пределах Китая в

октябре и ноябре были уменьшены более, чем вдвое. Военный министр отмечал, что к лету 1901 г. было бы желательно произвести новое значительное сокращение этих сил, однако до окончания постройки железной дороги он сомневался, что будет возможно обойтись в Маньчжурии меньше, чем 20 батальонами с соответствующими частями других родов оружия.

По окончании постройки железной дороги и при сохранении спокойствия во всех трех провинциях, военный министр полагал возможным ограничиться расположением в двух северных провинциях, в городах Харбине, Гирине и Цицикаре, 8-ми батальонов и в Мукденской провинции, в Мукдене, – 4-х батальонов, предоставив непосредственную охрану линии железной дороги войскам охранной стражи.

А.Н. Куропаткин считал, что даже при наиболее благоприятных для России условиях ее военные интересы не будут обеспечены, если Россия не сохранит за собою «права удержать в Маньчжурии на неопределенное время в поддержку к охранной страже силу в 8 батальонов с соответствующим числом частей других родов оружия», что составило бы только одну шестую часть тех сил, которые были введены Россией в пределы Китая. В случае необходимости вывода всех российских войск из Маньчжурии, военный министр не мог не высказать мнения, что «жертвы, принесенные ныне Россией в Маньчжурии, являются непроизводительными, ибо, в случае новых осложнений на Дальнем Востоке, связь России с Владивостоком и Порт-Артуром останется не обеспеченною». Приведя эти веские соображения, он подчеркивал, что в предстоящих переговорах с Китаем, будучи «убежденным сторонником неприсоединения к России Маньчжурии», он придает «вопросу о сохранении за нами права иметь войска в Маньчжурии первенствующее значение перед всеми прочими интересами политического и экономического значения» [29].

Таким образом, в качестве завершения, важно отметить, что «военно-феодальных» или захватнических высказываний в ответе генерала В.Н. Ламздорфу не прослеживалось, а в основе позиции А.Н. Куропаткина лежали принципы государственной безопасности, целесообразности и эффективности. Генерал был сторонником проведения железной дороги по русской территории до г. Владивосток. Во время решения этого вопроса он занимал должность начальника Закаспийской области и не мог на него повлиять. Когда северная магистраль была проведена, он как военный министр признавал необходимость обеспечения надежной связи по всей линии, размещения на ней достаточной военной силы при осуществлении российского правительственного надзора в северной Маньчжурии [20, стр. 6]. Вопрос, по всей видимости, стоял бы иначе, если бы охранная стража КВЖД не находилась в ведении Министерства финансов, а адмирал Е.И. Алексеев проявил бы больше гибкости в ведении дипломатических переговоров о modus vivendi в период оккупации.

1900 год показал, как население Китая относилось к российским предприятиям в Маньчжурии. Только благодаря своевременному занятию Пекина удалось быстро погасить восстание, уже перекидывавшееся в Маньчжурию, что подтверждало правильность позиции военного ведомства. В последствии генерал считал, что урок прошел даром, так как после «маньчжурских авантюр» появились еще более опасные «корейские авантюры», которые задевали интересы Японии в Корее.

В 1901 г. на запрос В.Н. Ламздорфа, какие задачи Россия должна преследовать в Маньчжурии, А.Н. Куропаткин ответил письмом, в котором он подробно разбирал значение для России южной Маньчжурии и писал, «что не надо захватывать в той или другой форме южную Маньчжурию, ибо это приведет нас к войне с Китаем и Японией». В отношении «пустынной и прилегающей к России» северной части Маньчжурии, он считал, что после проведения магистрали она должна войти в «сферу особого влияния России и быть ею особо охраняема, дабы жертвы, принесенные Россией на Дальнем Востоке, не оказались ей во вред». Он также указал, что Порт-Артур не усиливал, а ослаблял положение России [20, стр. 6].

А.Н. Куропаткин полагал, что все «уступки» России, обвинения в которых в дальнейшем сыпались со стороны группы А.М. Безобразова, «были роковым образом связаны с первым несоответственным интересам России шагом: с правительственным сообщением о том, что мы ничего не хотим взять у Китая, что мы с ним не воевали и что мы Маньчжурию возвратим. Все остальные наши уступки вращались около этого коренного ошибочного шага. Никто этого шага от нас

не требовал. Напротив, все были глубоко убеждены, что мы, выставив 200 тыс. войск, пролив кровь 2000 человек, истратив массу миллионов, возьмем себе всю или часть Маньчжурии. Китай на нас напал, и вместо сантиментов с ним, вместо закрывания глаз на то, что в сущности мы вели борьбу не с боксерами, а с правительством, мы к удивлению всего мира делали вид, что помогаем правительству Китая в борьбе с восстанием. Дальнейшее развитие этой комедии выразилось в договоре 26 марта 1902 года. Наши попытки получить что-то задним числом не удались. Дипломаты тотчас отступили перед японцами» [17, стр. 396 (27 мая 1903 г.)].

Договор 26 марта 1902 г. обозначил этапы вывода войск; первым русские войска должны были оставить регион от Шанхай-Гуаня до реки Ляо (несмотря на противодействие Е.И. Алексеева [20, стр. 6]), что было сделано к 26 сентября 1902 г. Сроком завершения второго этапа – вывода войск из Мукденской и Гиринской провинций – было объявлено 26 марта 1903 г. Третий этап – вывод войск из Цицикарской провинции – должен был закончиться 26 сентября 1903 г. Первый этап был проведен в установленные сроки. Дальнейшее выполнение своих обязательств Россия обусловила получением дополнительных гарантий со стороны Китая, что вызывало его протест [39].

По подписании данного договора все имевшиеся расхождения во мнениях между министрами по этому вопросу отступили на второй план. Военный министр незамедлительно приступил к его выполнению. К мнению А.Н. Куропаткина не прислушались, и в определенном смысле это облегчало положение военного министра и означало, что он мог сконцентрировать свое внимание на западных границах. По мнению генерала, положение дел в 1902 г. было еще благоприятным, и Россия, начав выполнять свои обещания по «очищению» Маньчжурии, могла рассчитывать на спокойную обстановку на Дальнем Востоке. Однако в конце 1902 г., как он считал, появились тревожные признаки возможного разрыва с Японией. В 1903 г. после проведения запланированных маневров, вскрывших недостатки в организации и командовании, которые в дальнейшем скажутся на итогах русско-японской кампании, и после того, как военный министр поднял вопрос о доверии в связи с «новым курсом» в дальневосточной политике и формой и методами образования наместничества на Дальнем Востоке, в ожидании окончательного решения императора и своего вынужденного предстоящего двухмесячного отпуска, 24 августа 1903 г. он записал в своем дневнике: «Буду все же бороться, пока хватит сил, дабы увлечения по Дальнему Востоку не причинили России и государю бедствий» [13, стр. 167-168], что им и было исполнено, несмотря ни на какие трудности.

Военно-стратегические задачи являлись первостепенными для военного министра, однако, имея большой дипломатический опыт, он не мог не оставить без внимания и смену японского правительства во главе с Кацура Таро в мае 1901 г.

Представляется, что политика «экономической экспансии», включая строительство укрепленного района Порт-Артур и коммерческого порта Дальний, а также КВЖД и ЮМЖД на территории северо-восточного Китая требовала поддержки и охраны со стороны военного ведомства, что было очевидно не только государственным деятелям Российской империи, но и за рубежом. Однако для такой поддержки и в таких пространственных масштабах у военного министерства не было ни средств, ни времени. Оставался дипломатический путь решения спорных вопросов, но царское правительство допустило очевидные просчеты, которые привели в вооруженному конфликту. Р.Ш. Ганелин, А.В. Ремнев [6; 7; 37] и другие исследователи выделяли в этом роль системы государственного управления империи. И.В. Лукоянов (СПб., 2008. С. 399, 412, 526) также говорил о «соперничестве сановников» и «системном кризисе всей дальневосточной политики» Российской империи после провала сепаратных переговоров с Китаем и подписания русско-китайского соглашения 26 марта 1902 г., подчеркивая, что «механизм постановки целей и выбора путей их реализации окончательно перестал работать как единое целое. После 1902 г. Петербург так и не мог решить, что именно он хочет и возможно ли этого добиться».

Хотя «соперничество сановников, к которому также подключились безответственные личности» (группа А. М. Безобразова) и имело место, на наш взгляд, это было вторично, так же как и создание института наместничества на Дальнем Востоке, а краеугольным камнем трагедии на Дальнем Востоке явилась авантюрная, расточительная и не

имевшая всестороннего финансового и технико-экономического обоснования политика министра финансов С.Ю. Витте [9; 10], который, по всей видимости, не осознавал (или не желал признать), в какой степени экономические предприятия подобного рода и размаха требовали включения в дело всего военного аппарата государства в целях их защиты. Отстаивая всеми средствами созданные им «империи» на Дальнем Востоке и, в меньших масштабах, но угрожавшую интересам, в первую очередь, Великобритании, в Персии и, подчиняя себе многие государственные структуры, он, «лавируя», проводил свою политику и оказывал сильное влияние на МИД и на ход дипломатических переговоров, а также на военное ведомство.

В свете вышесказанного взгляды и позиция военного министра А.Н. Куропаткина представляются вполне обоснованными и представляют несомненный интерес для исследователя, а также придают новые штрихи к вопросу о боксерском восстании в Китае.

Примечания

* 3 декабря 1897 г. русские военные суда встали на рейд в Порт-Артуре, а 15 марта 1898 г. Россия и Китай подписали в Пекине русско-китайскую конвенцию, согласно которой России предоставлялись в арендное пользование порты Порт-Артур (Люйшунь) и Дальний (Далянь/Далянвань) с прилегающими территориями и водным пространством сроком на 25 лет, а также разрешалась прокладка к ним Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) от одного из пунктов Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Этот факт важен, поскольку А.Н. Куропаткин возглавил министерство позднее и не мог существенно повлиять на ход дел.

** «В 1900 г. в Китае возникли беспорядки. В том же году не без участия китайских регулярных войск, был подвергнут бомбардировке Благовещенск, что могло служить „достаточным поводом к открытию со стороны России военных действий против Китая. В этом случае восторжествовали со стороны России принципы ее миролюбивых доброжелательных отношений к Китаю; поэтому она выступила на помощь Пекинскому правительству в возникшей борьбе с революцией. С этой целью наши войска заняли некоторые местности в Маньчжурии, что, однако, послужило поводом к оппозиции против наших мероприятий со стороны не только азиатских, но и европейских держав. Заподозренная в намерении обратить временную оккупацию Маньчжурии в присоединение ее к своим пределам, Россия, для доказательства противного, предъявила условия, выразившиеся в договоре 26 марта 1902 г. Включенные в этот договор уступки России навели, однако, Японию и Китай на мысль о военной слабости на Дальнем Востоке» [26].

*** «Известна та рознь, которая раздирала военные сферы во время китайской войны (боксерское восстание). Когда приамурское начальство, ведавшее операциями в Северной Маньчжурии, враждовало с квантунским, которому подчинены были отряды в Южной; когда на юге шло острое соревнование между генералами Волковым и Церпицким, а на севере генералы Реннекампф, Орлов и другие со своими отрядами летали по краю за славой, избегая подчинения друг другу и приамурскому начальству…» [11, стр. 112].

Список литературы

1. Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война. Военно-политическая история. – М.: Алгоритм, 2015.
2. Белоконь И.В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А.Н. Куропаткина: Дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2012.
3. Витте С.Ю. Письма к Д.С. Сипягину (1900-1901 гг.) // Красный архив. – 1926. – Т. 5 (18).
4. Временная оккупация Маньчжурии (1900–1901 гг.) // Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). – М.; Л.: 1947. – С. 92–115.
5. Всеподданнейший доклад военного министра Куропаткина А.Н. Николаю II. 14 марта 1900 г. // ГАРФ. – Ф. 601. – Оп. 1. – Д. 445.
6. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. – Наука.: С.-Петербургское отд-ние, 1991. - 221 с.
7. Ганелин Р.Ш. Совет министров Российской империи и революционный процесс // Тезисы докладов

международной научной конференции 30–31 мая 2013 г. – СПб., 2013. – С. 14–15.
8. ГАРФ. – Ф. 543. – Оп. 1. – Д. 182. – Л. 2.
9. Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С. Ю. Витте // Вопросы истории. – 2006. – № 12; 2007. – № 1–11.
10. Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. – М.: Госфиниздат, 1948. - 454 ис.
11. Деникин А.И. Старая Армия. Офицеры. – М.: Айрис-пресс, 2006. - 520 с.
12. Депеша поверенного в делах в Лондоне [П.М. Лессара]. Лондон. 2 (15) августа 1900 г. № 58 // Боксерское восстание / Предисл. А.Л. Попова // Красный архив. – № 1 (14). – 1926. – С. 25–27.
13. Дневник генерала А.Н. Куропаткина / Вступ. ст. О.Р. Айрапетова; предисл. М.Н. Покровского, С.Л. Будкевича. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. – 456 с.
14. Игнатьев А. В., Мелихов Г. В. Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение русско-японской войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. – М., 1997. – С. 134-140.
15. Копия секретного письма военного министра А. Н. Куропаткина министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу от 27 ноября 1901 г. // Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 г. – январь 1902 г.) / Подгот. М.Н. Гершевич // Красный архив. – 1934. – № 2 (63). – С. 49.
16. Куропаткин А. Н. Дневник № 13. 8 ноября 1900 г. – 10 декабря 1901 г. // РГВИА. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 5435.
17. Куропаткин А. Н. Японские дневники / Публ. И. В. Карпеев, Е. Ю. Сергеев // Российский архив. – М., 1995.
18. Куропаткин А.Н. Записка по Маньчжурскому вопросу и о необходимости занять и присоединить к России северную часть Маньчжурии. Приложения и карты. 1903 г. // ГАРФ. – Ф. 543. – Оп. 1. – Д. 182. – Л. 1–29об.
19. Куропаткин А.Н. Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. – Варшава, 1906.
20. Куропаткин А.Н. Пролог маньчжурской трагедии // Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. – Л., 1925.
21. Левицкий Н.А. Русско-японская война. – М.: ЭКСМО-Пресс, Изографус, СПб.: Terra Fantastica, 2003. - 672 с
22. Лукоянов И. В. Миллион для Ли Хунчжана // Родина. – 2009. – № 1. – С. 61–64.
23. Лукоянов И.В. Не отстать от держав... – СПб.: Нестор-История, 2008. – 668 с.
24. Мартыненко Ю.А. Военная политика России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001.
25. Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 г. – январь 1902 г.) / Подгот. М. Н. Гершевич // Красный архив. – 1934. – № 2 (63). – С. 3-54.
26. Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии // РГИА. – Ф. 560. – Оп. 28. – Д. 868. – Л. 71–73.
27. Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.) / предисл. А. Л. Попова; подг. А.Л. Попов и С.С. Димант // Красный архив. – 1932. – № 3 (52). – С. 34-124.
28. Переписка о подкупе китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана // Красный архив. – 1922.– № 2. – С. 287–293.
29. Письмо военного министра упр. мин. ин. дел. В. Н. Ламздорфу. 3 декабря 1900 г. № 1123 // Боксерское восстание / Предисл. А.Л. Попова // Красный архив. – 1926. – № 1 (14).
30. Письмо управляющего мин. ин. дел послу в Париже. 27 июля 1900 г. // Боксерское восстание / Предисл. А.Л. Попова // Красный архив. – 1926. – № 1 (14). – С. 1–49.
31. «Поддержание приязненных отношений с Китаем должно быть целью нашей политики». Две записки министра иностранных дел Российской империи графа М.Н. Муравьева председателю Совещания об управлении Квантунской областью Д. М. Сольскому 1898 г. / Публ. подг. М.Х. Яргаев // Исторический архив. – 2006. – № 4. – С. 125.
32. Политическое успокоение Маньчжурии // Попов И М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. Очерки истории военно-политических отношений. – М., 2004. – С. 346–347.
33. Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. Очерки истории военно-политических отношений. – М.: АСТ-Астрель, 2004. - 511 с.
34. Попов И.М. Россия – Китай: документальное приложение. Дополнение к книге «Россия и Китай: 300 лет на грани войны» // URL: http://www.milresource.ru/Russia-China-Documents.html
35. РГА ВМФ. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 187 (Совещание 8 апреля).
36. РГА ВМФ. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 27.
37. Ремнев А. В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX века). – М.: РОССПЭН, 2010 – 511 с.
38. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1947. - 496 с.
39. Российское военное министерство в конце XIX – начале XX в. // Двухсотлетие Военного министерства,

1802–2002 гг.: Очерки истории Военного министерства / РИЦ ГШ ВС РФ. – М., 2003.
40. Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии // И.В. Лукоянов Лукоянов И.В. Не отстать от держав... – СПб.: Нестор-История, 2008. –. С. 343–412. – в кн. 668 с.
41. Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917. – М.: Межд. фонд Демократия, 1999. - 850 с.
42. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. - 142 с.
43. Русско-японская война 1904–1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. Факты и комментарии / Авт.-сост. В. В. Глушков, К. Е. Черевко. – М.: ИДЭЛ, 2006. - 576 с.
44. Рыбаченок И.С. Граница между Россией и Японией одна – океан: Секретная записка князя А.М. Волконского // Источник. Документы русской истории. – 1995. – № 5 (18). – С. 4-16.
45. Самойлов Н.А. От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. // Россия и Китай: четыре века взаимодействия / Под ред. А. В. Лукина. – М., 2013. – С. 50–89.
46. Сапрыкин Р.В. А.Н. Куропаткин и С.Ю. Витте: альянс и противостояние двух министров // Актуальные проблемы истории Российской цивилизации. – Саратов, 2010. – С. 72–80.
47. Сапрыкин Р.В. Из дневников генерала А.Н. Куропаткина: назначение на пост военного министра // Проблемы истории российской цивилизации: Сб. науч. ст. – 2005. – Вып. II. – С. 192–210.
48. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. – СПб., 1906.
49. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. – 463 с.
50. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. - 421 с.: ил.
51. Указания МИД о целях вступления русских войск в Китай. Управляющий Министерством иностранных дел вице-адмиралу Алексееву в Порт-Артур 5 июня 1900 г. // Материалы для описания военных действий в Китае в 1900–1901 гг. Отд. III. Кн. 1. – СПб., 1902. – С. 28-29.
52. Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. / Предисл. М.Н. Покровского; подг. А.Л. Попов // Красный архив. – 1926. – № 5 (18). – С. 3-29.
53. Череванский В. П., Рихтер О. Б. Обзор сношений России с китайским и японским правительствами, предшествовавших вооруженному столкновению России с Японией. 1905 г. // РГА ВМФ. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 34.
54. Чугуевский Л. И. 100-летие Харбина // Проблемы Дальнего Востока. – 1998. – № 3. – С. 116-122.
55. Шацилло В. К., Шацилло Л. А. Русско-японская война. 1904–1905. Факты..Документы. – М., 2004.
56. Японские дневники А.Н. Куропаткина / Публ. И.В. Карпеев, Е.Ю. Сергеев // Российский архив. – М., 1995. – Т. VI. – С. 423; РГВИА. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 1928. – Л. 1–42.
57. Nish, Ian. The Origins of the Russo-Japanese war. London, New York: Longman. 1989.
58. Voskresenskij Aleksej D. Генезис « Илийского кризиса » и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union sovietique, Etats independants. Vol. 35. № 4. Octobre-decembre 1994.

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

МУХАММАДИЕВ Изатулло Сайфуллоевич,
доцент кафедры исторических дисциплин IV факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, кандидат исторических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: 201612@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ: НЕКОТОРЫЕ ФРАГМЕНТЫ

***Аннотация**. Анализируется участие органов прокуратуры Таджикской ССР в борьбе с дезертирством в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются основные нормативные документы, регламентирующие преследование за уклонение от воинской службы, приводятся конкретные примеры прокурорского надзора за мобилизацией в армию.*

***Ключевые слова:** органы прокуратуры; Таджикская ССР; Великая Отечественная война; мобилизация; уклонение от воинской службы.*

MUHAMMADIEV I.S.

CRIMINAL PROSECUTION IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR FOR EVASION FROM MILITARY SERVICE: SOME FRAGMENTS

***The summary.** Participation of bodies of Office of Public Prosecutor of the Tadjik Soviet Socialist Republic in struggle against desertion in days of the Great Patriotic War is analyzed. The basic standard documents regulating prosecution for evasion from military service are considered, concrete examples of public prosecutor's supervision of mobilisation in army are resulted.*

***Key words**: bodies of Office of Public Prosecutor; the Tadjik Soviet Socialist Republic; the Great Patriotic War; mobilisation; evasion from military service.*

Великая Отечественная война против фашистской Германии потребовала напряжения всех материальных и духовных сил советского народа. В особых условиях военного времени для укрепления обороноспособности страны производились мероприятия, направленные на укреплении тыла и мощи всего государства. С первых же дней войны Советское правительство принимало меры к мобилизации всех материальных и людских ресурсов для того, чтобы дать отпор врагу, а затем и разгромить его.

В первые месяцы войны на территории республики началось формирование национальной кавалерийской дивизии из двух отдельных

стрелковых бригад. Эти формирования обеспечивались обмундированием, снаряжением и вооружением за счет республики. Их личный состав почти целиком состоял из бойцов, призванных в Таджикистане [35, стр. 14]. Выехавшие из Таджикистана 61-я Горно-Кавалерийская дивизия и 20-я Краснознаменная ордена Ленина дивизия стали в первых рядах защитников Москвы. За бои под Москвой более 150 бойцов, командиров и политработников 20-й Краснознаменной ордена Ленина этой дивизии были награждены орденами и медалями Советского Союза [34]. На всех фронтах и на всех этапах Великой Отечественной войны молодые воины-таджики, как и весь советский народ, мужественно сражались за Родину, защищая социалистическое отечество и выполняя тем самым священный долг каждого гражданина СССР [27, стр. 31; 33; 35, стр. 12].

В условиях военного времени мобилизация новых резервов на помощь фронту имел огромное значение. Одной из важнейших задач являлось обеспечение проведения мобилизации в Красную Армию и подготовка необходимых для ее пополнения резервов. В особых условиях военного времени для укрепления обороноспособности страны производились мероприятия направленные на мобилизацию материальных ресурсов, на укреплении тыла и мощи всего государства. СНК Таджикской ССР и ЦК КП /б/ Таджикистана от 23 августа 1941 г. за № 98/878 было вынесено постановление «О призыве военнообязанных, поставке лошадей, обоза и автотранспорта на большие учебные сборы Красной Армии по Сталинабадской и Кулябской областям» [6]. Этим постановление обязало областные, районные, городские Исполкомы Советов Депутатов трудящихся, Обкомы и райкомы КП(б) Таджикистана, наркоматы, учреждения и предприятия, расположенные территории Таджикистана, безоговорочно и полностью обеспечить явку военнообязанных на сборные пункты, поставку автотранспорта, лошадей и повозок, материалов и имущества, обеспечить призываемым на учебные сборы получение зарплаты, оказывать полное содействие военкоматом в части обеспечения и размещения призываемых на сборы помещениями, перевозочными средствами, медицинским обслуживанием, развернуть во всех населенных пунктах массово-политическую работу.

Уклонение от служб в рядах РККА, дезертирство из армии во время Великой Отечественной войны считалось «преступлением против обороны СССР» [31, стр. 7], дезертирство с объекта было тождественно воинскому преступлению. В условиях войны Союзной прокуратурой было разъяснено, что военнообязанные, вызванные в военкомат и зачисленные в команду, являются уже военнослужащими и, следовательно, должны привлекаться за совершение воинских преступлений по соответствующим статьям УК о воинских преступлениях, предусматривающую ответственность военнообязанных за уклонение от призыва [38, стр. 193].

Положение дел с дезертирством из Вооруженных Сил СССР вызывало обеспокоенность руководства страны. Так как оно с началом войны приобрело значительные масштабы. Только за период с 22 июня и до конца 1941 года органы НКВД СССР задержали свыше 710 тысяч дезертиров-военнослужащих, более 71 тысячи уклонистов от мобилизации [23]. Уже 16 июля 1941 г. ГКО принял специальное постановление, которое следовало «прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах и авиаэскадрильях». В нем указывалось, что ГКО арестовал, предал суду военного трибунала за «бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» девять высших командиров и комиссаров действующей армии, которые были расстреляны (командующий Западным фронтом генерал армии Павлов, начальник штаба Западного фронта генерал-майор Климовских, начальник связи Западного фронта генерал-майор Коробков, командир 41 стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майор Кособуцкий, заместитель командира 30 стрелковой дивизии Южного фронта полковой комиссар Елисеев и др.) [26, стр. 128]. 16 августа 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования, развивая положения постановления ГКО, в своем приказе потребовала считать командиров и политработников, во время боя срывавших с себя знаки различия и дезертировавших в тыл или сдававшихся в плен врагу, злостными дезертирами, семьи которых подлежали аресту как семьи нарушивших присягу и предавших Родину дезертиров. Все вышестоящие командиры и комиссары обязывались расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава. Ставка Верховного Главнокомандования обязывала

каждого военнослужащего независимо от его служебного положения требовать от вышестоящего начальника, если его часть находилась в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, а если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочитали сдаться ему в плен – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишались государственного пособия и помощи. Командиры и комиссары дивизий обязывались немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прятавшихся в щелях во время боя и боявшихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их в по должности как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

В 1942 г. были изданы основные приказы и директивы ГКО и НКВД об усилении борьбы с дезертирством и уклонением от мобилизации. Так, в соответствии с постановлением ГКО от 16 января 1942 г. № 1159 «О порядке передвижения военнообязанных в военное время и ответственности за уклонение от военного учета» органы НКВД СССР должны были организовывать систематическую проверку документов у граждан с целью выяснения их отношения к военной обязанности. Приказом НКВД СССР № 00167 от 24 января 1942 г. наркомам внутренних дел республик, начальникам краевых и областных управлений НКВД было предложено в целях выявления лиц, уклоняющихся от призыва и мобилизации, производить во всех населенных пунктах, на путях сообщений периодическую проверку документов у граждан. Приказом НКВД СССР № 002264 от 14 октября 1942 г. руководство и контроль за работой органов НКВД по борьбе с дезертирством и уклонением от призыва и мобилизации были возложены на отдел НКВД СССР по борьбе с бандитизмом, а в НКВД – УНКВД на местах на отделения (группы) по борьбе с бандитизмом [24].

Несмотря на принимавшиеся меры, обстановка с дезертирством в 1942 году не улучшилась, поэтому 11 октября 1942 г. ГКО принял постановление № 2401ее «О мерах наказания дезертиров, занимающихся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой» [22], которым обязал правоохранительные органы и военное командование принять решительные меры по борьбе с дезертирством и бандитизмом. Во исполнение этого постановления НКВД СССР и Прокурор СССР издали совместную директиву, в которой предлагалось дезертиров, занимавшихся бандитизмом, вооруженными грабежами, заочно предавать суду военных трибуналов как изменников Родины [32, стр. 312].

Следует отметить, что в тех случаях, когда дезертирство не носило злостного характера (например, в виде самовольной отлучки свыше суток с целью повидаться с близкими по дороге на фронт без намерения скрыться от военной службы), Верховный Суд в надзорном и кассационном порядке в первые месяцы войны принимал решение о смягчении наказания и направлении осужденных на фронт, полагая, что применение высшей меры в данном случае противоречило бы интересам обороны страны. Итогом обобщения судебной практики первого периода войны явилось руководящее постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 апреля 1942 г., указавшее судам на их право карать дезертиров при наличии смягчающих обстоятельств (раскаяние, явка с повинной, самовольная отлучка хотя и свыше суток, но в течение сравнительно небольшого периода времени, и т.п.) длительным сроком тюремного заключения с отсрочкой исполнения приговоров до окончания военных действий и направлением осужденных в действующую армию [36, стр. 36-37].

29 ноября 1942 г. было дано Разъяснение Главного военного прокурора и начальника Главного управления военных трибуналов [4] . Оно разъясняло, что Постановление ГКО от 11 октября 1942 г., устанавливающее ответственность дезертиров, занимающихся бандитизмом или повстанческой деятельностью, по 58-1 «б» УК РСФСР (ст.522 УК Таджикской ССР «Измена Родине», совершенная военнослужащими – Авт.), обратной силы не имеет. Лиц этой категории, задержанных до 11 октября 1942 г., следовало привлекать к ответственности по ст. 193-7, п. «г» (ст.244-9 п. «а» УК Таджикской ССР «Самовольное оставление части, совершенное в военное время». – Авт.) и соответственно 59-3 («Бандитизм». – Авт.) или 58-2 УК РСФСР (ст. 53 УК Таджикской ССР – «Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на

советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственного отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры» – Авт.).

Как видно, здесь также наблюдается тенденция, когда воинское преступление предписывается квалифицировать как преступление против государства. Что касается дезертиров, занимающихся бандитизмом или повстанческой деятельностью, то они должны были нести ответственность за соучастие по ст. 17-58-1 «б» (ст.ст.15, 522 УК Таджикской ССР), а недоносители – по ст. 58-1 «г» (ст.524 УК Таджикской ССР) («Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене» – Авт.) или 58-12 УК РСФСР (ст.63 УК Таджикской ССР) («Недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении» – Авт.) лишь в тех случаях, когда им известно о бандитской или повстанческой деятельности укрываемых. Если укрыватель знал о дезертирстве укрываемого, он нес ответственность по ст.ст. 17 и 193-7, п. «г» УК РСФСР (ст.ст.15 и ст.244-9 п. «а» УК Таджикской ССР). Недоносители в этих случаях к уголовной ответственности не привлекались. Кроме того, в Разъяснение содержалось предостережение о том, что не следует распространять Постановление ГКО от 11 октября 1942 г. буквально на всякого дезертира, унесшего с собой оружие. Для предъявления обвинения по ст. 58 «6» должно быть доказано фактическое занятие бандитской или повстанческой деятельностью или хотя бы принадлежность обвиняемого к банде, поставившей себе такие цели.

При заочном привлечении к ответственности дезертиров – участников уголовных или повстанческих банд – следовало самым тщательным образом устанавливать личность привлекаемых. Указывалось также, что нельзя ограничиваться для установления личности привлекаемых в заочном порядке одними лишь показаниями задержанных соучастников об их имени отчестве и фамилии – должны были быть собраны и прочие установочные данные (возраст, место постоянного проживания, род занятий и т. п.) [30, стр. 61-62].

Совместное указание НКВД и Прокуратуры СССР № 29/А/48 от 17 февраля 1942 г. предусматривало повышение мер уголовной ответственности для пособников и укрывателей лиц, уклоняющихся от призыва в Красную Армию и Военно-морской флот. Их было предписано привлекать к уголовной ответственности по ст. 17-193-10 «а» УК РСФСР, а пособников и укрывателей дезертиров – по ст. 17-193-7 «г» УК РСФСР и соответствующих статей союзных республик [21].

Уголовная ответственность по статье измене родины была распространена и на родственников, в целях ускорения репрессирования которых Главное управление военных трибуналов директивой от 26 октября 1941 г. предложило председателям военных трибуналов фронтов, отдельных армий и флотов после утверждения военными советами приговоров на осужденных по ст. 58-16 дела немедленно направлять в Москву для проверки и последующей их передачи в НКВД на предмет уголовного наказания членов семей осужденных. Ст. 58-1 «в» определяла в качестве меры наказания для совершеннолетних членов семьи, если они чем-либо способствовали измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей – лишение свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири сроком на 5 лет.

Правомерность установления законодателем суровой кары в отношении родственников дезертиров, осужденных по ст. 58-16, с точки зрения современных подходов к определению степени вины представляется спорной. Тем не менее ГКО счел необходимым применить ее, видимо, надеясь на то, что в чрезвычайной обстановке, создавшейся на фронтах летом и осенью 1942 г., жестокое наказание родственников явится эффективным средством предупреждения фактов дезертирства и других преступлений среди военнослужащих.

Еще более решительными мерами искоренялось дезертирство военнослужащих действующей армии военным командованием. На безжалостную борьбу с дезертирами и паникерами нацеливал командиров и комиссаров ГКО, который в своем постановлении от 16 июля

1941 г. отмечал, что «отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником... ГКО предупреждает... что он будет и впредь железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии».

Нарком обороны в приказе № 0250 от 28 июля 1941г. предупредил, что «все, нарушающие военную присягу... все трусы и паникеры, самовольно оставляющие боевые позиции... будут беспощадно караться по всем строгостям законов военного времени, невзирая на лица» [29, стр. 326-327].

Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г. санкционировал внесудебную расправу над дезертирами и трусами. Приказ требовал: «1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава... 3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедля смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев» [20, стр. 28].

Подобные требования содержались в приказе НКО № 227 от 28 июля 1942 г. В нем отмечалось: «Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции... Паникеры и трусы должны истребляться на месте... С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины» [28, стр. 378].

Органами прокуратуры предпринимали меры для борьбы с уклонением от призыва и дезертирством. Прокуратура производила:

- проверку порядка бронирования отдельных категорий работников за предприятиями и учреждениями с целью выявления лиц призывного возраста, получивших броню без должных на то оснований и таким образом избегнувших мобилизации;
- в соответствии с постановлением ГКО от 16.1.1942 г. № 1159а и приказом Прокурора СССР от 17.1.1942 г. № 4с. проводила профилактические меры, осуществляла контроль за передвижением военнообязанных. В соответствии с этими актами, военнообязанным и призывникам был запрещен выезд со своего постоянного места жительства без разрешения военкомата того района или города, на территории которого они проживали и состояли на воинском учете;
- привлекала к ответственности сотрудников военкоматов, а также вместе с милицией, местными советами и советско-колхозным активом организовывала систематические проверки для выявления уклонившихся от службы в рядах армии и дезертиров;
- на приемном пункте военкоматов организовывала юридическую консультацию по вопросам о представлении льгот семьям военнослужащих по налогам, по натурпоставкам, с пособиями военнослужащих и т.д., оказывала всяческую помощь органам власти о своевременной явке призываемых граждан на призывной пункт и в период отправки в часть, ведя при этом решительную борьбу с дезертирами в соответствии ранее данных директив.

Прокуроры, осуществляя надзор за своевременной и правильной выплаты зарплаты лицам, призванным на сборы, открытие ларьков и буфетов в местах сбора и в пути следования, за своевременным представлением райгорвоенкоматам помещений, перевязочных средств, за надлежащим медицинским обслуживанием и за проведением мероприятий по санитарной обработке граждан, отправляемых в Красную Армию. К лицам, тормозящим эти мероприятия принимали необходимые меры воздействия в зависимости от конкретных обстоятельствах, вплоть до привлечения к уголовной ответственности [9]. Например, в приказах прокурора Ленинабадской области от 10.09.1941 г. и от 15 ноября 1942 г. прокурорам поручалось вести надзор с тем, чтобы местные органы власти и военкоматы

проводили тщательную санитарную обработку призывников и дезинфекции их одежды и помещения, следили за тем, чтобы не было ни одного случая заболевания тифом призывников, которые перевозились по железной дороге так же и грунтовым дорогам [15]. Предписано «при обнаружении хотя бы одного случая отправки призывников без тщательной санобработки и не проведении дезинфекции подаваемых вагонов для отправки граждан в Красную Армию, принимать соответствующие меры вплоть до привлечения виновных к ответственности. О каждом установленном случае не дезинфекции вагонов и санитарной обработки граждан, направляемых в Красную Армию сообщите мне спецдонесением» [14].

В начале сентября 1941 года был издан приказ прокурора Ленинабадской области которым прокурорам поручено в пунктах сбора призываемых организовать юридическую консультацию силами работников Прокуратуры, суда и адвокатуры по договоренности с последними [9]. Прокурорам также поручалось в периоды призыва обеспечить быстрое разрешение всех жалоб призывников с тем, чтобы все их законные требования обязательно были удовлетворены до отправки призванных в войсковые части. Оказать всемерную помощь военкоматам в организации юридических консультаций на призывных пунктах.

Такие приказы прокуратурой области дублировались, что говорило о важности проводимых мероприятий. В январе 1942 года Прокурор Ленинабадской области Ахмадеев предложил городским и районным прокурорам на приемном пункте призыва на военную службу военнообязанных организовать юридическую консультацию по вопросам о представлении льгот семьям военнослужащих по налогам, натурпоставкам, пособиям военнослужащих и т.д., оказывать всяческую помощь органам власти о своевременной явке призываемых граждан на призывной пункт и в период отправки в часть, ведя при этом решительную борьбу с дезертирами в соответствии ранее данных директив [13].

В условиях войны одним из наиболее опасных преступлений, с которыми органы прокуратуры вели решительную борьбу, считалось самовольное разбронирование материальных ценностей из государственного резерва; уклонение от призыва в Красную Армию, нарушение правил воинского учета, дезертирство из Красной Армии, уклонение от выполнения трудовой повинности, а также невыполнение налогов и поставок государству сельхозпродуктов и невыполнение постановлений правительства о подготовке населения к противовоздушной обороне [16].

Во исполнение постановления СНК Таджикской ССР и ЦК КП(б) Таджикистана от 23 августа 1941 г. был издан приказ прокурора Таджикской ССР и Ленинабадской области за № 176с от 10.09.1941 г., [9] которым предписано лиц уклоняющихся от явки на сборные пункты по повесткам горрайвоенкоматов привлекать к уголовной ответственности по ст. 224-10 УК Таджикской ССР, а виновных в уклонении от поставок автотранспорта, лошадей, повозок, материалов и имущества – к уголовной ответственности по ст. 74 УК Таджикской ССР.

Прокуроры систематически проводили проверку соблюдения установленных правил учета и представления отсрочки от мобилизации в Армию в предприятиях, промартелей, учреждении и торговых организациях, уклонения от военной службы. К проверке там, где это было необходимо, можно было привлекать партийные и профсоюзные органы по договоренности с соответствующими местными организациями [16]. Виновные в преднамеренном нарушении закона военнообязанные запаса привлекались к уголовной ответственности.

Срок расследования дело военнообязанных, уклоняющихся от воинского учета и их пособниках, был установлен в 24 часа [3]. Каждый факт расследования дел этой категории находился на контроле вышестоящих прокуратур. В связи с этим Прокурор Таджикской ССР А. Романов своим приказом предупредил прокуроров областей и райпрокуроров о необходимости установления самого строжайшего контроля за расследованием и прохождением дел этой категории в сроки, установленные указанным приказом Прокурора Союза ССР [7].

Прокуроры следили за тем, чтобы к уголовной ответственности привлекали только лиц, действительно уклоняющихся от военной службы или от военного учета с целью уклонения от военной службы, т.е. тогда, когда в распоряжении райвоенкома имеются достаточные для этого документы, и в частности расписки в получении повесток, при этом если было установлено, что

неявка произошла по неуважительным причинам. Во всех остальных случаях выявления без военных документов немедленно оформляли на учет, применяя в отдельных случаях административные взыскания.

Проведя проверки, прокуроры выявляли факты когда ряд военкоматов области необоснованно привлекал к уголовной ответственности военнообязанных. Факты неосновательного возбуждения дел этой категории, незаконные аресты невинных граждан и, наконец, недоброкачественное проведение расследования по этим делам и допущение нарушения норм УПК Таджикской ССР выявлялись прокуратурой и принимались меры к виновным.

Так, в Захматабадском РВК мл. политрук Елагин направил материал райпрокурору на гражданина Расулова Ходжа 1924 года, постоянно проживающего в районе, не имеющего до сих пор военного билета. Тем же были привлечены в ответственности Низамов Рахман 1920 года рождения, Егоров Нияз 1919 года – последний 2 года работал пастухом. Аналогичные случаи имели место в Канибадам и Пенджикенте Привлечение к уголовной ответственности такого года «уклоняющихся от службы» не вызывалось необходимостью, а только характеризовало плохую работу военно-учетных органов и военкомата [11]. С 1 марта 1942 г., по 20 марта 1942 г. в Канибадамском районе было неосновательно возбуждены уголовные дела против 23 колхозников, последние были заключены под стражу. В то время как они проживали постоянно в кишлаках Канибадамского района и работали в колхозах, не имели абсолютно никаких военных билетов и никто не вызывал их. Их возраст составлял от 42 до 48 лет, в силу чего эти колхозники на военном учете состоять не могли. Таким образом, из возбужденных и законченных 23 дел по ст. 244-10-А УК 19 дел Облпрокуратурой было прекращено [8].

В условиях военного времени мобилизация новых резервов на помощь фронту имела огромное значение. В связи с этим уклонение от мобилизации становится одним из наиболее опасных преступлений, с которыми органы прокуратуры были обязаны вести решительную борьбу [16].

Уклонение от мобилизации происходило в ряде случаев путем представлениями отсрочки от мобилизации в армию лиц призывного возраста, годных к несению военной службы. Нарушения установленного порядка бронирования чаще всего выражалось в представление брони лицам, не подлежащим бронированию по своему служебному положению или специальности. Перечисленные нарушения и злоупотребления в деле бронирования выявлялись органами прокуратуры в порядке общего надзора. К проверке привлекались партийные и профсоюзные органы по договоренности с соответствующими местными организациями. В ходе проверки в необходимых случаях против виновных возбуждалось уголовное преследование, обеспечив при этом расследование дел в срок не свыше 5 дней [16].

В целях усиления борьбы с лицами, уклоняющимися от мобилизации в ряды Красной Армии и дезертирами, органы прокуратуры проводили проверки и принимали меры. В отношении дел уклоняющихся от призыва по мобилизации в ряды РККА, расследовались дела, и вокруг этих дел концентрировалось общественное мнение. Практика показывала, что уклонение от мобилизации происходило в ряде случаев путем различного рода беззаконий и злоупотреблений в деле бронирования, представлениями отсрочки от мобилизации в армию лиц призывного возраста, годных к несению военной службы. Нарушения установленного порядка бронирования чаще всего выражалось в представление брони лицам, не подлежащим бронированию по своему служебному положению или специальности. В этих случаях администрация предприятия или учреждения в целях забронирования того или иного работника, не имеющего права на отсрочку от призыва в армию, присваивала ему вымышленную специальность, разряд и т.д. Имело место также бронирование лиц, не состоящих на работе в данном предприятии или учреждении, за счет свободных вакансий таких должностей, на которые может быть получена бронь и т.п. Перечисленные нарушения и злоупотребления в деле бронирования выявлялись органами прокуратуры в порядке общего надзора [16].

Так, прокуратурой Таджикской ССР было дано специальное указание райпрокурорам. Прокуратура Республики проводила работу с лицами, уклоняющиеся от призыва в армию, которые подлежали привлечению к ответственности по ст. 244 п. 10-а УК, и лиц, не выполняющих требования по заданию военных властей по поставке транспорта, лошадей и т.п. по

ст. 74 УК Таджикской ССР 59-6 УК РСФСР [5]. Возбуждались уголовные дела по Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 6 июля 1941 г. и дела по ст.244 п.10.

Уклонение от мобилизации и невыполнение госпоставок, госповинности, в частности, несвоевременная поставка автотранспорта и гужевого транспорта для Красной Армии считались наиболее опасными видами преступлений в Республике. Всего за период с 12 июня 1941 г. по 17 октября 1941г. по Таджикской ССР было возбуждено и поступило в военную прокуратуру войск НКВД 77 дел, из них: было направлено на рассмотрение в военный трибунал 54 дела, возвращено на доследование 17 дел, находилось в военной прокуратуре и переводятся с таджикского на русский язык 6 дел [5].

В совместном письме начальника ГУМ НКВД СССР инспектор милиции Галкина и начальника Отдела по надзору за милицией Прокуратуры СССР Руденко от 10 декабря 1941 г. за № 32/У/4266 и от 17 февраля 1942 г. № 19/А/48 16/476сс указывали привлекать к уголовной ответственности уклоняющихся от призыва в Красную Армию и Военно-морской флот по ст. 17-193-10«а» УК РСФСР, а пособников и укрывателей дезертиров – по ст. 17-193-7«г» УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик [12].

Органами прокуратуры были выявлены случаи прямых злоупотреблений со стороны работников военкоматов, потворствующих сокрытию дезертиров и лиц, уклоняющихся от мобилизации, и приняты строгие меры. Так, военкомом Курган-Тюбинского района Алимбетовым не было возбуждено дело в отношении Джанасиева, укрывающегося от мобилизации вследствие того, что последний снабжал военкома продуктами питания. Такое же явление имело место и в Октябрьском районе со стороны помощника начальника 11-й части Райвоенкомата Касенева [5].

Наряду с уклонением граждан от воинской службы дезертирство из Красной Армии также рассматривалось в качестве тяжких государственных преступлений. Борьба с дезертирством была серьезным испытанием для органов прокуратуры в годы войны. По закону дезертирство военнослужащих трактовалось как умышленное самовольное оставление воинской части или места службы либо неявку на военную службу с целью уклонения от нее. С началом войны дезертирство из Красной Армии приобрело значительные масштабы. Только за период с 22 июня и до конца 1941 года органы НКВД СССР задержали 710 000 дезертиров-военнослужащих, более 71 000 уклонистов от мобилизации [25, стр. 9].

В условиях войны все дезертиры рядового и сержантского состава РККА дезертировавшие из воинской части и не совершившие других более тяжких преступлений, таких как убийство, грабеж, кража, передавались в распоряжение военкоматов. В совместном письме Облпрокуратуры и УНКВД Ленинабадской области было отмечено, что по имеющимся сведениям дезертиры, дезертировавшие из воинской части впервые и не совершившие других более тяжких преступлений, как например: убийство, грабеж, кража и т.п., задерживаются органами НКВД и прокуратурой и водворяются в КПЗ, где просиживают для передачи военкоматам по 10-15, а то и более суток, что является грубейшим нарушением приказа НКЮ Союза ССР за № 0413 от 21 августа 1943 года [2; 37].

Особенно напряженно работали прокуроры в период очередного призыва в Красную Армию. Согласно постановлениям Государственного Комитета Обороны с 15 по 30 ноября 1944 года на территории Таджикской ССР проводился призыв на военную службу граждан мужского пола, родившихся в 1926 году местных национальностей и родившихся в 1927 году европейцев, включая и находившихся на территории, освобожденной от противника [18]. В связи с этим в письме прокурора Ленинабадской области М. Холматова от 22.10.1944 г. всем горрайпрокурорам Ленинабадской области поручалось немедленно организовать проверку всех дел на призывников рождения 1926 и 1927 года, находящихся в производстве органов расследования, принять меры к самому срочному окончанию следствия по ним и рассмотрения их в судах и этим самим разрешить вопрос о возможности призыва указанных лиц на военную службу. Максимально усилить работу по борьбе с лицами, уклоняющимися от явки на призыв и возможными случаями членовредительства. При проведении этой работы следует иметь в виду также возможные случаи незаконного освобождения от призыва путем изменения возраста, незаконного бронирования и взяточничества. Лиц, виновных в этом, необходимо неуклонно привлекать к судебной

ответственности [18].

В ряде районов прибыло большое количество военнообязанных, ранее отправленных на работу в промышленность. В большинстве эти военнообязанные в настоящее время не состояли на учете. В целях охвата учетом всех военнообязанных, проживающих на территории, облвоенком, начальник областного управления НКВД и областной прокурор в совместном письме от 10 июня 1944 предложили всем военнообязанных вернувшихся из промышленности, кроме бежавших с Фархадстроя, Такели, Табошара, Чоркух-Даронстроя, Кансая и Шураба, после тщательной проверки, с заключением НКВД и райпрокурора, выдавать воинские документы.
При этом обратить особое внимание на то, чтобы не выдать военные билеты дезертирам Красной Армии, а поэтому делать тщательную проверку в военно-учетном столе – во всех картотеках [10].

Военный прокурор Средне-Азиатского Военного Округа бригвоенюрист Басалаев обратил внимание на то, что качество следствия по некоторым делам, поступающим в военные трибуналы от областных прокуроров Таджикской ССР об уклонении от призыва и нарушении правил военного учета, крайне неудовлетворительно. Это приводит к возвращению на доследование дел и затяжке сроков следствия. Основным недостатком следствия является невыполнение следователями процессуальных требований при расследовании дел, а именно необъективность расследования дел. Показания обвиняемых не проверяются, не удовлетворяются их ходатайства о выяснении запросов, имеющих решающее значение для правильного разрешения дел. Не приобщаются к делу документы, имеющее для него важное значение. Обвиняемые не подвергаются врачебно-медицинскому освидетельствованию, поэтому в деле отсутствуют медицинские документы [19]

Например, органами НКВД Канибадамского района согласно розыскных задании было задержано 35 человек дезертиров, которые при оформлении на них материалов в прокуратуре заявляли о том, что они были мобилизованы в марте месяце на Шурабуголь сроком на 1 месяц. В действительности 23 февраля 1944 г. облисполкомом и бюро обкома было вынесено постановление за № 3 § 31 «О мобилизации автомашин и рабочей силы для вывоза и загрузки угля с Шураб» сроком на один месяц (постановление было вынесено в соответствии с постановлением ГОКО от 11 – 44 г. за № 49320). Ввиду изложенного предлагалось в случаях заявления со стороны задержанного о том, что последний мобилизован на месяц согласно вышеуказанного постановления, проверять по мобилизационным спискам райисполкома, от которых требовать официальные справки мобилизационого отдела о том, что действительно ли тот или иной задержанный был мобилизован на основании вышеуказанного постановления облисполкома со сроком на один месяц. В случаях, когда задержанные действительно были мобилизованы на один месяц, необходимо на основании справок мобилизационного отдела немедленно прекращать розыск и уголовное дело, так как таковые были неосновательно переданы в органы прокуратуры [17].

Вместе с тем судебные органы в ряде случаев необоснованно применяли отсрочку исполнения приговора с направлением осужденных в действующую армию (примечание 2 к статье 28 УК РСФСР и соответствующие статьи других союзных республик) к лицам, осужденным за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, ворам-рецидивистам, лицам, имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные преступления, а также неоднократно дезертировавшим из Красной Армии [1]. Вследствие этого многие осужденные имеют возможность дезертировать и снова совершать преступления. В целях устранения указанных недостатков и упорядочения практики передачи осужденных в действующую армию совместным приказом заместителя народного комиссара обороны Союза ССР, народного комиссара внутренних дел Союза ССР, народного комиссара юстиции Союза ССР и прокурора Союза ССР «О порядке применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) и направления осужденных в действующую армию» от 26 января 1944 г. [1] было запрещено судам и военным трибуналам применять примечание 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующие статьи других союзных республик) к осужденным за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, ворам-рецидивистам, лицам имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные преступления, а также неоднократно дезертировавшим из Красной Армии. По

остальным категориям дел при решении вопроса об отсрочке исполнения приговора с направлением осужденного в действующую армию, судам и военным трибуналам предписывалось учитывать личность осужденного, характер совершенного преступления и другие обстоятельства дела. Одновременно Приказы НКО, НКВД, НКЮ и Прокурора Союза ССР № 74/15/115 от 13 марта 1942 года и № 0114/054/016/7с от 10 февраля 1943 года., а также приказ НКО и НКВД Союза ССР № 0571/0285 от 23 июля 1942 года в части касающейся осужденных, к которым применяется примечание 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующие статьи других союзных республик) были признаны утратившими силу.

В условиях войны одним из наиболее опасных преступлений, с которыми органы прокуратуры вели решительную борьбу, считалось самовольное разбронирование материальных ценностей из государственного резерва, уклонение от призыва в Красную Армию, нарушение правил воинского учета, дезертирство из Красной Армии, уклонение от выполнения трудовой повинности, а также невыполнение налогов и поставок государству сельхозпродуктов, невыполнение постановлений правительства о подготовке населения к противовоздушной обороне. Военкоматы организовывали юридическую консультацию по вопросам о представлении льгот семьям военнослужащих по налогам, по натурпоставкам, с пособиями военнослужащих и т.д., оказывали всяческую помощь органам власти о своевременной явке призываемых граждан на призывной пункт и в период отправки в часть, ведя при этом решительную борьбу с дезертирами в соответствии ранее данных директив.

Таким образом, обеспечение проведения мобилизации в Красную Армию и подготовка необходимых для ее пополнения резервов являлось одной из важнейших задач.

Прокуроры осуществляли надзор за своевременной и правильной выплаты зарплаты лицам, призванным на сборы, открытием ларьков и буфетов в местах сбора и в пути следования, за своевременным представлением райгорвоенкоматам помещений, перевязочных средств, за надлежащим медицинским обслуживанием и за проведением мероприятий по санитарной обработке граждан отправляемых в Красную Армию. К лицам, тормозящим эти мероприятия, принимали необходимые меры воздействия в зависимости от конкретных обстоятельств, вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

Прокуроры следили за тем, чтобы к уголовной ответственности привлекали только лиц, действительно уклоняющихся от военной службы или от военного учета с целью уклонения от военной службы, т.е. тогда, когда в распоряжении райвоенкома имелись достаточные для этого документы, в частности расписки в получении повесток, если при этом было установлено, что неявка произошла по неуважительным причинам. Во всех остальных случаях выявленных без военных документов немедленно оформляли на учет, применяя в отдельных случаях административные взыскания.

Список литературы

1. Совместный приказ Заместителя Народного Комиссара Обороны Союза ССР, Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР, Народного Комиссара Юстиции Союза ССР и Прокурора Союза ССР «О порядке применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) и направления осужденных в действующую армию» от 26 января 1944 г. № 004/0073/006/23сс.
2. Приказ НКЮ Союза ССР от 21 августа 1943 г. № 0413 и разъяснение Прокурора Союза ССР от 2 октября 1943 года № 2-15896с.
3. Приказ прокурора Союза ССР от 17 января 1942 года за № 4-с.
4. Разъяснение Главного военного прокурора и начальника Главного управления военных трибуналов от 29.11. 1942 г. по квалификации преступной деятельностью дезертиров, занимающихся бандитизмом или повстанческой деятельностью // Судебная власть в России. История. Документы. В 6 т. Т. 5. Советское государство / Сост. О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2003. – С. 489-490.
5. Выводы и предложения Прокуратуры СССР о результатах проверки работы органов Прокуратуры Таджикской Республики // ЦГА РТ. – Ф. 329. – Оп 20. –Д. 30. –Л. 28-29.

6. Постановление СНК Таджикской ССР и ЦК КП /б/ Таджикистана от 23/УШ – 41 г. № 98/878 «О призыве военнообязанных, поставке лошадей, обоза и автотранспорта на большие учебные сборы Красной Армии по Сталинабадской и Кулябской областям».
7. Приказ прокурора Таджикской ССР за № 5/с от 19.01.1942 г
8. Приказ прокурора Ленинабадской области от 19 марта 1942 г за № 3/с.
9. Приказ прокурора Ленинабадской области от 10.09.1941 г. № 176с
10. Совместное письмо облвоенкома, начальника областного Управления НКВД и облпрокурора от 10. 06.1944 г. № 0-182.
11. Письмо Ленинабадского Облвоенкома ст. батальонного комиссара Жукова районным военным комиссарам Ленинабадской области и областному прокурору от 22 сентября 1942 г № 1/03108
12. Письмо начальника ГУМ НКВД СССР инспектора милиции Галкина и начальника Отдела по надзору за милицией Прокуратуры СССР Руденко от 17.02.1942 г №№ 19/А/48 и 16/476 сс.
13. Письмо прокурора Ленинабадской области А.В. Ахмадеева от 22.01.1942 г. № 4/с.
14. Письмо прокурора Ленинабадской области А.В. Ахмадеева от 30.06.1942 г. № 242/с.
15. Письмо Прокурора Ленинабадской области А.В. Ахмадеева от 15.11.1942 г № 4/с.
16. Письмо прокурора Ленинабадской области А.В. Ахмадеева от 15.05.1943 г № 11/с.
17. Письмо прокурора Ленинабадской области М. Холматова от 17.09.1944 г. № 793/с.
18. Письмо прокурора Ленинабадской области М. Холматова от 22.10.1944 г. № 253/с.
19. Письмо прокурора Ленинабадской области всем райпрокурорам и нарследователям Ленинабадской области от 14.10.1942 г. № 390/с.
20. Военно-исторический журнал. – 1988. – № 9.
21. ГАРФ. – Ф. 9415. – Оп. 3с. – Д.13. – Л. 1а.
22. ГАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 17.
23. ГАРФ – Ф. 9478. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 14.
24. ГАРФ. – Ф. 9478. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 101-103.
25. Гусак В.А. Дезертирство из Красной Армии как социальная основа преступности в период войны (1941 – 1945 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета.- Серия: Право. – 2008.- № 8 (108).
26. Емелин А.С. История государства и права России (октябрь 1917-декабрь 1991 гг.). – М.: Щит-М, 1999. - 229 с.
27. Книга памяти Республики Таджикистан (сводный том). – Душанбе, 1997. - 324 с.
28. Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941 – 1945. Факты и документы. – М.: Олма-Пресс, 2001. - 479 с.
29. Лысенков С. Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны: Историко-правовое исследование: Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
30. Лысов В. А.Карательная политика Советского государства и особенности судопроизводства по государственным преступлениям в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): историко-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008.
31. Меньшагин В.Д. Преступления против обороны СССР. – М.: Военно-юридическая акад. Красной Армии, 1946.
32. Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк. – М.: Объединенная редакция МВД России, 1996. - 464 с.
33. Рахманов М. Организаторская и политическая деятельность компартии Таджикистана в период Великой Отечественной Войны: Дис. … канд. ист. наук. – Душанбе: Таджикский гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1966.
34. Рустамов А. Таджикский народ в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Дис. … канд. ист. наук. – Душанбе, 1954.
35. Сечкина Л.П. Трудовой подвиг Таджикского народа в годы Великой Отечественной войны. – Сталинабад. 1960.
36. Советское право в период Великой Отечественной войны. – Ч. 2. – М., 1948.
37. Совместное письмо зам. облпрокурора и зам.начальника УНКВД от 02 августа 1944 года № 9 -279.
38. Филоненко В.С. Деятельность прокуратуры Воронежской области по расследованию дел о воинских преступлениях в 1941-1942 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2011. – №1 (72). – Вып.13.

ПОЛИТИКА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

БЕЗРЯДИН Виктор Иванович,
профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: B.V.I.@inbox.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. Лекция

В результате изучения данной темы обучающийся должен:

Знать: *правовые средства против нарушений закона в уголовном судопроизводстве, особенности ведомственного процессуального контроля, прокурорского надзора и судебного контроля, условия для обращения в суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, процессуальный порядок рассмотрения жалоб руководителем следственного органа, прокурором и судом;*

Уметь: *выявлять нарушения закона, влекущие за собой обжалование руководителю следственного органа, прокурору и в суд, составлять жалобы;*

Владеть навыками: *использования средств против нарушений закона в уголовном судопроизводстве.*

Ключевые термины: *контроль; надзор; ведомственный процессуальный контроль; прокурорский надзор; судебный контроль.*

BEZRYADIN V.I.

THE CONTROL AND SUPERVISION IN CRIMINAL TRIAL OF MODERN RUSSIA. Lecture

As a result of studying of the given theme the trained should:

To know: *legal means against law infringements in criminal legal proceedings, feature of the departmental remedial control, public prosecutor's supervision and the judicial control, a condition for a reference to the court with the complaint as item 125 УПК the Russian Federation, a remedial grievance procedure the head of investigatory body, the public prosecutor and court;*

To be able*: to reveal the infringements of the law involving the appeal to the head of investigatory body, to the public prosecutor and in court, to make complaints;*

To own skills: *uses of means against law infringements in criminal legal proceedings.*

Key terms: *the control; supervision; the departmental remedial control; public prosecutor's supervision; the judicial control.*

Понятие, сущность и значение контроля и надзора в уголовном судопроизводстве

В современном отечественном законодательстве каждому гражданину гарантируется защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). Это право, вытекает из конституционной концептуальной идеи о том, что защита прав и свобод человека и гражданина является высшей ценностью и из принципа охраны достоинства личности. В связи с этим, государство должно обеспечить каждому возможность отстаивать свои права в споре с любыми уполномоченными должностными лицами и компетентными органами, в том числе и органами, которые осуществляют предварительное расследование по уголовным делам.

Особое место в защите интересов общества и государства занимают властные структурные подразделения и государственные органы, которые осуществляют контроль и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в российском досудебном уголовном судопроизводстве.

В уголовном процессе ряд должностных лиц обладают значительными контрольными и надзорными полномочиями. Они наделены процессуальной властью, вправе единолично решать вопросы, затрагивающие существенные права и свободы человека и гражданина, интересы организаций, общества и государства.

Законодатель предусматривает систему органов и должностных лиц, в пределах их компетенции, деятельность которых позволяет ограничить от возможных нарушений закона и произвола со стороны лиц, участвующих в досудебном производстве по уголовному делу. К ним следует отнести: прокурора, осуществляющего прокурорский надзор; суд, реализующий судебный контроль; руководителя следственного органа, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, на которых возложены функции по ведомственному руководству и процессуальному контролю.

Как известно, в настоящее время суды не входят в структуру органов – участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты, а также не являются органом уголовного преследования. Этот судебный орган создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Поэтому судебные полномочия именуются как полномочия по осуществлению судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве [8; 9; 10; 13; 19; 21].

Ведомственный процессуальный контроль (руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания) [4], судебный контроль и прокурорский надзор следует рассматривать как формы контроля и надзора на досудебном этапе [1; 3; 5; 15].

В современных условиях развития уголовного судопроизводства понятия «надзор» и «контроль» имеют важное не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от правильного употребления указанных понятий зависит, во-первых, соотношение понятий ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора и, во-вторых, прокуроры, руководители следственных органов и начальники органов (подразделений) дознания в своей повседневной деятельности сталкиваются с необходимостью четкого разграничения указанных понятий.

В юридической литературе, законодательной и правоприменительной практике по этому вопросу существуют различные взгляды, и, не в последнюю очередь, это различие обусловлено не одинаковым словоупотреблением в законодательстве разных стран и, даже, одной и той же страны.

В обыденном понимании значение слов «контроль» и «надзор» одинаково: это наблюдение или постоянное наблюдение с целью присмотра, проверки за кем или чем-либо за соблюдением каких-нибудь правил [11, стр. 286, 371].

В юридической литературе закрепилось мнение о различности рассматриваемых понятий, так как это разные правовые явления, государственные функции и правовые институты [25]. Именно поэтому их не следует отождествлять.

Чаще всего под контролем понимают такую систему отношений между органами публичной власти, при которой контролирующий орган может отменять правоприменительные акты подконтрольного органа.

С этой точки зрения термин «контроль» может рассматриваться объемнее и полнее термина «надзор», поскольку включает в себя возможность соответствующего вышестоящего и контролирующего органа не только надзирать

(наблюдать за законностью и ставить вопрос об устранении их нарушении), но и устранять их своей властью [22, стр. 12].

Представляется, что ***надзор*** при таком понимании – это *такая система отношений, при которой надзорный орган должен лишь обратить внимание поднадзорного органа на его ошибку и, самое большее, может приостановить действие этого нормативно-правового акта, но отменять или исправлять акт должен сам поднадзорный орган.*

При этом, необходимо особо отметить, что в отличие от контролирующего органа прокуратура сама не устраняет нарушение закона, но добивается этого от соответствующего органа или должностного лица, либо в судебном порядке.

Исключением из этого общего правила является надзор прокуратуры за точным и единообразным исполнением закона органами дознания и предварительного следствия при расследовании уголовных дел. Прокурор в этой отрасли прокурорского надзора обладает достаточно широкими властно-распорядительными полномочиями и сам своей властью вправе устранить выявленные нарушения закона, особенно за органами дознания. Однако, как представляется, что в соответствии с конституционным положением о системе разделения основных ветвей власти прокурор при установлении нарушений закона за органами предварительного расследования должен вникать, а не забегать и подменять соответствующих должностных лиц и не вмешиваться в их процессуальную и административно-управленческую деятельность. Более того, прокурор как гарант законности на всех уровнях, особенно в районном (городском) и среднем звеньях, должен потребовать от руководителей следственных органов, начальников органов дознания и начальников подразделений дознания всех уровней неукоснительного исполнения возложенных на них законом своевременного ведомственного процессуального контроля в досудебном уголовном судопроизводстве.

Кроме того, говоря о правильном употреблении понятия «надзор» необходимо отметить, что существуют близко с ним связанное понятие «наблюдение», употреблявшееся в ряде отечественных законодательных актов о прокурорском надзоре в 20-х годах прошлого века.

Надзор прокурора подразумевает более активную форму деятельности по сравнению с наблюдением и предполагает использование предоставленных прокурору правовых средств реагирования по предупреждению правонарушений, их пресечению, принятию мер по привлечению виновных лиц к ответственности, восстановлению нарушенных прав и т. д.

В отличие от «надзора», «наблюдение» за исполнением законов содержит в себе элемент пассивности, созерцательности, невмешательства в то или иное явление, событие или обстоятельство. В связи с этим, отказ в советский период развития прокуратуры от понятия «наблюдение» был не случаен, поскольку в этот период развития нашего государства существовало государственное управление по объективным и субъективным обстоятельствам с элементами тоталитарного режима. В связи с этим, вместо этого понятия в правовой оборот был последовательно введен в законодательство понятие «надзор» за исполнением законов.

Прокурорский надзор представляет собой постоянно осуществляемую деятельность уполномоченного на это субъекта. Как известно, в ст. 37 УПК РФ определены основополагающие полномочия прокурора на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства. Это, далеко, не исчерпывающий перечень полномочий. Но из них можно сделать вывод, что происходит их непрерывная реализация с момента принятия сообщения о преступлении и заканчивая направлением материалов уголовного дела с итоговым решением в суд либо прекращением уголовного дела [2; 6; 7; 12; 14; 16; 17; 18; 20; 24].

Понятие «контроль» предполагает выполнение лишь отдельных полномочий по проверке. Так, судебный контроль является одномоментным. Например, в ст. 29 УПК РФ закреплен строго определенный закрытый перечень проверочных полномочий суда на досудебном этапе, которые касаются санкционирования конкретных следственных действий или проверки законности проведенного следственного действия в порядке ст. 165 УПК РФ.

Ведомственный процессуальный контроль, осуществляемый руководителем следственного органа, начальником органа дознания и начальником подразделения дознания является текущим, непрерывным и постоянным в досудебном уголовном судопроизводстве.

В свою очередь, прокурорский надзор означает

определенную отстраненность органа прокуратуры от поднадзорного объекта, то есть это своевременный и тщательный «присмотр» извне за органами дознания и органами предварительного следствия. Процессуальный контроль же может осуществляться как извне (судом), так и внутри самой системы (руководителем и начальником). Таким образом, надзор служит для своевременного выявления нарушений закона, точного и единообразного исполнения закона на всей территории нашего государства, а контроль – для установления нарушения законодательства и устранения этих нарушений в уголовном судопроизводстве.

Как отмечалось выше, прокурорский надзор предполагает определенные параметры поднадзорной деятельности, то есть проведенные проверки уголовно-процессуальной деятельности с точки зрения соответствия федеральному закону, но не целесообразности, поскольку орган прокуратуры не вправе вмешиваться во внутренние дела другого органа, в том числе, за органами дознания и предварительного следствия.

Сфера же уголовно-процессуального контроля не ограничена: проверке подвергается исполнение всех процессуальных документов, нормативно-правовых актов, целесообразность и эффективность способов, средств и методов, выбранных следователем, дознавателем. На страже интересов общества и государства стоят и органы прокуратуры, которые, согласно ст. 2 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», осуществляют надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина всеми государственными органами и должностными лицами, в том числе, за органами дознания и органами предварительного следствия.

Для рассматриваемых понятий «контроль» и «надзор» характерны следующие общие черты:

- контроль и надзор – это, прежде всего, особые виды государственной деятельности;
- процессуальный контроль и прокурорский надзор – особая уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая уполномоченными субъектами власти – руководителем следственного органа, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, судьей (судом) и прокурором соответственно;
- общей формой осуществления деятельности по контролю, за исключением судебного контроля, и прокурорскому надзору за объектами является наблюдение;
- контроль, за исключением судебного контроля, и прокурорский надзор – это властное наблюдение за соблюдением законодательства, проверка его соблюдения и применение соответствующими органами и должностными лицами в пределах своей компетенции мер от имени государства.

В целом, в отличие от контролирующего органа, прокурор, исходя из конституционного принципа о разделении основных ветвей власти, сам не устраняет (не отменяет) нарушение закона, не должен вмешиваться в процессуальную деятельность органов дознания и предварительного следствия, но обязан добиваться восстановления нарушенного закона от соответствующего органа или уполномоченного должностного лица (руководителя следственного органа, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания) мерами прокурорского реагирования, либо в судебном порядке.

Как видно, законодатель устанавливает различные полномочия для должностных лиц по осуществлению контрольных и надзорных функций в досудебных стадиях, при этом значительно расширяет полномочия судебной власти и органов исполнительной власти в лице органов дознания и предварительного следствия за счет существенного ограничения прокурорской власти.

Близость указанных понятий не означает их идентичности и функционального дублирования решаемых задач соответствующими властными субъектами на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Таким образом, понятие «контроль» шире понятия «прокурорский надзор», а прокурорскую надзорную деятельность можно рассматривать как составную часть деятельности контрольной. Иными словами, соотношение между ними можно определить, как целое (контроль, за исключением, ведомственного процессуального контроля и судебного контроля, как специфических видов контроля) и частное (прокурорский надзор).

Для правильного понимания сущности ведомственного процессуального контроля следует соотнести понятие «процессуальный контроль» и

понятие «процессуальное руководство». Это два самостоятельных специфических вида уголовно-процессуальной деятельности.

В уголовно-процессуальном законодательстве не дано определение понятию «процессуальный контроль». Этот термин вошел достаточно широко в юридический обиход недавно лишь с появлением Следственного комитета Российской Федерации и достаточно широко употребляется в ведомственных нормативных актах. Так, в приказе Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 1 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации» также отсутствует дефиниция процессуального контроля, но подробно установлены те меры, которые составляют процессуальный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства специально уполномоченных должностных лиц. К ним следует отнести:

1) тщательное изучение материалов и сообщений, поступивших в порядке ст.144-145 УПК РФ;
2) дача письменных указаний и принятие мер реагирования при выявлении нарушений;
3) отмена незаконных и необоснованных постановлений следователя и рассмотрение вопроса о привлечении виновного лица к ответственности;
4) тщательный контроль на стадии возбуждения уголовного дела;
5) получение информации от следователей по следственным действиям, проведенным без судебного решения;
6) изучение материалов дела при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, залога, домашнего ареста и их продления и другие.

Таким образом, ***процессуальный контроль*** – *это строго регламентированная законом, непрерывная и внутренняя процессуальная деятельность уполномоченных должностных лиц по контролю за процессом расследования уголовного дела по наиболее важным направлениям работы официальных участников, ведущих производство по уголовному делу.* Он включает в себя определенные элементы надзора.

Процессуальное руководство – это понятие более узкое, чем процессуальный контроль. Им также наделены специально уполномоченные должностные лица, и оно состоит в непосредственной организации работы подконтрольного органа, издании организационно-распорядительных документов, обязательных для исполнения всеми подчиненными, утверждении структуры и штатного расписания, распределении нагрузки на подчиненных сотрудников.

Процессуальное руководство руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания состоит в организации эффективного производства в расследовании уголовных дел и осуществляется с помощью тех полномочий, которые предоставлены им уголовно-процессуальным законом. Осуществляя процессуальный контроль, руководитель и начальник изучают материалы уголовных дел, дают указание о направлении расследования, о производстве определенных следственных действий, иные указания управленческого характера. Таким образом, рассматриваемые функции тесно взаимосвязаны, и функция процессуального контроля проявляется в процессуальном руководстве.

В настоящее время в досудебном производстве четко не выделены понятия «ведомственный процессуальный контроль», «судебный контроль» и «прокурорский надзор». Так, в лингвистическом смысле сочетание «судебный контроль» не закреплено. Это свидетельствует о том, что данное понятие пока не стало общеупотребляемым среди юристов.

Таким образом, ***контроль*** – *это особый вид государственной деятельности, осуществляемый постоянно и непрерывно всеми органами власти и управления, учреждениями, организациями, предприятиями независимо от форм собственности, должностными лицами, находящимися в отношениях власти-подчинения, обладающими полномочиями по выявлению нарушений закона, отмене незаконных, необоснованных правовых решений, привлечении к ответственности должностных лиц, причастных к этим нарушениям, наложении дисциплинарных взысканий, применении иных мер воздействия на подконтрольный орган или должностное лицо и распространяющийся на все сферы жизнедеятельности.*

Прокурорский надзор *есть единая, федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением федеральных законов и подзаконных актов,*

действующих на ее территории, в целях выявления нарушений закона, обращения внимания об этом поднадзорному органу или должностному лицу, предложения об устранении нарушений закона и принятия других мер для восстановления законности.

Контроль в уголовном судопроизводстве *(за исключением судебного контроля) – это специфическая уголовно-процессуальная деятельность, которая осуществляется специально уполномоченными субъектами на этапах приема, регистрации и рассмотрения сообщения о преступлениях на стадии возбуждения уголовного дела и в ходе предварительного расследования в форме властного наблюдения за законностью и целесообразностью процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводства с целью соблюдения Конституции РФ, уголовного и уголовно-процессуального законодательства и направлена на выявление допущенных нарушений закона, их отмену и принятие мер юридической ответственности должностных лиц за совершенные правонарушения.*

Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном уголовном судопроизводстве

Прокурорский надзор на досудебных стадиях уголовного судопроизводства *– это особая отрасль прокурорского надзора, предметом которой является специфический вид государственной деятельности специально уполномоченного органа (прокуратуры), осуществляющего надзор от имени государства.* Заключается таковой в постоянном и непрерывном внешнем наблюдении за точным и единообразным соблюдением и исполнением федеральных законов и подзаконных актов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, выявлении допущенных ими нарушений и их устранений в целях защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства и использовании предоставленных уголовно-процессуальным законом средств для их устранения.

Одним из наиболее приоритетных направлений прокурорского надзора, называемых нередко его отраслью, является надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие. Характерным признаком этого надзора является то, что в отличие от не менее важного надзора за исполнением законов (общий надзор) он реализуется в уголовно-процессуальной форме, осуществляется в установленном порядке и при определенных условиях, точно предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Для осуществления этого вида надзора прокурор наделен властными и распорядительными полномочиями. Анализ полномочий прокурора в досудебном производстве свидетельствует о том, что для прокурорского надзора существуют не только собственно-процессуальные отношения, но и отношения управленческого характера. Именно поэтому прокурор осуществляет одновременно надзор как за исполнением законов, так и за решением задач досудебной подготовки материалов по уголовным делам о совершенных или готовящихся преступлениях.

Как известно, прокурорский надзор в досудебном производстве представляет собой особую и высшую форму государственного контроля, является своего рода вершиной его пирамиды. Поэтому прокуратура фактически в этом отношении выступает в качестве органа консолидирующего действия ведомственного процессуального контроля в лице руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания, направленные на устранение, предотвращение, пресечение и восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина, интересов организаций, общества и государства, достижение эффективного взаимодействия, слаженной и результативной работы по выявлению правонарушений, предупреждению преступных проявлений и противоправных действий.

Одной из основных целей практической деятельности прокуратуры является обеспечение единства и укрепление законности. Укрепление законности в досудебном производстве при помощи обеспечения средствами прокурорского надзора выражается в целенаправленном воздействии прокуратуры на практику исполнения законов участниками процесса, обеспечения ими единообразия в понимании закона.

Важно подчеркнуть, что законность в досудебном уголовном судопроизводстве – это мощный организующий и дисциплинирующий фактор, требующий точного и неуклонного соблюдения государственной дисциплины со стороны всех участников. Конституция Российской Федерации одновременно требует

от своих граждан соблюдать закон, так как иначе будут нарушены права и свободы других граждан, интересы общества, государства. Это требует усиления контрольных функций в досудебном производстве со стороны руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания. При этом контролирующие органы также строго и неукоснительно должны исполнять закон.

Главным направлением в деятельности прокуратуры в досудебных стадиях является беспристрастное обеспечение законности за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Содержание законности включает в себя:

1) законы и подзаконные нормативно-правовые акты;
2) соблюдение и исполнение федеральных законов и подзаконных актов;
3) осуществление контрольных функций органов государственного управления;
4) прокурорский надзор за точным и единообразным соблюдением и исполнением федеральных законов и подзаконных актов;
5) меры юридической ответственности за совершенные правонарушения.

Как видно, содержание понятия «законность» включает не только законы и подзаконные акты, но и активную и целенаправленную правоприменительную деятельность органов дознания и предварительного следствия и их контролирующих структур по строжайшему исполнению данных нормативно-правовых актов.

Таким образом, когда речь идет об укреплении законности в досудебном производстве, решающим становится разработка государством, его соответствующими органами государственной власти, необходимых мер по дальнейшему совершенствованию законодательно-нормативной базы, усилению качества и эффективности деятельности ведомственного процессуального контроля, активизации и совершенствованию прокурорского надзора и судебного контроля в деле обеспечения неотвратимости ответственности и наказания за допущенные нарушения российской законности.

Законодатель наделяет прокурора в досудебном производстве особыми полномочиями по осуществлению надзора за законностью процессуальной деятельности органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие. Особенность такого надзора состоит в определенных законом действиях, направленных на обеспечение неукоснительного исполнения уполномоченными должностными лицами органов дознания и предварительного следствия требований федеральных законов и подзаконных актов, начиная с момента поступления к ним и регистрации информации (заявлений, сообщений) о совершенном или готовящимся преступлении и до принятия ими окончательного процессуального решения по материалам предварительной (доследственной) проверки либо по уголовному делу.

Специфика прокурорского надзора на досудебных этапах характеризуется также его особым предметом, которым следует считать исполнение федеральных законов и подзаконных актов уполномоченными должностными лицами органов дознания и предварительного следствия. Это деятельность прокуроров в пределах их компетенции с использованием тех полномочий, которые предоставлены им для соблюдения законности при расследовании преступлений. Цель этой прокурорско-надзорной деятельности – своевременное выявление и принятие мер прокурорского реагирования по предупреждению и устранению нарушения закона.

Предмет прокурорского надзора непосредственно определен Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 29), который включает в себя: соблюдение прав и свобод человека и гражданина; соблюдение установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях; соблюдение порядка проведения расследования; соблюдение законности решений органами предварительного расследования.

Из положения этой нормы следует, что:

1) предметом прокурорского надзора является не орган государственной власти, осуществляющий дознание и предварительное следствие, не дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, начальник органа дознания или начальник подразделения дознания, а исполнение ими законов и подзаконных актов;
2) прокурор осуществляет свою деятельность по двум направлениям: с одной стороны, это соблюдение прав и свобод человека и гражданина; порядок рассмотрения сообщений о преступлениях; производство

расследования, а с другой – законность решений органов предварительного расследования по уголовным делам, то есть надзирает как за законностью осуществления процессуальных действий, так и за законностью принимаемых процессуальных решений.

Принимая во внимание то, что предметом прокурорского надзора является законность всей деятельности органов дознания и предварительного следствия, можно выделить несколько основных этапов надзора прокурора в досудебном производстве. К ним следует отнести:

1) надзор за законностью и обоснованностью разрешения заявления и сообщений о преступлениях, постановлений о возбуждении уголовного дела или отказе в этом;
2) надзор за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения (задержание подозреваемого; заключение под стражу подозреваемого, обвиняемого, других мер пресечения; производства неотложных и иных следственных действий, проводимых на первоначальном этапе расследования органами дознания и предварительного следствия);
3) надзор за законностью и обоснованностью привлечения лица в качестве обвиняемого;
4) участие прокурора в рассмотрении судом ходатайств о применении к подозреваемому и обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста и о продлении содержания под стражей; о применении иных мер процессуального принуждения; о производстве следственных действий в случаях, предусмотренных законом; в рассмотрении судом жалоб на действия (бездействие) и процессуальные решения дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и прокурора;
5) обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в том числе потерпевших от преступления;
6) исполнение требований закона об установлении им всех обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию по уголовному делу;
7) прокурорский надзор за законностью принятия решения при окончании дознания и предварительного следствия.

На перечисленные этапы для осуществления прокурорского надзора ориентируют приказы Генерального прокурора РФ от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»; от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания»; от 27 ноября 2007 г. № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве»; от 01 ноября 2011 г. № 373 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органов дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокуратуры» и другие.

В досудебных стадиях уголовного судопроизводства этот вопрос решен несколько иначе. В ч. 1 ст. 37 УПК РФ говорится о надзоре за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Именно поэтому, за любой процессуальной деятельностью, в которую помимо закрепленных в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», входит и деятельность дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания [23].

Такое определение предмета прокурорского надзора связано с тем, что процессуальная деятельность в досудебном производстве затрагивает важнейшие конституционные права и свободы лиц, которые вовлечены в уголовное судопроизводство.

В настоящее время перед органами прокуратуры в досудебных стадиях определена первостепенная задача, которая заключается в организации работы таким образом, чтобы деятельность прокуратуры максимально обеспечивала конечную цель уголовного преследования – изобличение лиц, виновных в совершении преступления, и привлечение их к уголовной ответственности. В связи с этим органы прокуратуры должны в полной мере использовать установленный законом значительный потенциал полномочий для осуществления надзора за соблюдением и исполнением федеральных законов и подзаконных актов деятельности органов дознания и предварительного следствия в целях полноценной защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного

судопроизводства, в первую очередь потерпевших от преступлений.

Задачами прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела является: предупреждение, выявление и устранение случаев укрытия преступлений от учета, необоснованного возбуждения уголовного дела или отказа в этом, незаконного направления материалов о преступлениях по подследственности.

На стадии предварительного расследования надзорная деятельность прокурора акцентирована на защиту конституционных прав граждан и, прежде всего, на обеспечение неприкосновенности личности. В процессе расследования в наибольшей степени затрагиваются права и законные интересы при решении таких вопросов, как задержание, заключение под стражу подозреваемого или обвиняемого, привлечение к уголовной ответственности и др. В связи с этим надзор прокурора направлен на то, чтобы все действия и решения дознавателя, следователя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания и руководителя следственного органа были законными, обоснованными и справедливыми, а допущенные ими нарушения законов своевременно выявлялись и устранялись.

В ходе предварительного расследования на всех его этапах надзорной деятельности прокурор обязан принимать меры, чтобы защитить конституционные права и интересы лиц и организаций, потерпевших от преступления, защитить личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод, а также осуществлять уголовное преследование в целях назначения виновным справедливого наказания. Одновременно с этим он следит за тем, чтобы неукоснительно соблюдались предусмотренные законом порядок и условия расследования уголовных дел.

Важнейшая особенность для успешного осуществления надзора за действиями органов дознания и предварительного следствия – это наделение прокурора достаточно широкими властно-распорядительными полномочиями, особенно в отношении органов дознания, хотя это в определенной мере противоречит конституционной концепции о разделении ветвей власти. Именно они позволяют ему своевременно выявлять, предупреждать и устранять нарушение законов при расследовании преступлений. Только прокурор вправе отменить любое незаконное необоснованное решение или акт органа дознания и, в определенных случаях, органов предварительного следствия.

Прокурор не возглавляет органы дознания и предварительного следствия. Во главе их стоят руководители следственного органа, начальники органов и подразделений дознания, которые осуществляют административное руководство подчиненными им работниками, в том числе и действующими в качестве следователя.

В досудебном производстве прокурор в полном объеме реализует процессуальное руководство дознанием. В связи с этим, он в соответствии с предоставленными ему полномочиями принимает властно-распорядительное решение. При этом процессуальная самостоятельность и независимость дознавателя не освобождает прокурора от осуществления процессуального руководства за органами дознания при расследовании преступлений.

Прокуроры одновременно осуществляют общее руководство и надзор за дознанием строго в рамках закона и установленных законом процессуальных средств.

Надзор за органами дознания и предварительного следствия должен осуществляться таким образом, чтобы были осуществлены все принципы уголовно-процессуального производства, направленные на реализацию цели и задач, стоящих перед ними.

Значение прокурорского надзора за исполнением законов в досудебном производстве состоит в том, что прокурор обеспечивает раскрываемость преступлений, законность и обоснованность следственных и процессуальных действий, привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, и недопущение привлечения к уголовной ответственности лиц, невиновных в совершении преступлений, охрану прав и законных интересов человека и гражданина.

При осуществлении надзора прокурор пользуется определенными формами и методами, которые дают ему возможность предупредить, выявить и устранить нарушение законов. Форма надзора есть правовые средства реализации полномочий прокурора. В юридической литературе термины «форма надзора» и «правовые средства надзора» употребляются как однозначные. Методы – это вырабатываемые прокурорской практикой на основе науки и передового

опыта способы, приемы, пути реализации правомочий прокурора. Иными словами, форма надзора – это то, что должен делать прокурор, а методы надзора – это то, каким образом он должен это делать.

Совокупностью методов называется методика прокурорского надзора. Форма и методы надзора используются прокурором в их единстве для выявления, устранения и предупреждения нарушения законов. Очевидно, эти направления прокурорской деятельности (выявление, устранение и предупреждение нарушения законов) взаимообусловлены, взаимосвязаны и представляют единый процесс прокурорского надзора.

Прокурорским надзором охватываются все направления стадии возбуждения уголовного дела и расследования преступлений. Возбуждение уголовного дела является важнейшей стадией уголовного судопроизводства. Законное, обоснованное и своевременное возбуждение уголовного дела есть одно из необходимых условий как быстрого и полного раскрытия, так и его полного, объективного всестороннего и справедливого расследования. И, наоборот, незаконное, необоснованное и несвоевременное возбуждение уголовного дела приводит к утрате доказательств содеянного и к снижению актуальности события совершенного преступления, а в конечном итоге – к оставлению безнаказанными лиц, совершивших преступление, в том числе и особо опасные, такие, как террористические акты, экстремистские и бандитские налеты, умышленные убийства, разбойные нападения и иные тяжкие преступления.

Для реализации надзорных полномочий на данных стадиях прокурор ежемесячно проверяет неукоснительное исполнение федерального законодательства при приеме, разрешении и учете заявлений и сообщений о преступлениях. В связи с этим он сопоставляет имеющиеся фактические данные органов внутренних дел, сообщений СМИ, жалобы граждан, сведения страховых компаний, медицинских и травматических учреждений, районных и городских комиссий по делам несовершеннолетних, ГИБДД, государственных инспекций по охране труда и технике безопасности и иных источников.

Особое внимание обращается прокурором на соблюдение порядка регистрации сообщений о преступлениях, их процессуальное оформление, обязательное уведомление заявителя о принятии заявлений и соблюдение сроков их рассмотрений.

Необходимо подчеркнуть, что прием, учет, регистрация и проверка заявлений о преступлениях, осуществляемые правоохранительными органами, являются началом начал их деятельности по борьбе с преступностью. Между тем, ни отечественное уголовно-процессуальное законодательство, ни ведомственные предписания руководителей федеральных правоохранительных органов не уделяют этой деятельности должного внимания, считая ее чисто технической. В теории уголовно- процессуального права эта деятельность всегда считалась вне процессуальной. Однако в большинстве случаев поступающие в органы дознания и предварительного следствия сообщения о совершенных преступлениях нуждаются в тщательной проверке. Это сам по себе сложный и ответственный этап стадии возбуждения уголовного дела. Именно здесь окончательно формируется решение о возбуждении уголовного дела. В связи с этим законодатель вполне оправдано включает соблюдение установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях в качестве составной части предмета прокурорского надзора за исполнением законов органов предварительного расследования, подчеркивая особую значимость данного участка их деятельности.

Во избежание нарушений закона при производстве предварительной (доследственной) проверки и их своевременного пресечения прокурор должен следить за точным соблюдением сроков, полномерностью действий органа дознания и предварительного следствия, обоснованностью проведения проверочных действий, качеством их выполнения. Как затягивание предварительных (доследственных) проверок, так и поспешное поверхностное их производство в равной степени несут в себе опасность осложнений в последующей работе по расследованию преступлений.

Оценка законности, обоснованности и своевременности возбуждения уголовного дела осуществляется прокурором в сплошном порядке, имея в виду, что в соответствии с ч. 4 ст. 147 УПК РФ копия постановления о возбуждении уголовного дела должна незамедлительно направляться прокурору.

Своевременность возбуждения уголовного дела зависит от того, насколько ответственно и

взвешенно дознаватель, следователь, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания и руководитель следственного органа подходят к установлению достаточности данных, указывающих на признаки преступления. Для этого они должны опираться на определенные критерии и систему показателей, позволяющих принять безошибочные решения о возбуждении уголовного дела. Данными показателями должен руководствоваться и прокурор, оценивая законность действий уполномоченных должностных лиц поднадзорных органов дознания и предварительного следствия.

Как правило, основными признаками, свидетельствующими о достаточности данных для возбуждения уголовного дела, являются сведения, указывающие на наличие события преступления, отдельные элементы субъективной и объективной сторон состава преступления и другие. Бесспорным признаком, дающим необходимость незамедлительного возбуждения дела, служит явная выраженность общественно опасного и противоправного характера совершенного деяния. Законность возбуждения уголовного дела оценивается прокурором не только по существу, но и по его оформлению.

Особое внимание в надзорной практике заслуживают результаты рассмотрения мотивированных постановлений прокуроров, направленных в органы дознания или предварительного следствия для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства. При отрицательном решении должна быть незамедлительная реакция прокурора, направленная на отмену принятого руководителем следственного органа решения. При положительном решении не следует ограничиваться признанием законности и обоснованности вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Подчас формально, согласившись с прокурором, следственный орган может вскоре незаконно и необоснованно прекратить производство по делу. Наблюдение прокурора за последующим после возбуждения уголовного дела ходом расследования в данном случае позволит исключить по таким, как, впрочем, и другим уголовным делам ошибочные решения органов расследования преступлений.

Таким образом, прокуроры на местах должны:

1) тщательно изучать материалы проверок и сообщения о преступлениях;
2) не допускать промедления в возбуждении уголовного дела при очевидных признаках преступления;
3) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;
4) требовать от органов дознания и предварительного следствия незамедлительного устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания и предварительного следствия.

Существенное место в работе прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, занимает надзор за законностью производства следственных действий. Проведение следственных действий возможно только при наличии возбужденного уголовного дела. До возбуждения уголовного дела отступление от данного правила закон допускает в случаях, не терпящих отлагательства, допускает для производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего, допускает осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, назначение и производство судебной экспертизы (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 1 ст. 179, ч. 4 ст. 195 УПК РФ). На соблюдение данных требований прокурор обращает внимание в первую очередь.

При производстве следственных действий должен соблюдаться в полном объеме установленный законом порядок их проведения.

О соблюдении данного требования прокурор судит по протоколу следственного действия.

Осуществляя надзор за соблюдением законов органами, производящими дознание и предварительное следствие, прокурор следит за тем, чтобы органы дознания не подменяли органа предварительного следствия. В частности, чтобы по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, деятельность органов дознания ограничивалась бы только производством неотложных следственных действий. По окончании этих действий уголовное дело незамедлительно должно быть

направлено руководителю следственного органа, причем во всех случаях не позднее десяти суток с момента возбуждения уголовного дела.

Постоянное внимание прокурором должно уделяться соблюдению правил о подследственности, от чего во многом зависит объективность расследования. Серьезной задачей прокурора является обеспечение действенного надзора за законностью привлечения лица в качестве обвиняемого. В процессе ее решения прокурор выясняет наличие и достаточность оснований для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, соблюдении требований закона, определяющих порядок предъявления обвинения, разъяснения обвиняемому его прав, допрос обвиняемого.

От уровня прокурорского надзора в решающей степени зависит соблюдение законности при применении мер процессуального принуждения и, прежде всего, задержание подозреваемого, заключение под стражу подозреваемого и обвиняемого. Применение всех без исключения мер пресечения прокурором должно признаваться законным только при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый (подозреваемый) скроется от дознания, предварительного следствия, суда или воспрепятствует установлению справедливости по уголовному делу, или будет продолжать заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора (ст. 97 УПК РФ). Основания применения меры пресечения должны быть обязательно названы в постановлении следователя.

Одной из наиболее важных составных частей процесса расследования преступлений является исполнение законов, регламентирующих окончание дознания и предварительного следствия. Прокурорский надзор на данном этапе окончания расследования преступлений заключается в проверке и оценке прокурором законности и обоснованности решения дознавателя и следователя о признании следствия, дознания законченным; соблюдения прав потерпевшего, обвиняемого, гражданского истца (ответчика) на ознакомление с материалами дела; соблюдения требований закона при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта (постановления) или постановления о прекращении уголовного дела.

Обоснованность и законность признания дознавателем и следователем дознания и предварительного следствия законченным и собранных доказательств достаточным для составления обвинительного заключения (акта, постановления) прокурор оценивает на основе изучения всех материалов дела, как правило, при поступлении к нему дела с обвинительным заключением (актом, постановлением). При этом достаточность доказательств может быть прокурором констатирована только в том случае, если они подтверждают наличие совершения преступления и виновность обвиняемого, других обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Неполнота расследования, его односторонность, необъективность и несправедливость указывают на преждевременность его признания завершенным и необходимость продолжения работы по делу. Именно поэтому, прокурор должен следить и за тем, чтобы по каждому уголовному делу были доказаны обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений (ч. 2 ст. 73 УПК РФ).

Если эти обстоятельства органами дознания и предварительного следствия по уголовному делу не выяснены или установлены неполно, то прокурор вправе возвратить дело со своими письменными указаниями дознавателю, следователю для дополнительного расследования и устранения выявленных недостатков (п. 2 ч. 1 ст. 221, п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ).

По уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением при сокращенной форме дознания, прокурор может направить дело дознавателю для производства дознания в общем порядке, если по делу были допущены существенные нарушения закона («б» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ).

Как видно, главное внимание прокурора должно быть сосредоточено на своевременной проверке выполнения вышеперечисленных требований закона дознавателем, следователем, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания и руководителем следственного органа в процессе расследования преступлений.

В досудебном уголовном судопроизводстве субъектами реализации прокурорских полномочий являются прокурор района (города), их заместители, а также приравненные к ним прокуроры (ч. 5 ст. 37 УПК РФ).

Законодателем не наделены полномочиями прокурора в досудебных стадиях начальники отделов и управлений прокуратур субъектов

Федерации и Генеральной прокуратуры РФ, их помощники.

Правовыми актами прокурорского надзора в досудебном производстве являются постановления, письменное требование, письменное указание, письменное согласие на проведение конкретных процессуальных действий или принятие решений, представлений (апелляционных, кассационных, надзорных и другие).

Ведомственный процессуальный контроль за исполнением законов в досудебном уголовном судопроизводстве

Ведомственный процессуальный контроль за исполнением законов в досудебном уголовном судопроизводстве *– это особая уголовно-процессуальная деятельность специально уполномоченных субъектов в лице руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания, которая заключается в процессуальном руководстве и ведомственном контроле за административно-управленческой деятельностью подчиненных им должностных лиц в форме непосредственного наблюдения, проверки выявления нарушений закона, их отмене и принятии мер ответственности за совершенные ими правонарушения в целях законного, эффективного и экономного функционирования органа дознания и органа предварительного следствия при осуществлении уголовного судопроизводства.*

Данный контроль представляет собой установленные законом процессуальные механизмы обеспечения законности дознания и предварительного следствия на досудебных этапах уголовного судопроизводства.

Наряду с прокурорским надзором и судебным контролем указанные формы деятельности руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания, их заместители создают дополнительные правовые гарантии четкого и строгого соблюдения процессуального порядка производства по уголовному делу, качества и результативности предварительного расследования, обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Повседневный текущий ведомственный процессуальный контроль за соблюдением законности деятельности следователей и ходом предварительного следствия при производстве расследования преступлений осуществляет руководитель следственного органа. Он обладает полномочиями, которыми ранее был наделен прокурор. Можно сказать о том, что связка «прокурор-следователь» заменена законодателем на связку «руководитель следственного органа – следователь». Законодателем переданы ему, в основном, все полномочия, связанные с контролем качества процессуальной деятельности следователя. Это очень важное нововведение, поскольку появился новый властный субъект со стороны обвинения с присущими ему функциями и полномочиями. Наделение руководителя следственного органа сверхвластным кругом полномочий по ведомственному процессуальному контролю было обусловлено в первоочередном порядке в связи с реализацией конституционной концептуальной системой о разделении ветвей власти и реформы органов прокуратуры и предварительного следствия, проведенной в 2007 году.

Руководитель следственного органа осуществляет три функции: уголовное преследование, уголовно-процессуальный контроль и ведомственный контроль. Наряду с другими обязанностями он осуществляет свою основную функцию уголовного преследования путем реализации уголовно-процессуального контроля и ведомственного контроля.

В уголовно-процессуальных правоотношениях между руководителем следственного органа и следователем присутствуют как собственно-процессуальные, так и организационно-управленческие отношения. Ведомственный контроль следователями составляет лишь часть деятельности руководителя следственного органа, поскольку он осуществляет процессуальный контроль в целом за состоянием и ходом расследования производства по уголовному делу.

Как видно, помимо прокурорского надзора в досудебных стадиях предусмотрены некоторые формы контроля за законностью процессуальной деятельности органов предварительного расследования и их должностных лиц, реализующих публичное уголовное преследование, в частности процессуальный контроль руководителя следственного органа.

Функция процессуального контроля руководителя следственного органа осуществляется в интересах строгого и точного исполнения закона. Его контроль за процессуальной деятельностью органа предварительного следствия является

контролем за исполнением законов этим подконтрольным органом и должностным лицом, поскольку процессуальная деятельность следователя реализуется исключительно на основе закона. Поэтому такой процессуальный контроль наряду с функцией уголовного преследования является одной из основных процессуальных функций руководителя следственного органа. Следовательно, функция уголовного преследования осуществляется через контрольную функцию, так как все элементы, связанные с возбуждением, приостановлением, прекращением и окончанием уголовного дела должны быть законными, обоснованными и справедливыми. Для этого он наделен значительными властно-распорядительными полномочиями.

Для осуществления этой процессуальной функции он обеспечен широким кругом полномочий (ст. 39 УПК РФ). Именно поэтому, руководитель следственного органа является ключевой фигурой в досудебном производстве, поскольку в его ведении находятся вопросы координации предварительного следствия, согласования и отмены ряда процессуальных решений и ходатайств следователя, его отводов и самоотводов, продления сроков предварительного следствия и другие.

Одним из наиболее важных средств его процессуального руководства за деятельностью следователя при расследовании преступлений является дача соответствующих указаний. Данные указания руководителя по делу даются в виде постановления или в иной письменной форме, которая обязательна для исполнения следователем. Однако они могут быть обжалованы не только руководителю вышестоящего следственного органа, но и в судебном порядке, как это имело место в свое время до 1917 г. в Российской империи. Обжалование указаний руководителя не приостанавливает их исполнение, за исключением случаев, когда эти указания касаются внутреннего убеждения следователя, то есть вопросов, перечисленных в ч. 3 ст. 38 УПК РФ.

Внутриведомственными нормативными актами на руководителя также возложены обязанности по:

1) контролю за своевременностью действий следователей по раскрытию и предупреждению преступлений;
2) организации и контролю работы следователей по своевременному и качественному расследованию уголовных дел;
3) принятию мер к наиболее полному, всестороннему, объективному и справедливому производству предварительного следствия по уголовным делам, используя при этом, предоставленные ему полномочия УПК РФ;
4) осуществлению контроля за своевременностью и обоснованностью возбуждения уголовных дел или об отказе в этом, избрания и изменения меры заключения; своевременностью и полнотой принятых мер по установлению личности обвиняемого (подозреваемого), по обеспечению возмещения материального ущерба и сохранности изъятых вещественных доказательств;
5) соблюдению законности при осуществлении следователями деятельности по раскрытию и предупреждению преступлений при производстве предварительного расследования;
6) контролю за своевременностью назначения экспертиз; направления в территориальные подразделения органов внутренних дел уведомлений о необходимости проведения профилактической работы с лицами, в отношении которых избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы; направления материалов для организации розыска скрывшегося обвиняемого в соответствующие розыскные подразделения.

Помимо этого, руководитель следственного органа ежемесячно проверяет законность и обоснованность приостановления производства уголовных дел по основаниям, указанным в ст. 208 УПК РФ.

Возложение всех указанных полномочий на руководителя следственного органа способствуют обеспечению процессуальной самостоятельности органов предварительного следствия, разделению прокурорских и следственных функций и, по мнению законодателя, должно положительно повлиять на всесторонность, объективность, полноту и справедливость данной формы расследования.

Следует отметить, что произошедшее изменение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве в какой-то степени укрепило процессуальную самостоятельность следователя,

что можно оценивать положительно.

Текущий ведомственный процессуальный контроль за соблюдением законов при производстве дознания осуществляется начальником подразделения дознания и начальником органа дознания. Этот контроль в отношении дознавателей (оперуполномоченных, участковых уполномоченных, других должностных лиц, в производстве которых находятся материалы доследственной проверки или уголовные дела) по новому уголовно-процессуальному закону стал носить еще более ограниченный характер по сравнению с ранее действовавшим законодательством. В связи с этим:

1) дознаватель стал более самостоятельным и независимым от органов дознания (его начальника);
2) круг полномочий органа дознания по отношению к дознавателю значительно уменьшился;
3) предусмотренные законом уголовно-процессуальные полномочия начальника органа дознания не подлежат расширительному толкованию, ибо дознаватель действует самостоятельно, за исключением случаев, когда в соответствии с уголовно-процессуальным законом на это требуется согласие органа дознания.

Начальник органа дознания принимает решения (или утверждает таковые) по принципиальным вопросам, перечисленным в ст. 94, 144, 145, 157 и 225 УПК РФ. Он уполномочен давать письменные указания дознавателю по любым вопросам расследования. Такие указания обязательны для исполнения (ч. 4 ст. 41 УПК РФ).

Уголовно-процессуальные действия, направленные на собирание доказательства, применение мер уголовно-процессуального принуждения, осуществляют:

1) по делам, по которым предварительное следствие не обязательно, – дознаватель;
2) по делам, по которым предварительное следствие обязательно, – сотрудник органа дознания, получающий полномочия участвовать в деле от начальника органа дознания (или его заместителя), который должен указать ему на необходимость принятия дела к производству и проведению неотложных следственных действий в постановлении о возбуждении уголовного дела (такой сотрудник при проведении процессуальных действий наделен правами и обязанностями дознавателя).

Ведомственный процессуальный контроль за соблюдением законов при производстве дознания наряду с начальником органа дознания осуществляется и начальником подразделения дознания. В уголовном судопроизводстве появился новый субъект власти, которому переданы определенные полномочия, связанные с непосредственным ведомственным процессуальным контролем качества деятельности дознавателя. Это очень важная новелла в отечественном уголовном судопроизводстве, поскольку новый официальный участник со стороны обвинения обладает присущими только ему функциями и полномочиями. В настоящее время начальник подразделения дознания обладает тремя основными полномочиями: уголовного преследования, процессуального контроля и ведомственного контроля.

Контролирующая деятельность начальника подразделения дознания не подменяет и не заменяет начальника органа дознания и прокурора в досудебном производстве, а органично способствует им. Он имеет возможность более оперативно руководить расследованием.

Анализ полномочий начальника подразделения дознания показывает, что он имеет возможность более оперативно руководить расследованием. Он, как и начальник органа дознания, наделен некоторыми функциями по координации этой формы предварительного расследования, а также по обеспечению законности и обоснованности решений дознавателя. Начальник подразделения дознания обладает не только процессуальным контролем, но и ведомственным контролем в виде организационно-управленческих отношений.

Начальник подразделения дознания, как и руководитель следственного органа, осуществляет непосредственный процессуальный контроль в целом за состоянием и ходом расследования преступлений дознавателями.

Одним из главных положений руководства начальника подразделения дознания по уголовному делу является дача им официальных указаний по наиболее принципиальным вопросам дела (направление расследования, производства отдельных следственных действий, избрание в отношении подозреваемого меры пресечения, квалификация преступления и объеме обвинения), которые обязательны для исполнения дознавателем. Эти указания даются в письменном

виде. Правила об обязательном исполнении его указаний и невозможности приостановить их исполнение в связи с обжалованием ограничивает процессуальную самостоятельность дознавателя. Процессуальные полномочия начальника подразделения дознания необходимы для повышения результативности уголовного преследования.

Процессуальный контроль может осуществляться как с помощью мер, для принятия которых достаточно решения самого начальника подразделения дознания, так и посредством обращений к прокурору.

Как видно, процессуальный статус начальника подразделения дознания в определенной степени схож с процессуальным статусом руководителя следственного органа.

Более подробно процессуальные полномочия руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания по контролю за деятельностью органов предварительного расследования рассмотрены в соответствующих темах.

Судебный контроль за исполнением законов в досудебном уголовном судопроизводстве

Судебная власть является составной частью государственной власти на территории Российской Федерации. В соответствии с Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законодательством помимо осуществления правосудия на суд возложен целый ряд контрольных функций досудебного производства по отношению к деятельности органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие.

Расширение такого рода юрисдикции связано с гуманизацией и справедливостью отечественного уголовного судопроизводства и объясняется тем, что суд – более беспристрастный и надежный гарант защиты прав и свобод человека и гражданина на досудебных стадиях, чем прокурорский надзор и ведомственный процессуальный контроль руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания.

Судебный контроль за исполнением законов в досудебном производстве – это *специфическая уголовно-процессуальная деятельность, направленная на обеспечение соблюдения в уголовном судопроизводстве конституционных прав и свобод участников процесса, недопущение их нарушения, восстановления незаконно и (или) необоснованно нарушенных конституционных прав, позволяющая своевременно выявить и устранить следственные ошибки органов предварительного расследования.*

В настоящее время судебный контроль за процессуальными решениями и действиями дознавателя, следователя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, руководителя следственного органа, прокурора, других должностных лиц осуществляется в двух формах.

Первая форма (предварительный контроль) заключается в судебном санкционировании процессуальных решений (действий), реализация которых сопряжена с существенным ограничением конституционных прав и свобод граждан.

Данный судебный контроль направлен на то, чтобы не допустить незаконного и необоснованного применения соответствующей меры уголовно-процессуального принуждения на досудебном производстве. По результатам предварительного судебного контроля принимаются следующие непосредственные решения: 1) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога; 2) о продлении срока содержания под стражей или срока домашнего ареста; 3) о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящихся под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства соответствующих судебных экспертиз; 4) о возмещении имущественного вреда; 5) о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности; 6) об установлении срока ареста, наложенного на имущество, и его продлении в порядке, предусмотренном УПК РФ (п. 1-3.1, 9.1, 10 ч. 2 ст. 29).

К этой форме судебного контроля относится также разрешение судом органу расследования производства следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод на неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки и другие (п. 4-9, 10.1-12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

Перечисленные решения принимаются судом в порядке, предусмотренном ст. 108, 109, 165 и 203 УПК РФ.

Этот судебный контроль реализуется также в процессе проверки законности и обоснованности

производства, осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложении ареста на имущество, указанные в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ в случаях, не терпящих отлагательства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Очень важной формой судебного контроля (последующий судебный контроль) за исполнением законов в досудебном производстве является проверка законности и обоснованности процессуальных действий (бездействия) и принимаемых решений уполномоченными должностными лицами органов уголовного преследования.

Такой судебный контроль осуществляется в рамках института «судебной защиты прав и свобод человека и гражданина» (ст. 46 Конституции РФ).

Поводом к судебному контролю за исполнением законов в досудебных стадиях выступают жалобы как конкретного, так и неопределенного круга лиц, а также ходатайства дознавателей, следователей, других должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование преступлений.

Предметом жалобы могут быть любые уголовно-процессуальные действия (бездействие) и решение дознавателя, следователя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, руководителя следственного органа, прокурора, его заместителя, других должностных лиц в процессе досудебного производства по установлению обстоятельств преступления, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ к правосудию.

Из этого института исключены уголовно-процессуальные действия и решения, связанные с задержанием подозреваемого; продлением ему срока задержания; домашним арестом, заключением под стражу обвиняемого (подозреваемого); продлением срока содержания обвиняемого под стражей; помещением подозреваемых, обвиняемых в судебно-медицинский или судебно-психиатрический стационар для соответствующих экспертиз, для которых предусмотрен специальный порядок их осуществления и принятия.

Рассматриваемая форма судебного контроля реализуется в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ.

Следует отметить, что постановление дознавателя, следователя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, руководителя следственного органа, прокурора, его заместителя о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом, о прекращении уголовного дела, а равно иные их решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования. Исключения могут составить случаи, когда дознаватель, следователь, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, руководитель следственного органа или прокурор по своей инициативе найдут нужным приостановить действия или исполнение решения до рассмотрения и разрешения жалобы судом по существу.

Жалоба может быть подана в суд потерпевшим, подозреваемым (обвиняемым), его защитником, либо законным представителем, другим заинтересованным лицом непосредственно через дознавателя, следователя или прокурора.

Жалобы лиц, содержащихся под стражей, подаются через администрацию места содержания под стражей, которая немедленно их направляет в суд. Эти жалобы рассматриваются судьей единолично.

В случае, если жалоба подается непосредственно в суд, то он сам принимает необходимые меры к истребованию необходимых для рассмотрения и разрешения жалобы через дознавателя, следователя или прокурора, обязывает их вместе с жалобой представить в суд необходимые документы и материалы.

При поступлении жалобы в суд она регистрируется, по ней заводится отдельное производство, к которому приобщаются: жалобы, представленные сторонами материалы, сведения о подготовке к судебному заседанию, постановления судьи по результатам рассмотрения жалобы, а также иные документы.

Если суд посчитает представленные материалы недостаточными для всестороннего, объективного и справедливого разрешения дела, то он вправе истребовать необходимые материалы.

Судья проверяет законность и обоснованность обжалуемых действий (бездействия) и решений

перечисленных компетентных должностных лиц не позднее чем через пять судок со дня поступления жалобы в судебном заседании с участием заявителя, его защитника, законного представителя или представителя, если они участвуют в уголовном деле, иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением, а также с участием прокурора, следователя, дознавателя, других должностных лиц в суде.

Жалобы, подлежащие разрешению, рассматриваются в открытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 241 УПК РФ.

Неявка лиц, надлежащим образом извещенных о времени, дате и месте рассмотрения жалобы в судебном заседании и не настаивающих на ее рассмотрении с их участием, не является препятствием для рассмотрения жалобы судом.

В начале судебного заседания судья открывает заседание, объявляет, какая жалоба подлежит рассмотрению, представляется явившимся в судебное заседание участникам уголовного процесса, разъясняет им права и обязанности. Затем заявитель обосновывает жалобу, после чего заслушиваются другие лица. Заявителям предоставляется возможность выступить с репликой.

По результатам рассмотрения жалобы судья выносит постановление, в котором:

1) констатирует признание действия (бездействия) или решения соответствующих компетентных должностных лиц незаконными или необоснованными и обязывает их устранить допущенные ими нарушения;
2) признает обжалуемое действие (бездействие), решение выполненным или вынесенным в соответствии с законом и отказывает в удовлетворении жалобы.

Копии постановления судьи по жалобе направляются заявителю и прокурору с указанием права и порядка обжалования. Постановление судьи может быть обжаловано в апелляционном порядке в десятидневный срок в вышестоящий суд.

Принесение жалобы не приостанавливает производство обжалуемого действия или исполнение обжалуемого решения, если это не найдет нужным сделать дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор или судья.

В соответствии со ст. 127 УПК РФ жалобы и представления на приговоры, определения постановлений судов первой и апелляционной инстанций, а также жалобы и представления на судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу, приносятся в порядке, установленном гл. 45.1 и 47.1 УПК РФ.

Жалобы и представления на судебные решения, вступившие в законную силу, приносятся в порядке, установленном гл. 48.1 и 49 УПК РФ.

Соотношение надзора и контроля за исполнением законов в досудебном уголовном судопроизводстве

Соотношение положения процессуального статуса прокурора с процессуальным положением руководителя следственного органа являются базовой основой реализации властными субъектами сторон обвинения, поставленных перед ними целей. Полномочия прокурора и руководителя следственного органа, предусмотренные УПК РФ, обусловлены занимаемыми должностями и соответствующей компетенцией. Они возникают и используются только в сфере досудебного производства с момента возбуждения уголовного дела.

Осуществление прокурором функций уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия являются взаимосвязанными составляющими.

Уголовное преследование реализуется в тех прокурорских полномочиях, которые нацелены на максимально эффективное и целесообразное обеспечение неотвратимости уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Надзорная функция прокурора проявляется там, где он руководствуется исключительно интересами строгого и точного исполнения закона, жертвуя ради этого, если потребуется эффективностью уголовного преследования.

Руководитель следственного органа в досудебном производстве реализует две основные функции:

1) уголовного преследования;
2) ведомственного процессуального контроля за деятельностью органов предварительного следствия.

Процессуальная контрольная функция руководителя следственного органа и надзорная

функция прокурора осуществляются исключительно интересами строгого и неукоснительного соблюдения законов. Текущий ведомственный процессуальный контроль со стороны руководителя следственного органа создает правовые гарантии соблюдения процессуального порядка производства по уголовному делу, качества и эффективности предварительного расследования, обеспечения функциональных прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства и иных лиц, не являющихся участниками досудебного производства.

Прокурорский надзор в отличие от процессуального контроля руководителя следственного органа может осуществляться только в отношении обеспечения законности, а руководитель следственного органа проверяет не только законность, но и целесообразность деятельности подконтрольного органа.

В настоящее время прокурор в досудебном производстве полностью освобожден от ответственности за процессуальное руководство предварительным следствием, что само по себе является уникальной новацией. В настоящее время процессуальное руководство за ходом предварительного следствия возложено на руководителя следственного органа.

Важно подчеркнуть, что уголовное преследование проявляется, главным образом, на завершающем этапе предварительного расследования, окончания предварительного следствия – в полномочиях прокурора при рассмотрении уголовного дела, поступившего к нему от следователя с обвинительным заключением. Только с этого момента, по большому счету, прокурор становится ответственным за качество обвинения по уголовному делу, по которому ему придется в дальнейшем поддерживать государственное обвинение в суде. Таким образом, прокурор теоретически свободен для осуществления более объективного и справедливого надзора в стадии возбуждения уголовного дела и на ранних этапах предварительного следствия. Исключения составляют лишь определенные полномочия прокурора по инициированию уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела. Так, прокурор вправе выносить мотивированные постановления о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Прокурор, признав отказ следователя или руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, вправе вынести мотивированное постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Прокурор вплоть до момента утверждения им обвинительного заключения (акта, постановления) еще не является в полном смысле уголовным преследователем и потому до некоторой степени призван исполнять роль арбитра между сторонами обвинения и защиты. При этом он принимает меры по устранению допущенных следователем и руководителем следственного органа нарушений закона. При таких обстоятельствах создаются объективные предпосылки для усиления состязательности на предварительном следствии.

Представляется, что решение законодателя о передаче, практически в полном объеме, процессуальных полномочий управленческого характера в досудебном производстве от прокурора к руководителю следственного органа выглядит абсолютно логичным.

Процессуальное положение руководителя следственного органа в современных условиях имеет важное научное и практическое значение. Такое положение ключевой процессуальной фигуры руководителя следственного органа на досудебных стадиях и присущий только ему набор процессуальных возможностей обусловлены необходимостью осуществления им процессуального контроля за организацией предварительного следствия, его сроками, обеспечением мер к наиболее полному, всестороннему, объективному и справедливому производству предварительного следствия.

Несмотря на разные процессуальные интересы прокурора и руководителя следственного органа, их объединяет единство цели и задач, которые состоят в обеспечении реализации своих полномочий по законному и эффективному производству следствия по уголовному делу. Однако, процессуальные возможности по вмешательству в расследование дела у руководителя следственного органа шире, нежели у прокурора, хотя последний обладает большими правами и властными полномочиями при определении направления движения уголовного дела после завершения его расследования.

Полномочия прокурора, направленные на обеспечение исполнения федерального

законодательства, при приеме, регистрации и разрешении информации о преступлениях и на осуществление последующего своевременного и поступательного надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия входят в число его надзорной функции. В свою очередь руководитель следственного органа обязан по каждому уголовному делу обеспечить соответствующие направления расследования и не допускать принятия следователем незаконных и необоснованных решений. Поэтому он должен регулярно проверять материалы уголовных дел, находящихся в производстве у следователя. Несмотря на это, серьезное вмешательство прокурора в расследование уголовного дела продолжает иметь место до сих пор.

В целях обеспечения прокурором точного и единообразного исполнения закона на досудебных стадиях он истребует уголовные дела, осуществляет их проверку и принимает по ним процессуальные решения в порядке, установленном законом.

Полномочия прокурора характеризуются наличием в них властных организационно-распорядительных форм его процессуальной деятельности. Это указывает на то, что в досудебном производстве прокурор является руководителем межведомственного уровня организации предварительного расследования. Несмотря на то, что прокурор лишился значительных властных полномочий по процессуальному руководству за органами предварительного следствия и непосредственного производства по уголовному делу, а также в какой-то степени ограничен его вмешательством в уголовно-процессуальную деятельность уполномоченных должностных лиц, осуществляющих производство, законодатель, главным образом, оставил его ответственным не только за качество проведенного расследования, но и за законность самого процесса расследования. Прокурор свои процессуальные полномочия в ходе предварительного следствия непосредственно реализует также через процессуальную деятельность руководителя следственного органа.

Требования и другие процессуальные действия прокурора, адресованные руководителю следственного органа, обязательны к исполнению последним. В исключительном случае, законодатель допускает руководителю следственного органа выразить прокурору свое несогласие с его требованием об устранении нарушений федерального законодательства, допущенные в процессе предварительного следствия, исходя из процессуальной самостоятельности следователя и руководителя следственного органа.

Совсем иное процессуальное положение руководителя следственного органа в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Во первых, он наделен большим кругом властных полномочий в отношении осуществления ведомственного контроля за следователями при расследовании дел и, во-вторых, процессуального руководства за деятельностью следователей при расследовании преступлений.

Деятельность руководителя следственного органа является формой прямого и непосредственного участия в производстве расследования по уголовному делу. Так, в его ведении находятся вопросы координации и предварительного следствия, согласования и отмены ряда процессуальных решений и ходатайств следователя, рассмотрение отводов и самоотводов следователя, продления процессуальных сроков предварительного следствия и другие. Таким образом, возложение на руководителя следственного органа таких полномочий в досудебном производстве также реально способствует обеспечению процессуальной самостоятельности органов предварительного следствия, разделению прокурорских и следственных функций.

В настоящее время руководитель следственного органа наделен всеми контрольными (с элементами надзора) полномочиями за процессуальной деятельностью следователей в досудебном производстве, которые ранее осуществлял прокурор. Он осуществляет процессуальный контроль с помощью мер, для принятия которых достаточно его решения (постановления).

Цели, формы, методы и организационные условия осуществления процессуального контроля руководителя следственного органа установлены не только в УПК РФ, но и в ведомственных правовых актах, в частности, в приказах Следственного комитета РФ «О мерах по организации процессуального контроля», «О мерах по организации предварительного следствия» и других.

Несмотря на то, что в досудебном производстве фигура руководителя следственного органа сверхвластна, прокурор вправе требовать от него

и следователя устранения нарушений, допущенных ими в процессуальной деятельности. В случае необходимости законодателем предусмотрена процедура межведомственных споров (ч. 6 ст. 37 и ч. 7 ст. 39 УПК РФ). К сожалению, она настолько сложна и неэффективна для защиты человека и гражданина, что вынуждает всех участников досудебного производства и иных лиц, не являющихся участниками процесса, в целях ускорения и объективности обращаться за защитой своих прав, свобод и законных интересов в суд.

Важное место в уголовно-процессуальных отношениях занимают вопросы соотношения правового статуса прокурора и начальника органа дознания. Так, начальник органа дознания в досудебном производстве осуществляет две основные функции: функцию уголовного преследования и функцию ведомственного процессуального контроля (управления за дознанием при расследовании уголовных дел).

Начальник органа дознания реализует свою функцию уголовного преследования при возбуждении уголовного дела, вправе принимать решение о производстве неотложных следственных действий в отсутствие следователя по тяжким и особо тяжким преступлениям, по которым предварительное следствие обязательно (задержание лица по подозрению в совершении преступления, направление руководителю следственного органа дел, по которым необходимо предварительное следствие, утверждение обвинительного акта (постановления) по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно).

Начальник органа дознания осуществляет функцию ведомственного процессуального контроля за дознанием, имеет право и уполномочен давать указания дознавателю по вопросам расследования. Такие указания обязательны для исполнения.

Начальник подразделения дознания осуществляет функцию ведомственно-процессуального управления и руководство дознанием при расследовании уголовного дела. Эта его деятельность как руководителя подразделения дознания является процессуальной формой прямого и непосредственного участия в процессуальном производстве расследования по уголовному делу. В досудебном производстве он имеет некоторые схожие полномочия с начальником органа дознания по отношению к дознавателю, и с руководителем следственного органа по отношению к следователю.

В досудебном производстве важное значение имеет вопрос о соотношении объема полномочий начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и руководителя следственного органа по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно. Анализ процессуального статуса указанных должностных лиц позволяет сделать вывод об их определенном сходстве и различии.

Сходные полномочия руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания в досудебном производстве выражаются в следующем.

1. Руководитель следственного органа, начальник органа дознания и начальник подразделения дознания наиболее всего приближены к уполномоченным должностным лицам, непосредственно осуществляющим предварительное расследование по уголовному делу. Следовательно, они могут своевременно принять процессуальное решение, выявить и устранить возможные нарушения, привлечь виновного к уголовной ответственности, осуществить, тем самым, свои контрольные полномочия без привлечения прокурорского надзора.

2. Руководитель следственного органа вправе возбудить уголовное дело, принять его к производству и произвести предварительное следствие в полном объеме (ч. 2 ст. 39 УПК РФ). Начальник органа дознания имеет право возбудить уголовное дело, принять его к производству и произвести дознание в полном объеме, то есть он обладает полномочиями органа дознания, предусмотренные ч. 2 ст. 40 УПК РФ, иначе он не мог бы возлагать полномочия, предусмотренные п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ на дознавателя. Начальник подразделения дознания также обладает полномочиями по возбуждению уголовного дела, принятию его к своему производству и проведению дознания в полном объеме (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ).

3. Руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания имеют право проверить материалы уголовного дела. Данная проверка позволяет выявить недостатки при расследовании уголовного дела и принять меры по их устранению. Проверка должна проводиться систематически, распространяться на

следователей и дознавателей и на уголовные дела.

4. Руководитель следственного органа вправе давать поручения производства предварительного следствия следователю, либо нескольким следователям, изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю, создавать следственную группу и изменять ее состав. Поручение о производстве дознания и неотложных следственных действий, решение о производстве дознания группой дознавателей, об изменении ее состава, о назначении ее руководителя, о наделении дознавателя полномочиями органа дознания принимает начальник органа дознания (ч. 2 ст. 223.2, ч. 1 ст. 41 УПК РФ).

Начальник подразделения дознания поручает дознавателю проверку сообщения о преступлении, принятии по нему решения, выполнение неотложных следственных действий либо производство дознания по уголовному делу; вправе изымать уголовное дело и передавать его другому дознавателю (п. 1, 2 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ).

5. Указания, данные руководителем и начальником, обязательны для исполнения. Данные указания можно разделить на две группы: 1) указания, обжалование которых приостанавливает их исполнение следователем (в случае, когда указания касаются изъятия уголовного дела и передачи его другому следователю, привлечения лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объема обвинения, избрания меры пресечения, производства следственных действий, которые допускаются только по судебному решению, направление дела в суд или его прекращение (ч. 3 ст. 39 УПК РФ). Эти указания приостанавливают исполнение только на стадии предварительного следствия; 2) указания, обжалование которых не приостанавливает их исполнение следователем или дознавателем (ч. 4 ст. 41, ч. 4 ст. 40.1 УПК РФ). Обжалование этой группы указаний не приостанавливает их исполнение на стадии предварительного расследования в форме следствия и дознания.

6. Руководитель следственного органа по окончании расследования утверждает обвинительное заключение (ч. 6 ст. 220 УПК РФ), а начальник органа дознания утверждает обвинительный акт (постановление) (ч. 4 ст. 225 УПК РФ).

7. Восстановление утраченного уголовного дела либо его материалов производится по постановлению руководителя следственного органа, начальника органа дознания (ст. 158.1 УПК РФ).

8. Руководитель следственного органа обладает полномочием по даче указаний следователю о привлечении лица в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и об объеме обвинения. Он вправе лично участвовать в проверке сообщения о преступлении и лично рассматривать сообщения о преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Начальник подразделения дознания правомочен давать указания о направлении расследования, о производстве отдельных следственных действий, об избрании меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения (п. 2 ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ).

В досудебном производстве прокурор обладает схожими полномочиями с руководителем следственного органа, но не наделены ими начальник органа дознания и начальник подразделения дознания:

1. К наиболее суровым средствам процессуального контроля руководителя следственного органа относится отмена незаконных и необоснованных постановлений подчиненного следователя, нижестоящего руководителя следственного органа, руководителя, следователя (дознавателя) другого органа предварительного расследования (п. 2, 2.1 и п. 7 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Начальник органа дознания подобным контрольным полномочием не обладает. Оно закреплено за прокурором (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Начальник подразделения дознания вправе отменить лишь необоснованное постановление дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу, а ходатайство об отмене незаконных необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела направить прокурору.

2. Руководитель следственного органа уполномочен продлевать процессуальный срок предварительного следствия, тогда как срок дознания может быть продлен только прокурором (п. 8 ч. 1 ст. 39, ч. 3 ст. 223 УПК РФ).

3. Руководитель вправе возвращать уголовное дело следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования, тогда как по отношению к дознавателю это право закреплено только за прокурором (п.

15 ч. 2 ст. 37, п. 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

4. Руководитель дает согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства на производство следственного действия, на которое требуется получение судебного решения, дает согласие на избрание, продление, отмену, или изменение меры пресечения, в том числе и меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 4 ч. 1 ст. 39, ч. 3 ст. 108 УПК РФ) и продление, тогда как дознавателю согласия на перечисленные процессуальные действия дает только прокурор (п. 5 ч. 2 ст. 37, ч. 3 ст. 108, ч. 4 ст. 224 УПК РФ).

5. Руководитель вправе разрешать отводы, заявленные следователю, его самоотводы, а также отстранять следователя от дальнейшего расследования при допущении нарушений закона (п. 5 и п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). В отношении дознавателя этим правом обладает прокурор (п. 9 и п. 10 ст. 37 УПК РФ).

6. Руководитель вправе давать указания следователю о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), а прокурор уполномочен давать письменные указания дознавателю о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), хотя этим полномочием обладает и начальник подразделения дознания.

7. Руководитель следственного органа утверждает постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу (п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу утверждает прокурор (п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

8. В случае признания следователем постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования незаконным или необоснованным руководитель следственного органа вправе принять решение о его отмене и возобновлении производства по уголовному делу (ч. 1 ст. 214 УПК РФ). В отношении дознавателя подобным правомочием обладает прокурор (ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

Прокурор при осуществлении надзорной функции и функции уголовного преследования в досудебном производстве должен добиваться от руководителя следственных органов, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания неукоснительного исполнения требования закона при реализации ими процессуальных контрольных функций, их качества и эффективности.

Совсем иное положение у прокурора по осуществлению надзора за дознанием в досудебном производстве. Анализ полномочий прокурора позволяет сделать вывод о том, что он в настоящее время не просто осуществляет функцию уголовного преследования, но и руководит процессуальной деятельностью органов дознания и дознавателя. Эту функцию прокурора сложно назвать как процессуальным руководством в отношении упрощенной и ускоренной формы предварительного расследования – дознания.

Прокурор, осуществляя процессуальное руководство за органами дознания, обеспечивает не только уголовное преследование, но и надзор за процессуальной деятельностью дознания, а начальник подразделения дознания, по смыслу закона, по каждому делу должен обеспечить соответствующее направление расследования и не допускать принятие дознавателем незаконных и необоснованных решений.

Полномочия прокурора по отношению к начальнику органа дознания и начальнику подразделения дознания характеризуются наличием властных организационно-распорядительных форм. Процессуальная деятельность начальника органа дознания и начальника подразделения дознания является для прокурора предметом поднадзорной деятельности. Прокурор, исходя из интереса обеспечения законности и обоснованности осуществления уголовного преследования и защиты прав, свобод и интересов участников уголовного судопроизводства в ходе дознания, является гарантом законности, а начальник органа дознания и начальник подразделения дознания являются непосредственными организаторами процессуальной деятельности по расследованию преступлений органами дознания.

Профессиональные отношения между прокурором, начальником органа дознания и начальником подразделения дознания осуществляются на основе уголовно-процессуальных отношений, не имеют между собой характера «власти-подчинения». Прокурор выступает процессуальным руководителем по отношению к ним, которые в своих уголовно-процессуальных отношениях с прокурором обладают относительной процессуальной самостоятельностью по вопросам, отнесенным к их компетенции.

Особое место в досудебном производстве занимает вопрос о соотношении прокурорского надзора и судебного контроля. В настоящее время можно однозначно утверждать, что действующий ныне судебный контроль – это совершенно новая и самостоятельная функция суда в современном российском уголовном судопроизводстве, и наиболее важное значение она приобретает по уголовным делам на досудебных стадиях.

Судебный контроль по своей сущности есть еще одна система гарантий прав и свобод человека и гражданина. При надлежащем его осуществлении правовая защищенность граждан получает эффективные средства ее обеспечения.

Анализ прокурорско-следственной и судебной практики убедительно показывает, что прокурорский надзор и судебный контроль не конкуренты, и тем более не антагонисты. Каждая из форм контроля делает общее государственное дело, имеет общие цели укрепления законности в сфере расследования преступлений, защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. В своей совокупности прокурорский надзор и судебный контроль в досудебном производстве взаимно дополняют и усиливают друг друга.

Институт судебной защиты не влечет ограничения надзорной функции, возложенной на прокурора. Как и до его введения, полномочия по осуществлению надзора за точным и единообразным соблюдением и исполнением федеральных законов и подзаконных актов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, обеспечивают прокурору возможность реального воздействия на весь ход расследования преступлений.

Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации в первоначальной редакции, практически в основной части, сохранил права, которыми были наделены ранее прокуроры на досудебных этапах уголовного судопроизводства.

Несмотря на то, что в настоящее время произошли существенные изменения и дополнения в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, полномочия прокурора, тем не менее, позволяют прокурорскому надзору и сейчас выступать равноправным партнером судебного контроля, обеспечивать оптимальный режим взаимоотношений судебного контроля и прокурорского надзора.

Полная совместимость прокурорского надзора и судебного контроля имеет в своей основе специфику средств, с помощью которых каждый из названных правовых институтов обеспечивает решение задач по укреплению законности в досудебном производстве. Концепция становления прокуратуры Российской Федерации на переходный период развития правового демократического российского государства справедливо признает, что постепенно расширяющийся судебный порядок защиты прав и свобод граждан является наиболее надежным и эффективным. Вместе с тем данная концепция исходила из того, что правосудие не заменяет и не подменяет прокурорский надзор за законностью, а судебная система не может и не должна выполнять надзорные функции прокуратуры, поскольку суд в силу многих причин весьма ограничен в своих возможностях.

Если говорить о сфере распространения компетенций суда и прокуратуры в отношении контроля и надзора за законностью, то, с одной стороны, они в определенной степени совпадают, а с другой – прокурорская надзорная деятельность существенно шире судебной, о чем свидетельствуют полномочия прокурора, указанные в УПК РФ. Прокурор не ограничивается рассмотрением вопросов о правомерности совершения тех или иных действий органом уголовного преследования, либо оценкой законности и обоснованности процессуальных решений (действий) поднадзорных органов и должностных лиц, вовлеченных в орбиту уголовно-процессуальных отношений при производстве уголовных дел.

В поле зрения прокурора широкий пласт полномочий, связанных с осуществлением надзорных функций, например, использование требований федерального законодательства о порядке приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях во всех правоохранительных органах; разрешение споров о подследственности; заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым), определением направления расследования уголовных дел и другие.

Способы осуществления судом и прокуратурой своих контрольных и надзорных полномочий значительно отличаются. Суд реализует их только по инициативе заинтересованных лиц и по мере поступления заявлений и жалоб граждан, организаций, материалов следственных и оперативных органов государства. Судебный контроль носит эпизодический характер, а прокурорский надзор

осуществляется постоянно, причем и в случае отсутствия сигналов извне. Механизм судебного контроля включается только в случае принесения в суд жалобы на действия и решения органа дознания, дознавателя, следователя и прокурора.

Прокурор имеет возможность знакомиться со всеми материалами дела, выявлять нарушения закона путем оперативного анализа направляемых в прокуратуру копий постановлений о возбуждении уголовного дела, приостановлении предварительного следствия или дознания, о прекращении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого, уведомлении о подозрении лица в совершении преступления, сообщении о задержании подозреваемого и другие, что суду не свойственно. Однако судья, осуществляющий судебную практику законности и обоснованности действий следователя и органа дознания, вправе применить другие средства, которые неправомочен использовать прокурор, например, рассмотрение жалобы в судебном заседании с вызовом в суд заинтересованных лиц.

Средства прокурорского надзора позволяют незамедлительно выявлять и реагировать на нарушения закона. Порядок судебной проверки законности решения следователя, органа дознания предусматривает отведение определенного срока на рассмотрение в суде поступивших на них жалоб, возможность апелляционного, кассационного и надзорного обжалования принятых судом решений.

Прокурорский надзор носит сплошной характер, охватывая все действия по расследованию преступлений. Судебный контроль таковым быть не может, поскольку ограничен предметом жалобы. Кроме того, нельзя не считаться с тем, что, в противном случае, суд может быть поставлен перед необходимостью оценки виновности лица, что допустимо лишь при рассмотрении дела по существу. Судебная проверка законности решений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания распространяется, главным образом, на те из них, которые непосредственно связаны с ограничением прав и свобод граждан.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Определите сущность и значение контроля в уголовном судопроизводстве.
2. Определите сущность и значение надзора в уголовном судопроизводстве.
3. В чем заключается ведомственный процессуальный контроль?
4. Определите процессуальный порядок осуществления судебного контроля.
5. Как на Ваш взгляд соотносятся контроль и надзор в досудебном производстве?

Список литературы

1. Александров Р.А., Кондрат И.Н., Леонов А.И. Уголовное судопроизводство и судебный контроль // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 76-80.
2. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Михальчук Ю.П. Прокурорский надзор: Учебно-методическое пособие (в схемах и определениях) / Под общ. ред. И.А. Антонова, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 196 с.
3. Безрядин В.И. Понятие, сущность и значение контроля и надзора за исполнением законов в уголовном судопроизводстве. Прокурорский надзор в досудебном производстве // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 183-195.
4. Безрядин В.И. Ведомственный процессуальный и судебный контроль за исполнением законов в уголовном судопроизводстве // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 9. – С. 67-80.
5. Безрядин В.И., Щербич С.В., Петров П.А. Прокурорский надзор и процессуальный контроль начальника органа (подразделения) дознания в досудебном производстве: некоторые проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 103-109.
6. Гельдибаев М.Х., Огородников А.А. Прокурорский надзор: Создание и развитие прокуратуры России. Система органов прокуратуры: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2002. - 240 с.
7. Голубовский В.Ю., Рохлин В.И., Уткин Н.И. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001. – 156 с.

8. Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 303 с.
9. Колоколов Н.А. Судебная власть: О сущем феномене в логосе: Монография. – М.: Юрист, 2005. – 560 с.
10. Лысов П.К. Организация судебной власти и судебной деятельности в современной России: некоторые направления правового совершенствования // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 81-97.
11. Ожегов С.И., Шведова К.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994.
12. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Е.В. Быкова и др.; под общ. ред. А.Н. Савенкова. – 3-е изд. – М.: Дашков и К°, 2012. – 453 с. (Высшее образование).
13. Российская судебная власть: современность и перспективы: Сборник научных трудов / Науч. ред.: Г.А. Гаджиев, К.Н. Княгинин. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 139 с. – (Сборники Президентской библиотеки).
14. Российский прокурорский надзор: Учебник / Под ред. А.Я. Сухарева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – 479 с.
15. Рохлин В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 305 с.
16. Рохлин В.И., Стуканов А.П. Прокурорский надзор в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 154-163.
17. Рохлин В.И., Сыдорук И.И. Правоохранительная функция прокуратуры. – СПб.: СПбГУП, 2000. – 352 с.
18. Рохлин В.И., Сыдорук И.И. Прокурорский надзор: защита прав человека. – СПб.: Сентябрь, 2001. – 482 с.
19. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Под ред. В.В Ершова. – М.: Юристъ, 2006. – 493 с.
20. Соловьев А.В., Токарева М.Е., Халиулин А.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2000. – 176 с.
21. Судебная власть / Под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Проспект, 2003. – 720 с.
22. Судоустройство и правоохранительные органы в Российской Федерации / Под ред. В.И. Швецова. – М., 1991.
23. Халиулин А. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Законность. – 2007. – № 9. – С. 15-20.
24. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2000. – 232 с.
25. Шалумов М.С. Прокурорский надзор и государственный контроль за исполнением законов: разграничение компетенции и ответственность // Государство и право. – 1999. – № 1. – С. 79-80.

ДЕМОКРАТИЯ. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

МАДЖИДЗОДА Джурахон Зоир
(Зоиров Джурахон Маджидович),
Председатель комитета Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли (Парламента) Республики Таджикистан по правопорядку, обороне и безопасности, профессор Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: Zoirov2009@mail.ru

ХОЛИКЗОДА Абдурањим Гафор,
председатель комитета Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли (Парламента) Республики Таджикистан по государственному устройству и местному самоуправлению, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: Halim2006@yndex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ОТ ПОЗНАНИЯ ДО РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И СВОБОД: ПРОБЛЕМА ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Аннотация. *Исследуется вопрос о правах и свободах человека в историческом контексте и в современных условиях. Подробно анализируются традиции английского понимания прав и свобод личности. Отмечается, что проблема прав человека приобрела характер планетарного масштаба; будучи важным направлением развития национального права, она превратилась в общеправовой ориентир международного стандарта.*

Ключевые слова: *права и свободы человека; понимание права; традиции права; Всеобщая декларация прав человека.*

MADZHIDZODA D.Z.
HOLIKZODA A.G.

FROM KNOWLEDGE BEFORE REALISATION OF THE RIGHTS AND FREEDOM: A PROBLEM OF A POLICY AND THE RIGHT

The summary. *The question on the rights and freedom of the person in a historical context and in modern conditions is investigated. In detail traditions of English understanding of the rights and personal freedoms are analyzed. It is noticed, that the problem of human rights has got character of planetary scale; being the important direction of development of the national right, it has turned in общеправовой a reference point of the international standard.*

Key words: *the rights and freedom of the person; understanding of the right; traditions of the right; the General declaration of human rights.*

Исторически права человека особенно активно стали развиваться в результате буржуазных революций, именно благодаря им эти права получили универсальный характер в ряде регионов мира, тем не менее подлинные права человека полностью так и не были установлены. Ни Декларация независимости США от 4 июля 1776 г., ни Декларация прав человека и гражданина Франции от 1789 г., ни Всеобщая Декларация прав человека, никакие другие национальные и международно-правовые акты в этой области не смогли до конца искоренить неравенство, дискриминацию, пытки и насилие. Одно дело степень развития сообществ, уровень социально-экономического бытия и общественного сознания, так или иначе отразившие степень реализации формально объявленных прав, и другое – подходы к этой реализации. Здесь уже каждая цивилизация исходила и исходит из своего опыта и традиций. Таким образом, критерии познания универсализма и релятивизма прав человека, зависящие от уровня развития государств, осложняли путь к пониманию и осмыслению этого феномена.

Процессы познания прав и свобод человека (как теоретический, так и практический) не то что в рамках цивилизаций Востока и Запада, но даже в рамках узкомировоззренческих направлений одной культуры и цивилизации сильно различались. В самой западной цивилизации эра подлинного познания прав и свобод человека начинается практически с буржуазных революций. Далее, как красная нить в развитии материи права, права и свободы постепенно начинают объединять все принципы и методы правового регулирования. Тем не менее, и здесь имеется немало нерешенных и до конца неосознанных проблем. Ярче всего эти проблемы заявляют о себе при изучении курса истории прав человека.

Так, в историческом плане одно только провозглашение прав человека на уровне конституционных и декларативных норм до конца не решало эту проблему. Оно всего лишь поставило задачу о необходимости учета интересов человека, того человека, в котором так нуждались новые политические и экономические силы в процессе захвата власти и смены в процессе развития истории социально-экономического базиса общества. Все буржуазные революции наглядно показывают, как права человека имманентно сопрягаются с проблемой смены политической власти. Выяснилось, что политические силы опираются на непривилегированные слои общества, и в итоге они в большинстве случаев вынуждено начинают говорить о значимости естественных прав и свобод людей. Понятно, что без такого подхода вряд ли буржуазные революции достигли бы своих целей. Таким образом, права человека в каком-то смысле оказываются не целью, а скорее средством, из цели развития всего общества права человека становятся средством достижения целей отдельных групп. Конечно, лучше было бы, чтобы они выступали целью любого общества. Но практика свидетельствует, что здесь акценты сильно (если не кардинально) поменялись.

Все революции в истории человечества и буржуазные в особенности являются подтверждением вышесказанного. Даже цветные революции начала нового тысячелетия, революции, происходившие под лозунгом «арабской весны», независимо от того, что их организующие элементы, как новые составляющие части этого процесса, выражали интересы других государств, тоже целенаправленно опирались на лозунги о правах и свободах человека. А в некоторых странах развитие революционных движений объяснялось именно критическим состоянием прав и свобод человека. Таким образом, права человека стали важным инструментом изменения облика общества и государства, причиной новых социально-политических изменений.

Французская революция, которая свершалась якобы в интересах различных слоев общества, стала наглядным примером поэтапного учета интересов движущих сил революции, и мы видим, как в конце концов ее вожди заговорили о проблемах человека и общества в целом. Конечно, буржуазия, осознав, что рабочий класс является главнейшей силой капиталистического производства, вынуждена была по-своему признать свободы и права этого класса. Между тем уровень развития человечества и опыт уже «состоявшихся» общественных формаций диктовали необходимость формирования совершенно новых правовых отношений и их субъектов. Нужны были субъекты свободные, творческие и правомочные, которые могли бы не только разбираться в процессах производства, но и активно участвовать в разработке стратегии развития общества и государства.

Человек постепенно, по мере эволюции общества, изменением форм и видов совместного

проживания и прогрессом производства, должен был меняться, в зависимости от ситуации и своих возможностей, меняться как объективно, так и субъективно. Объективные элементы этого изменения выражались в требовании от людей вынужденных и необходимых мер поведения. Это играло существенную роль в определении и формализации прав и свобод человека. Проблема, о которой с давних времен писали великие мужи науки, во всех цивилизациях и культурах решалась следующим образом: на практике законодательство признавалось и оформлялось как вынужденный элемент сохранения порядка и стабильности сообществ. В Новое время же к этим проблемам стабильности и порядка, в границах конформизма, нередко стали открыто добавляться социально – экономические вопросы, как отражение утилитаристской надстройки. Все это осложняет понимание естественности, рациональности прав человека и важность самого человека в сфере других отношений, в которых он должен постоянно выступать и движущим элементом.

Начиная с античности, нас учили, что «человек есть мера всех вещей» (Пифагор). А Кант в Новое время писал, что ни один человек не должен служить средством достижения цели для другого человека; все люди равны в том, что они – цель, только цель, и никакие ни средства друг для друга, «человек и вообще всякое разумное существо существует как цель сама по себе, а не только как средство для любого применения со стороны той или другой воли; во всех своих поступках, направленных как на самого себя, так и на другие разумные существа, он всегда должен рассматриваться также как цель» [10, стр. 89]. На данный подход И. Канта к человеку обращают внимание многие современные российские [7, стр. 19-21; 9, стр. 50-62; 2; 8; 12; 13] и западные исследователи [20, стр. 32]. Несомненно то, что идея признания и защиты человеческого достоинства, как наивысшей ценности и цели любого общества, и впредь останется главным направлением развития мысли, права и закона.

Распространено мнение, что и в Новое время вопрос о правах и свободах человека ставился практично, но в других плоскостях.

Потребности человеческого сообщества и экономики, развитие сознания человека актуализировали вопрос о важности познания прав и свобод человека на уровне законодательства. В эпоху буржуазных революций процесс формализации прав и свобод человека только начался, и до реального достижения цели было еще далеко. Исследователи и эмиссары прав человека не говорят об этом, но политические лидеры и руководители западных держав иногда упоминают это.

«Железная леди» Маргарет Тэтчер, говоря об истории прав человека в английской традиции права – начиная от Великой хартии вольностей до Петиции о правах свободы 1628 г., – верно замечает, что, независимо от того, что «к XVIII веку Великобритания и приобрела статус самой свободной страны на земле. Но, как показала история, её свобод оказалась недостаточно для американских колонистов» [19, стр. 283]. В итоге последние, приобретя независимость, сами объявили о своих правах и свободах. Тэтчер высказывает мысль о том, что британская свобода – это та свобода, которая досталась им по традиции и обычаю, она исходит из самого духа английского народа, американская же имеет свою абстрактную и утопическую основу. Она пишет: «По сравнению с законодательными актами и судебными решениями, которыми был отмечен долгий путь Великобритании к парламентской демократии и неоспоримому господству закона, американские аналоги – Декларация независимости (1776), Конституция Соединенных Штатов (1787) и Билль о правах (1789), кажутся более радикальными и амбициозными. В Декларации независимости с её вызывающе открытым заявлением – «мы считаем само собой разумеющимся, что все люди созданы равными и в равной мере наделены Создателем неотъемлемыми правами…» – наиболее отчетливо слышна идеалистическая, даже утопическая тональность» [19, стр. 284].

Цитируя М.Тэтчер, профессор М.Н. Марченко [15, стр. 52] соглашается с ней, что среди комментаторов Декларации и политических деятелей, «попадаются такие, кто, приняв эти заявления за чистую монету, пытаются применять их без учета контекста, упуская, например, тот факт, что на протяжении долгих лет они уживались с существованием рабства» [19, стр. 284].

Как видим, западные традиции права в контексте англо-американского правопонимания сильно различаются. В континентальной европейской правовой модели место и роль прав человека в национальных традициях и системах тоже определяются по-разному, что говорит

о разном понимании право как такового. В английском понимании права, начиная от главного судьи Эдварда Коука – одного из разработчиков Петиции о правах 1628 г., который упорно настаивал на том, что «не может быть власти превыше… Великой хартии вольностей», до Уинстона Черчилля, – *как пишет Маргарет Тэтчер,* – считавшего, что концепция «прав человека в англоязычном мире, имеет институциональный контекст и является порождением живой традиции» [19, стр. 284], человек рассматривался как специфическая часть обычаев и традиций народа. Именно поэтому, опираясь на английскую концепцию прав человека, М. Тэтчер подчеркивала превалирование национальных основ обеспечения прав и свобод человека над международными рекомендательными нормами. По ее мнению, международные нормы в основном замыкаются в границах возможности национальных государств, их целью являются не права человека, а скорее сохранение международного порядка. Международные нормы, считала Тэтчер, разумны и приемлемы в допустимом пределе, но не в отношении традиций английского права.

Здесь следует отметить, что позиция западных ученых (в основном английских и американских) относительно роли международных актов в области прав человека, не так уж оптимистична. Так, анализируя Всеобщую декларацию прав человека, Тэтчер констатирует: «В ней изложен целый ряд замечательных целей – как общих, так и конкретных, но при внимательном изучении ее текста быстро понимаешь, что понятие «свобода» здесь смешивается с другими вещами – добром, злом и безразличием, которые на деле могут противостоять свободе…». Далее, перечисляя такие виды прав, как право на работу и защиту от безработицы (ст.23), право на отдых и свободное время (ст. 24), право на социальный и международный порядок, Тэтчер делает вывод: «Документ, таким образом, есть не что иное как попытка объять необъятное» [19, стр. 286].

Критика госпожой Тэтчер Всеобщей декларации прав человека строится на следующем: во-первых, в Декларации «права» рассматриваются как цели; во-вторых, механизмы реализации отсутствуют. Роль Декларации в развитии прав человека она оценивает почти так же, как профессор Мэри Энн Глендон, слова которой приводит: «Всеобщая декларация сыграла скромную, но не совсем уж незначительную роль в поддержании жизнеспособности духа свободы. За это ей вполне можно немного поаплодировать» [19, стр. 286].

Маргарет Тэтчер привела слова из неопубликованной лекции профессора Глэндон, прочитанной в июле 2000 года в Институте Соединенных Штатов при Университете Лондона.

Такова англо-американская оценка того международного акта, о котором восточноевропейские и другие ученые пишут с пафосом, как о чем-то выдающемся в развитии.

Таким образом, в традициях английского правопонимания ощущается чувство обособленного национального превосходства в достижении прав человека. Получается, что ни история других национальных государств (даже Франции и Америки, имеющих богатый конституционный опыт), ни деятельность международных институтов по принятию международных актов в этой сфере не сыграли такой роли в развитии прав человека, какую сыграла английская традиция права. Тэтчер в одном из своих резюме отмечает: «Надеюсь, из написанного здесь ясно следует, что рамки, ограничивающие власть государства, контроль за злоупотреблениями, законные права и гарантии, могут существовать только там, где они находят опору в национальной среде, институтах и обычаях. Конституции должны писаться в сердцах, а не на бумаге» [19, стр. 287]. Несмотря на то, что в высказываниях «Железной леди» явно демонстрируется чувство национального превосходства в развитии права, именно британской традиции права, в них есть много истинного. Это можно принять, как один из путей достижения достойного уровня развития прав человека, но не как единственный. Сами британские ученые–юристы, анализируя роль Великобритании в процессе эволюции прав человека, часто критически высказываются по этому поводу.

Так, восхваляя Великую хартию вольностей 1215 г., Тэтчер отмечает: «Для английской (а затем британской) традиции характерны прагматизм и практичность, а не высокомерные декларации. Надеюсь, меня правильно поймут, если я скажу, что британцы по складу ума более склонны к конкретным вещам» [19, стр. 282]. О практичности и особой роли британцев в науке и истории мы спорить не будем, но отметим, что такой склад ума и такие качества характерны многим, но многим они и не даны. И это вполне естественно. Но что касается прав человека,

о которых, в частности, говорится в главе 39 Хартии («Ни один свободный человек не может быть арестован или заключен по стражу, или лишен права собственности, или свобод, или обычных прав, или объявлен вне закона, или изгнан, или обездолен любым иным способом; а мы не можем предпринимать никаких действий против него, кроме как по законному приговору равных ему или по закону страны» [19, стр. 282]), как об историческом достижении, созвучном современному уровню развития права, и попытки в рамках этой формулировки оценивать уровень развития английского средневекового права как демократический, то здесь надо быть очень осторожными. Почему? Потому что с учетом данного контекста возникает множество вопросов.

Во-первых, какого человека имеет в виду Великая хартия вольностей? Ведь в то время в средневековой Британии проживали тысячи рабов, миллионы неимущих, безземельных и, наконец, просто обездоленных людей. Или под человеком подразумевались в том числе и бесправные девушки шотландцев, угнетенных, неимущих и опозоренных британцев, других европейцев, которые после бракосочетания не имели права на первую брачную ночь. Ведь это право, по средневековому обычаю европейцев, предоставлялось тем лордам и баронам, которые в борьбе против короля Иоанна (Джон) Безземельного завоевали свои права на землю и свободу, в соответствии с Хартией. И просуществовало это «право» в Европе, в том числе и в Британии еще очень долго. Как видим, английская традиция прав человека, которая исходила из сердец и душ народа, имела свои недостатки в историческом контексте.

Сложно исследовать вопрос о правах и свободах человека не только в историческом контексте, но и в современных условиях, когда приняты десятки международно-правовых актов публичного характера, когда существуют международные организации, контролирующие соблюдение прав человека в различных государствах. И это в то время, когда конституции всех стран мира так или иначе признали развитие прав и свобод человека главной целью.

Следующий вопрос: почему теоретические разработки, осознание идей о ценности прав человека, нормативные базы государств и сообществ, закрепляющие эти права, до сих пор не дали ожидаемого результата? Да потому что решение вопросов, связанных с правами человека, сопрягается со многими социально-экономическими, политико-правовыми и культурно-просветительными проблемами. Здесь необходим комплексный подход – как в теории, так и в практике. Мы решили остановиться на теоретико-правовых аспектах этого феномена, а конкретнее – на изучении этой проблемы в вузах.

Последнее время в правовых системах как на международном, так и на национальном уровнях произошли определенные сдвиги. Можно как будто говорить о тенденции улучшения состояния прав человека. Но иногда под лозунгами соблюдения этих правовых ценностей вдруг начинают попираться чувства, достоинство и права целых народов и наций. Допуская экспорт и импорт прав и свобод человека, мы забываем о том, как они будут восприниматься теми или иными нациями и народами. Может оказаться, что механизмы, принципы и пути пропаганды и распространения этих ценностей, разрабатываемые идеологами, иногда вовсе и не соответствуют им.

Справедливо отмечает Френсис Фукуяма: «Из-за непонимания значения норм права программы, разработанные богатыми странами для улучшения норм права в бедных странах, крайне редко приносят положительные результаты. Люди которым повезло жить в странах, где сильны нормы права, обычно не в состоянии понять, как эти нормы возникли изначально, они ошибочно принимают внешние формы норм права за их содержание» [21, стр. 320-321] Если учесть фактическое состояние прав и свобод человека на начальных эпохах когда провозглашались их в западных странах, то ситуация во многом мрачнее чем сегодняшний день у молодых и бедных государств. Так, по словам писательницы XVII века мадам де Савинье в Бретани (Франция) в интерпретации Фрэнсиса Фукуямы, солдаты выбивали налоги, выкидывая из домов стариков и детей в поисках добычи. Около 60 человек должны были повесить за неуплату налогов. Скрипач, с которого начались танцы и порча гербовой бумаги, был колесован; его четвертовали (разделили тело на четыре части) и выставили по четырем разным концам города [21, стр. 320].

Как верно резюмирует Ф. Фукуяма, дело было не в том, что во Франции XVII века не существовало норм права, а в том, что по закону простые

люди не обладали такими же правами как аристократия. Такая же ситуация имела место в США на этапе формирования государственности и оно во многих аспектах продолжалось вплоть до 60 годов прошлого века. У американцев еще тяжелее было состояние прав отдельных категорий, например, африкоамериканцов, женщин, индейцев и других коренных народов, не изначально в этой матрице современной демократии не имели права собственности и избирательные права. Но для того, сквозь чего все это проходит, история понесла не мало человеческих жертв, революций, войн и смут. А теперь эти родоначальники демократии и свободы по другому учат развивающиеся страны и другими мерками оценивают их успехи.

Бесспорно, что у вновь образованных демократических государств отсутствуют такие жесткие нечеловеческие отношения. Но у них усматривается ряд отходов от позиции прав и свобод человека и отдельные элементы в формате обособления отдельных политических групп и элит в обществе вне правового воздействия. Т.е. существуют моменты когда отдельные лица имеют возможность избегать ответственность или конкурируют в неравных ситуациях за достижение отдельных льгот и благ. Все это также способствует к нигилизму права и унижения человеческого достоинства. Это именно те ситуации когда нормы права зависят от политической воли а не политическая воля зависит от нормы права и традиции права. А традиция права как таковой на востоке имеет свои проблемы. Такой подход именно поэтому в классическом виде не состыкуется с восточным менталитетом. Здесь более шире смотрят на гибкость права и её изменчивость в зависимости от ситуации. В таком случае все зависит от уровня правосознания общества, политической элиты и реальных демократических институтов общества.

Подлинные принципы, на которых и должно базироваться распространение такого феномена, как права человека, оказываются погребенными под абстрактными или примитивными схемами, решениями, выкладками и т.д.

Одно сегодня ясно и неопровержимо, что права человека – это явление, спасающее мир от всех бед. Это, возможно, то явление, которое объединяет всех – как большие, так и малые народы. Не исключено, что многие недуги современной либеральной демократии можно излечить именно через признание прав и свобод человека.

С одной стороны, только в таком случае мы можем подготовить почву для построения правового государства и гражданского общества. С другой стороны, низкий уровень правовой культуры и применения прав человека, слабое развитие правового сознания, политический режим, не отвечающий подлинным принципам демократии, нередко губят величайшие идеи о правах человека и тормозят реализацию конституционных норм о достоинстве, неприкосновенности и неотчуждённости этих прав.

Подытоживая сказанное относительно отставания политики от права, нестабильности развития надстроечных элементов, упущений и ущемления общечеловеческих ценностей в определенных этапах истории, с целью избегания повторных ошибок и промахов, следует бесспорно утвердить, в современных условиях, когда противостояния великих держав за недра и источники энергии возросли до катастрофического положения, и мир стоит на пороге новой холодной войны, поэтому необходимо внедрение курса прав человека и подготовка учебника по правам и свободам человека для студентов юридических факультетов. Актуальность его бесспорна. Обучая молодое поколение правам и свободам, воспитывая юношей и девушек в русле нравственных, религиозных и этических учений, мы поможем им определить границы их поведения, которые диктуются законами и интересами других людей, общества и государства.

Что же касается их внутреннего мира, духовного воспитания, то здесь они имеют законное право на свободу мысли, и право выбора остается за ними. В последнем случае наша задача в основном замыкается в границах морально-этических норм. Все это очень важно. Без воспитания молодого поколения и обучения его правам человека трудно говорить о свободном и справедливом обществе. Без хорошо продуманного процесса воспитания ни о каких правах и свободах не может быть и речи. Логика здесь проста из свободных, грамотных и гуманных людей может сформироваться и свободное, грамотное и гуманное общество. Разумным и свободным людям, руководящимся знанием, трудно навязать внеправовые решения и методы несправедливого диктата [16, стр. 11].

Права человека в новейшее время все активнее заявляют о себе

Начало третьего тысячелетия будто изменило отношение к правам и свободам человека о нем, начали говорить повсюду. Любой рассматриваемый вопрос в плоскости экономики, политики и права как в рамках национальных государств так и международных, так или иначе касались или находили под влиянием основных прав и свобод человека. Наличие признания, присутствия и реализации основных прав и свобод человека стали мерилом измерения демократичности и критерием справедливости общества, государства и правовых систем в целом. Передовые государства мира стали считать наличие прав и свобод у человека одним из основных критериев демократических держав мира, ориентиром развития прогрессивных обществ [3; 4; 5; 6; 11; 14; 17; 18; 22; 23].

Сегодня мы отчасти можем говорить о том, что практика реализации и теоретические основы идеи о правах и свободах человека не только усовершенствовались, но и поэтапно утверждались. Права и свободы составили ядро новых демократических систем. Процесс формирования таких систем стал необратимым. Это стало одной из основных целей самоидентификации сообществ и ориентиром развития государств в XXI в.

Руководители и главы государств и правительств всего мира 8 сентября 2000 г., на заре нового тысячелетия, подтверждая свою веру в Организацию Объединенных Наций, декларативно признали, «что, помимо индивидуальной ответственности перед нашими собственными обществами, мы несем также коллективную ответственность за утверждение принципов человеческого достоинства, справедливости и равенства на глобальном уровне» [1]. Декларация тысячелетия в числе ряда фундаментальных ценностей XX1 в., включая свободы и равенство, подтвердила необходимость дальнейших усилий мировых держав в направлении категорического закрепления уважения, признания и обеспечения всех международно признанных прав человека и его основных свобод. В указанном историческом документе главы государств объявили о своей решимости «полностью уважать и поддерживать Всеобщую декларацию прав человека; добиваться полной защиты и поощрения во всех наших странах гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав для всех; укреплять потенциал всех наших стран для претворения в жизнь принципов и практики демократии и уважения прав человека, включая права меньшинств» [1]. Этим документом определялись вектор развития и принципы организации новых сообществ и государств, долг нынешних правительств перед будущими поколениями.

Проблема прав человека приобрела характер планетарного масштаба. Будучи частью права и важным направлением развития национального права, она превратилась в общеправовой ориентир международного стандарта, именно актуализация права потребовала «перевода» его из разряда социальных регуляторов в сферы нормативно-ценностного измерения цивилизаций и культур.

Но, несмотря на все эти достижения в познании роль и значение прав и свобод человека в современном мире, познание его в плоскости науки юриспруденции и в рамках других юридических дисциплин в качестве самостоятельного правового феномена все еще остается проблемным. Остается проблемным изучение этого феномена как самостоятельного курса и предмета в науке юриспруденции, или же рассмотреть её как подотрасль или институт конституционного права. В ракурсе этой проблемы остается сложным и спорным вопрос определения правовых отношений находящихся предметом данного курса и специальные правовые методы их регулирования и обучения.

Список литературы

1. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г. // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
2. Абубакаров А.А., Исмагилов И.Р., Клименко О.А. Государственный суверенитет как конституционная ценность (сравнительный анализ трактовки понятия суверенитета Кантом и Гегелем) // Ученые записки юридического факультета. – 2017. – № 44-45(54-55).

3. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005. - 592 с.
4. Брылева Е.А. Конституционные права человека и Европейский суд // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 93-100. – в кн. 344.
5. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 256 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
6. Захарцев С.И., Сальников В.П., Кирюшкина Н.О. Конституционные права человека: возможны ли ограничения // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 127-138. – в кн. 344 с.
7. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
8. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
10. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб.: Наука, 1995. - 528 с.
11. Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург); Рязань: Концепция, 2014. – 296 с.
12. Лежнева О.Ю. Мораль, право, суд: Кант о свободе и ответственности личности // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 181-187.
13. Лежнева О.Ю., Пономарев А.А., Пылева О.В. Учение И. Канта о конституционных правах и свободах личности и традиция Просвещения // Ученые записки юридического факультета. – 2017. – № 44-45(54-55).
14. Луковская Д.И. Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 2. – С. 97-100.
15. Марченко М.Н. Исторический характер прав человека // Институты государства и права в их историческом развитии: Сб. научных статей к 60-летию Владимира Алексеевича Томсинова / Отв. ред. Т.Е. Новицкая. – М.: Зерцало-М, 2012. - 400 с.
16. Мутагиров Д.З. Права и свободы человека. – М.: Логос, 2006. - 544 с.
17. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
18. Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109.
19. Тэтчер Маргарет. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2003. - 504 с.
20. Фромм Э. Искусство любить. – М.: АСТ, 2009. – 447 с.
21. Фукуяма Фрэнсис. Государственный порядок: Научно-популярное издание / Пер. с англ. В.Л. Гончарова. – М.: АСТ, 2015. – 688 с. – (Политика).
22. Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 54-61.
23. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА. МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

КОЛЯДИН Андрей Михайлович,
докторант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат политических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: andy@list.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, политические процессы и технологии

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС И ОБЩЕСТВО: СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Аннотация. *Рассматривается феномен справедливости как фундаментального правового принципа современного государства, социального механизма, регулирующего всю систему общественных отношений. Отмечается, что политические силы активно используют тему справедливости в борьбе за власть, включая ее в контекст своей политической идеологии. Выделяются четыре модели понимания справедливости российскими гражданами. Обсуждается стратегия современной российской политической элиты в области достижения общественной справедливости.*

Ключевые слова: *справедливость; правовой принцип; нормы права; социальные группы; политическая элита; экономическое неравенство.*

KOLYADIN A.M.

POLITICAL CLASS AND SOCIETY: JUSTICE AS SOCIALLY-LEGAL PRINCIPLE MUTUAL RELATIONS

The summary. *The justice phenomenon as fundamental legal principle of the modern state, the social mechanism regulating all system of public relations is considered. It is noticed, that political forces actively use a justice theme in struggle for the power, including it in a context of the political ideology. Four models of understanding of justice are allocated with the Russian citizens. Strategy of modern Russian political elite in the field of achievement of public justice is discussed.*

Key words: *justice; a legal principle; norms of the right; social groups; political elite; an economic inequality.*

Потребность в социальной справедливости, остающейся важнейшей политической ценностью для значительной части граждан современной России даже спустя почти четверть века после исчезновения страны, в основе государственной идеологии которой лежала эта идея, во многом определяет отношение населения к институту государства и политической элите.

Косвенным образом свидетельствует об актуальности проблемы справедливости и активность обсуждения данной темы в научной литературе. Так, за период 2010-2015 гг. в обществоведческих российских журналах, входящих в базу «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), категории «справедливость» посвящены свыше 20 тыс. научных статей.

Справедливость можно рассматривать относительно сфер проявления (конституционная, экономическая, социальная, политическая) и функциональности (принцип, механизм). Последнее имеет особое значение в исследовании данной проблемы, т.е. справедливость есть социальный механизм, регулирующий всю систему общественных отношений, в том числе и политических. Справедливость, ее сущность, роль, значимость и проявление в общественных отношениях исследуются начиная с античности и до современности, включая и постмодерн [10; 42; 43; 49; 51; 96].

Политическая справедливость выступает как справедливость государственно-правового сообщества, предметом оценочного суждения являются правовая и государственная инстанции (закон, указ, решение и т.п.) [45; 47; 50; 81]. Справедливость в сфере политики с античных времен служила оправданием социальной структуры общества, политического режима, распределения власти, т.е. критерии справедливости никогда не бывают нейтральными, и разные политические силы этот феномен используют в борьбе за власть, включая справедливость в контекст своей политической идеологии [25; 44; 46; 48].

В партийном строительстве России 2000-2016 гг. данный аспект активно подчеркивается. Например, в преддверии парламентских выборов 2016 г. большинство политических партий провозглашают установление справедливой и социально ориентированной власти, а справедливость – это критерий развития и обновления страны и благополучия граждан. Причем подчеркивается, что интересы крупного капитала должны соответствовать интересам личности, общества и государства.

Представляется, что подобная постановка проблемы справедливости в реальной политической жизни дает основание рассматривать справедливость как механизм формирования власти и влияния на нее. Одним из основных составляющих элементов этого механизма является институт выборов.

Важным условием утверждения политической справедливости является демократия, при которой формируются определенные правила распределения власти, а именно: всякая власть находится на службе у граждан; критерием назначения на должность является компетентность кандидата, возможность для каждого претендовать на участие во власти. То есть гражданин обладает политической свободой и стремится к осуществлению своих целей, но поскольку люди изначально не равны, то и результаты этих стремлений будут различны, и это справедливо. Но возникающие отношения руководства-подчинения и чрезмерный рост силы и престижа руководства могут привести к перекосам в этих отношениях и деформации в системе власти, и, соответственно, получивший монополию на осуществление власти имеет возможность проводить в жизнь принципы справедливости или препятствовать их реализации. Но все же именно при демократической системе власти демократическим способом (альтернативные выборы) формируются институты власти разного уровня, прежде всего институты законодательной власти, представляющие интересы граждан. Парламент способен обеспечить утверждение свободы, прав граждан, предотвратить угрозу диктатуры. Отсюда можно предположить, что именно демократия – лучшая форма государства, гарантирующая равные свободы для всех, что и выражает основной принцип справедливости.

Демократы «первой волны» выступали за равенство. Т. Джефферсон писал: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными, что они наделены Создателем определенными правами, среди которых имеется право на жизнь, свободу и стремление к счастью» [27, стр. 41]. То есть демократы считали равенство самоочевидным: без равенства нет справедливости. Сенека утверждал, что «равенство есть начало справедливости» [84, стр. 56]. Современные демократы самоочевидным считают неравенство людей, путая одинаковость и равенство. Хочется подчеркнуть, что, говоря о равенстве как о принципе справедливости, мы прежде всего говорим о политических правах, особо выделив избирательное право. Именно свобода выбора определяет возможность участия в формировании

власти и влияния на нее. И здесь интерес представляет вопрос о степени возможности и определяющих факторах. Обратимся к исследованиям конца XX – начала XXI в.

В декабре 1988 г. в русле реформы М.С. Горбачева был принят Закон «О выборах народных депутатов СССР», предусматривающий выдвижение депутатов в кандидаты по мажоритарному принципу. Это право принадлежало трудовым коллективам, общественным организациям, собраниям избирателей по месту жительства, т.е. создавались условия для выдвижения неограниченного количества кандидатур. И эти всенародные альтернативные выборы дали возможность подключить народ к формированию власти, и таким образом новая власть в лице формирующейся элиты получила широкую поддержку снизу, что усиливало ее легитимность. В то же время новая избирательная система имела и механизмы ограничения волеизъявления народа, главные из которых – квоты депутатов от общественных организаций, фильтрующая деятельность избирательных комиссий, возможность сделать выборы безальтернативными, непрямые выборы депутатов в Верховный Совет [61, стр. 109-110]. То есть была возможность контролировать ход избирательной кампании и избавиться от наиболее радикальных кандидатов. В результате предпринятых мер в каждом четвертом округе выборы получились безальтернативными. И еще один очень важный момент: среди депутатов более чем в два раза снизилась доля рабочих и крестьян, но почти в три раза увеличилась доля руководителей. Для развитых западных демократий это нормальное явление, но для нашей страны, провозглашающей на протяжении 70 лет главенство рабочего класса и колхозного крестьянства, это было ударом по чувству справедливости.

Следует заметить, что новый парламент становится основным поставщиком сил для новой власти, и выборы, как уже отмечалось, стали механизмом формирования новой элиты и способом очищения, т. е. выталкивания из ее рядов неугодных в силу каких-либо причин. Выборность изменила не только лицо центральной власти, но и соответственно региональной, которая обрела независимость от центра [61, стр. 115]. Представляется, что именно в этот период в политическом пространстве определялись политические игроки и роль граждан в процессе формирования власти. А для того, чтобы институты были хороши, справедливость требует, чтобы их устанавливали те, кому надлежит их уважать, т.е. все граждане или их уполномоченные, ибо только сами граждане могут выбирать любые институты [15, стр. 91]. Для этого демократия гарантирует гражданам политические свободы: каждый гражданин имеет право выставить свою кандидатуру, выбирать одного из нескольких кандидатов. То есть в политике действует принцип выдвижения кандидатур и свободных выборов, а справедливость определяет, что каждый, обладая политической свободой, в меру своих способностей стремится к осуществлению определенных целей, но поскольку способности не равны, то стихийно возникает иерархия должностей. Таким образом, в избирательном процессе формируются особые отношения, при которых повинующиеся (избиратели) дают свое согласие на повиновение, преобразующееся в соответствующий объем власти, проявляющейся в коллективной деятельности избранных (депутаты, глава государства и т.д.). Но при этом может возникнуть интересная ситуация, когда народ живет сам по себе, а власть – сама по себе, и, чем больше граждане осознают это, тем меньше их участие в избирательных кампаниях, люди «голосуют ногами» – они не приходят на избирательные участки. Эти процессы имеют место в любой политической системе, но особенно их острота проявляется в формирующихся демократиях, в том числе и в России.

Несправедливость, на наш взгляд, прежде всего ощущается гражданами в периоды, предшествующие выборам, что определяется такими факторами, как манипулирование обществом, так называемый черный пиар. Его использование в избирательной кампании России буквально потрясло западных политиков, которые, в отличие от российских, боятся, что это будет работать против них, что общество не примет таких методов политической борьбы, что разбирательство в суде испортит репутацию и т.п. Некоторые считают, что Россия вообще не готова к демократии, а бывший федеральный канцлер Германии подчеркнул, что «Россией можно править только авторитарно» [78, стр. 43].

Журналисты промолчали, граждане смирились с неизбежным, поскольку трудно противостоять административному ресурсу, позволяющему

манипулировать общественным мнением и результатами выборов, используя при этом различные виды зависимостей политических игроков и населения от действующей власти. Происходит прямое нарушение закона, принципа избирательного равенства: один человек – один голос. На выборах мобилизуются все ресурсы системы – финансовые, медийные, организационные, воздействующие на решения и действия других людей. Широко используется подкуп избирателей, шантаж руководителей предприятий с целью обеспечения нужного процента голосов или организуется массовое вступление в партию (так было накануне выборов в Госдуму в 2003 и в 2007 г.). Возможно уголовное преследование неугодных, сговор политических игроков. Главным механизмом избирательного процесса выступал избирком, повышалась роль политтехнологов.

Формирующийся депутатский корпус на разных уровнях все больше состоит из чиновников, бизнесменов, но практически отсутствуют другие группы населения – молодежь, женщины, пенсионеры, работники социальной сферы, образования, культуры, рабочие и крестьяне вообще забыты (создается впечатление, что таких социально-профессиональных групп вообще нет). Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что выборы фактически стали механизмом закрепления лидирующего положения политического класса. Власть осталась непроницаемой для разночинцев. Демократические альтернативные выборы, выражающие сущность справедливости, призванные расширить доступ к власти для всех слоев населения, сыграли иную роль – они прекратили доступ в элиту неэлитарных слоев (вышеперечисленных), которые стали почти полностью отрезанными от власти [61, стр. 144].

В этом плане интересны результаты выборов 2007 и 2011 гг., которые подтвердили стагнацию политической жизни в России и существование управляемой демократии, а также инфантильное отношение к политике граждан, настроенных только на свои личные заботы. С одной стороны, это можно рассматривать как положительное явление, но с другой – результат выборов продемонстрировал, что граждане не являются серьезным фактором политического процесса, т.е. их участие и влияние на власть минимально, и следовательно, институт выборов как особый механизм справедливости и часть справедливости как механизма формирования власти работает на воспроизводство конфликтов в различных сферах общественной жизни и ограничения прав личности.

В рамках демократических избирательных систем в качестве еще одной составляющей механизма справедливости выступают политические партии. В. Меркель отмечал, что развитие института партий власти стало «дефектом демократии», ограничением для участия в выборах представителей гражданского общества. Народные партии, не имея мощной поддержки, как правило, неудачно выступив на выборах, исчезают с политического поля. Согласно новому закону о выборах вообще уменьшаются шансы даже участвовать в них. В такой ситуации можно говорить лишь о мнимом конституционализме, квазидемократии, профанации идеи разделения властей. Выборы все больше становятся (и это не только в России) не механизмом отбора лучших среди равных, а зоной острой конкуренции между группировками самой элиты, и поэтому не выборы, а назначения остались единственным способом рекрутирования в элиту представителей гражданского общества, а это противоречит сущности справедливости.

Таким образом, справедливость как социальный механизм есть совокупность институтов, взаимоотношений между ними, моральных и правовых норм, а как особый механизм формирования власти функционирует в соответствии с определенными принципами: равной свободы, прежде всего политической, равных возможностей, выборности, ответственности, честности. Действие этого механизма проявляется через политическую и государственную власть, ее институты. Можно выделить следующие структурные элементы формирования власти: институт выборов (закон о выборах, избирательная система, избирательное право, свобода выбора), хотя и при имеющихся нарушениях, включая уголовно-правовые [21; 41; 52; 56; 60; 64; 91; 92; 95]; политические партии; политическая идеология; политическая элита (способы формирования), ее взаимодействие с гражданским обществом. Следовательно, справедливость можно рассматривать и как особый механизм формирования власти, знание и совершенствование которого очень важно, так как нарушение справедливости, о чем говорилось выше

(закон о выборах, ограничение избирательных прав, шантаж, создание однодневных партий и т.п.), ведет к воспроизводству несправедливости, падению доверия к власти, правовому нигилизму и другим подобным явлениям, а также создаются условия для установления диктатуры (режим личной власти) через использование внешне демократических процедур.

Справедливость является неотъемлемым элементом права, вся история человечества свидетельствует о представлении о праве как справедливости, в противоположность несправедливости [13; 67; 69; 75; 90; 97; 98]. Хотя справедливость является также оценочным понятием и в каждую экономическую эпоху имела разное содержание и толкование. В теории естественного права справедливость понимается как воздаяние равным за равное [12; 20; 62; 76; 77; 80; 82; 83].

История договорного права развитых государств свидетельствует о наличии общего требования взаимной справедливости, которое особенно учитывалось при толковании договоров в спорных случаях. Статья 1135 Французского Гражданского кодекса содержит в числе прочих и понятие «справедливости», а абзац второй параграфа 138 Германского Гражданского уложения гласит, что договор является недействительным, если налицо явная диспропорция взаимных обязательств и одна из сторон заключила его, используя стесненное положение, неопытность, недальновидность и слабоволие другой стороны [24].

Отсюда раздаются и мнения о целесообразности замены принципа свободы договоров принципом справедливости договоров.

В.С. Нерсесянц полагал, что право как равенство включает в себя и справедливость. Ученый, говоря о смысловом и этимологическом восхождении справедливости к праву, утверждал, что только право и справедливо [70, стр. 28]. Несправедливым может быть, например, закон, но право несправедливым не может быть. По мнению В.С. Нерсесянца, справедливость – это правовая оценка всего остального, неправового. Он также отмечал, что требования так называемой «социальной справедливости» с правовой точки зрения имеют рациональный смысл и могут быть признаны и удовлетворены лишь постольку, поскольку они согласуемы с правовой всеобщностью и равенством и их, следовательно, можно выразить в виде требований самой правовой справедливости в соответствующих областях социальной жизни [70, стр. 31]. В юридической литературе право порой даже идеализируется [39; 40].

Справедливость традиционно рассматривается как фундаментальный правовой принцип современного государства, главным образом отражающий основы жизнедеятельности общества. В научных исследованиях, не опровергая вышеприведенный тезис, разделяя право и закон, все же высказывается позиция против идеализации права, и обращается внимание на то, что оно может быть и является порой бессмысленным и неразумным, в том числе и несправедливым [33; 34; 35].

Под правовыми принципами традиционно понимаются руководящие положения, идеи, основные начала права, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общественного развития, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права, закрепленные в нормах действующего законодательства и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение [53, стр. 17]. Другими словами, под правовыми принципами понимаются основные начала, наиболее общие руководящие положения права. Такие основные начала присущи как праву в целом (правовой системе), так и отдельным отраслям права, а также их подотраслям.

Принципы права отражают существо содержания, социальную направленность и главные отраслевые особенности правового регулирования, что помогает лучше уяснять его смысл, правильно толковать и применять конкретные правовые нормы.

Вместе с тем принципы права должны учитываться при обнаружении пробелов в законодательстве и применении правовых норм по аналогии [16; 63; 68; 89; 93; 94]. Для гражданского права это обстоятельство особенно имеет особенно важное значение, так как оно чаще других отраслей сталкивается с такими ситуациями. В соответствии со статьей 6 Гражданского кодекса Российской Федерации в случаях, когда предусмотренные пунктами 1 и 2 статьи 1 названного Кодекса отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствуют применимые к ним обычаи, к таким отношениям, поскольку это не противоречит их

существу, применяются нормы гражданского законодательства, регулирующие сходные отношения (аналогия закона). А при невозможности использования в указанных случаях аналогии закона права и обязанности сторон определяются, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости (аналогия права). Таким образом, разрешение той или иной жизненной ситуации возможно на основе правовых принципов, являющихся оценочными и «усмотрительными» понятиями.

А.Г. Диденко, рассмотрев широкий спектр оценочных понятий в гражданском праве, приходит к выводу, что оценочный метод является также самостоятельным методом гражданско-правового регулирования. Под ним он имеет в виду предоставление управомоченным субъектам возможности самостоятельно устанавливать правовое предписание для конкретного случая в рамках общих границ, предусмотренных законодательством [29, стр. 81].

Тем самым дозволительный характер гражданско-правового регулирования заведомо предполагает возможность появления таких правоотношений, которые вообще не предусмотрены ни в одной правовой норме, но соответствуют общим началам и смыслу гражданского законодательства. Принцип справедливости реализуется в таких основных началах гражданско-правового регулирования как:

- принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела;
- принцип юридического равенства участников гражданско-правовых отношений;
- принцип неприкосновенности собственности;
- принцип свободы договора;
- принцип самостоятельности и инициативы (диспозитивности) в приобретении, осуществлении и защите гражданских прав;
- принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, в том числе свободы имущественного оборота (перемещения товаров, услуг и денег);
- принцип запрета злоупотребления правом и иного ненадлежащего осуществления гражданских прав;
- принцип всемерной охраны гражданских прав, включая возможность восстановления нарушенных прав и обеспечение их независимой от влияния сторон судебной защиты.

Одним из наиболее сложно реализуемых вышеуказанных правовых принципов является принцип юридического равенства участников правоотношений. Если установить формальное юридическое равенство (наделить всех одинаковыми правами, обязанностями и запретами), то фактическое неравенство усугубится, и сильный получит возможность злоупотреблять своей силой в ущерб слабому. Поэтому закон должен предусматривать такие правила, которые позволяют юридическими средствами нивелировать фактическое неравенство и сделать контрагентов действительно равными партнерами. Необходима простая формула: равенство нравственного достоинства обеспечивается установлением справедливого юридического неравенства, адекватно уравновешивающего фактическое неравенство.

Даже если одна из сторон экономически сильнее другой, они должны выступать в гражданско-правовом отношении как субъекты, располагающие равными возможностями, и в равной степени находить признание и защиту своих интересов. Государство должно помогать экономически слабой стороне, используя соответствующие приемы правового регулирования [99, стр. 22]. Предоставляя слабой стороне дополнительные права и, соответственно, возлагая на ее контрагента по договору дополнительные обязанности, ГК РФ и другие законы тем самым обеспечивают на деле равенство участников договорных отношений [17, стр. 641-642]. Следовательно, задача гражданского права состоит в «выравнивании» участников имущественного оборота путем установления для слабой стороны обязательства особых условий участия в договорных отношениях: льготного порядка заключения, изменения или расторжения договора, предоставления слабой стороне дополнительных прав и возложения на ее контрагента дополнительных обязанностей, ужесточения ответственности сильной стороны в обязательстве за его неисполнение либо ненадлежащее исполнение, и наоборот, ограничение ответственности слабой стороны и т.п. [17, стр. 641-642].

Экономическое неравенство, препятствующее реализации принципа равного нравственного достоинства, может быть обусловлено различными субъектными особенностями: спецификой гражданина как физического лица,

гражданина-потребителя, потребителя в широком смысле (как стороны, противостоящей производителю). Слабой стороной может быть и производитель, занимающийся определенным видом предпринимательской деятельности (таковым, к примеру, является сельскохозяйственный производитель). От степени экономического неравенства зависит «дозирование» правовых средств, требующихся для устранения его неблагоприятных последствий. В связи с этим чрезвычайно важно выявить каждый вид обязательства, характеризующийся экономическим неравенством контрагентов, и установить субъектный признак, которым экономическое неравенство обусловлено. От этого зависит правильная унификация юридического материала, распространение правовых норм, отражающих определенный уровень экономического неравенства на все правоотношения, в которых оно присутствует.

Участников гражданских правоотношений можно условно разделить на две группы: производители (т.е., кто совершает основное договорное действие: продает товар, передает имущество во временное пользование, выполняет работы, оказывает услуги, предоставляет взаймы денежные средства и т.д.) и потребители (те, кто «покупает» товар, работу, услугу, временное пользование имуществом и т.д.). Проблема обеспечения интересов потребителя (имеется в виду потребитель в широком смысле: как сторона, противостоящая производителю) решается путем достижения оптимального соотношения между экономическими и юридическими средствами. Это соотношение можно охарактеризовать как обратно пропорциональное. Чем лучше интересы потребителей обеспечиваются экономически, тем мягче может быть их законодательное ограждение, и наоборот: чем хуже развито производство, тем большей опасности подвергается потребитель и, следовательно, тем жестче должна быть законодательная защита. Уровень обеспеченности потребительских интересов непосредственно зависит от состояния производства, конкуренции, соотношения спроса и предложения. И если в обществе с развитыми товарноденежными отношениями указанные экономические факторы весьма эффективно работают на потребителя, то в условиях неразвитой товарно-денежной инфраструктуры они практически не действуют, в силу чего особое значение приобретают правовые средства.

Степень неравенства производителя и потребителя может быть различной. Эти различия предопределяются разными факторами: направленностью обязательства (к примеру, положение потребителя на рынке услуг может быть более благоприятным, чем положение заемщика в кредитных отношениях, или наоборот), предметом договора и т. п. В некоторых случаях экономическое неравенство предопределяется сферой хозяйственной деятельности (дефицитностью тех или иных товаров, работ, услуг), что также должно быть учтено в законодательстве.

В целом действующий ГК РФ создан как закон, регламентирующий отношения между производителями и потребителями как экономически равноправными контрагентами. Тем не менее в нем содержатся нормы, предоставляющие дополнительные права стороне, противостоящей производителю. Некоторые из них имеют общее значение и поэтому размещены в первой части ГК РФ, в частности это ст. 426 и 428, регламентирующие публичный договор и договор присоединения. Кроме того, экономическое неравенство производителя и потребителя предопределило создание специальных договорных институтов во второй части ГК РФ (например, договоров проката и банковского вклада).

Экономическое неравенство между производителем и потребителем (как стороной, противостоящей производителю) может усугубляться, если противостоящая производителю сторона (юридическое лицо или гражданин) действует не с предпринимательской, а с потребительской целью. По выражению А.Л. Маковского, в основе такого неравенства лежит то, что предприниматель, в отличие от потребителя, – профессионал; он, действуя в обороте, знает больше и может больше, с него, соответственно, должен быть и больший спрос [65, стр. 86].

В ГК РФ предусмотрен специальный правовой режим для договоров, в которых участвует потребитель. Часть норм имеет общее значение. Так, в ст. 401 ГК РФ предусмотрено, что потребитель в отличие от предпринимателя по общему правилу несет ответственность при наличии вины. В ст. 426 ГК РФ предусмотрены особые правила для публичного договора, применимые к обязательствам, в которых участвует потребитель. Кроме того, специфическое правовое регулирование, предусмотренное в ст. 428 ГК РФ для договоров присоединения, распространяется

на такие правоотношения с участием потребителя, которые могут быть квалифицированы как договор присоединения.

Участие в обязательстве потребителя обусловливает также особую регламентацию конкретных видов гражданских договоров. Причем важно иметь в виду, что специального регулирования требует не просто участие в правоотношении потребителя, а определенная степень его экономического неравенства. Поэтому особое регулирование предусмотрено не для всех обязательств с участием потребителей, а лишь для таких, в которых, по мнению законодателя, существует экономическое неравенство, требующее юридического противовеса. Так сформулирован институт розничной купли-продажи. Содержащиеся в нем правила направлены на то, чтобы нивелировать экономическое неравенство между розничным продавцом и потребителем, приобретающим товар для целей личного использования. Потребитель может участвовать и в других отношениях купли-продажи, в том числе и таких, где ему противостоит продавец-предприниматель. Однако специальное регулирование, направленное на устранение экономического неравенства, установлено лишь для тех договоров, где потребителю противостоит розничный продавец. Значит, по мнению законодателя, только при розничной купле-продаже интересы потребителя нуждаются в особой защите.

Поскольку ГК РФ предусматривает специфическое правовое регулирование для отношений с участием потребителя, необходимо четко представлять, в каком случае лицо может считаться действующим с потребительской целью. Во-первых, важно учитывать, что потребительскую цель может преследовать коммерческая организация, а предпринимательскую – некоммерческая. Потребительская цель определяется не формальным статусом юридического лица или гражданина, а конкретным намерением при заключении конкретной сделки. Во-вторых, в отношении коммерческих организаций действует презумпция, согласно которой все совершаемые ими сделки носят предпринимательский характер. Применительно к некоммерческим организациям, напротив, действует презумпция потребительской цели [23, стр. 45-46].

Наибольшая степень экономического неравенства существует в отношениях между производителем, действующим с предпринимательской целью (далее по тексту будет именоваться как предприниматель), и потребителем-гражданином. В таких обязательствах зависимое положение потребителя усугубляется естественными качествами гражданина как физического лица. Указанное экономическое неравенство требует значительного внедрения в гражданские правоотношения публичного регулирования, позволяющего юридическими средствами выровнять контрагентов. Эта проблема существует практически везде.

Особого внимания заслуживает вопрос о равенстве субъектов гражданского права при принятии решений собраниями, в частности решений коллегиальных органов юридического лица [3; 5], собраний кредиторов при банкротстве [4], участников общей долевой собственности на земельные паи [2], сособственников в многоквартирном доме (Жилищный кодекс РФ). Субъектами таких решений являются лица, обладающие правом на голосование: участники юридического лица, сособственники, кредиторы в деле о банкротстве и т. п.

Специфика указанных решений как юридических фактов заключается в том, что они, во-первых, вступают в законную силу, даже если кто-то из участников собрания голосовал против их принятия, и, во-вторых, порождают правовые последствия для всех участников, в том числе и тех, кто не участвовал в собрании или голосовал против. Подчинение меньшинства решению, принятому большинством, – демократический принцип цивилизованного правопорядка. В Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ [58] обоснованно отмечено, что для решений собраний, исходя из их природы, как правило, не применим принцип единогласия; в виде исключения он может быть сохранен только для наиболее важных вопросов, затрагивающих каждого участника; во всех остальных случаях решение должно приниматься большинством голосов.

Российское право предусматривает различные системы голосования: как предоставляющие каждому участнику один голос, так и наделяющие их разным количеством голосов. С одной стороны, члены производственного кооператива имеют по одному голосу при принятии решения общим собранием независимо от размера пая (п. 2 ст. 15 Федерального закона от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ (ред. от 30.11.2011)

«О производственных кооперативах»); каждый участник полного товарищества и товарищества на вере по общему правилу имеет один голос (ст. 71 и 84 ГК РФ). С другой стороны, акционеры (участники общества с ограниченной ответственностью) обладают количеством голосов, пропорциональным количеству принадлежащих им акций (долей в уставном капитале) (ст. 31 Федерального закона «Об акционерных обществах» (ред. от 02.06.2016) и ст. 32 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»); конкурсный кредитор и уполномоченный орган обладают на собрании кредиторов числом голосов, пропорциональным размеру их требований к должнику (п. 3 ст. 12 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 02.06.2016); количество голосов, которым обладает собственник помещения в многоквартирном доме на общем собрании, пропорционально его доле в праве общей собственности на общее имущество в доме (ст. 48 ЖК РФ).

Зарубежное право также закрепляет различные правила голосования. Например, акционерное законодательство Англии предусматривает, что в компании с акционерным капиталом каждый член имеет один голос на каждую акцию или на каждые 10 фунтов стерлингов принадлежащей ему доли в акционерном капитале; во всех других случаях голосование проводится по принципу один голос на каждого члена компании [74, стр. 151]. Законодательство Германии, США, Англии и Франции, регламентирующее несостоятельность (банкротство), закрепляет разнообразные начала голосования [86]. Рассматриваемый вопрос не единообразно разрешался и в дореволюционном отечественном и зарубежном законодательстве [87, стр. 428-431].

Если голосование построено по принципу «один участник – один голос», нет сомнений в соблюдении принципа равенства. Однако этого нельзя сказать о процедуре, при которой участники имеют разное количество голосов, поскольку они обладают неравными возможностями при принятии решения. И все же главный вопрос состоит не в том, нарушается ли равенство при такой форме голосования, а в том, является ли неравенство справедливым. Как уже отмечалось, справедливость требует учета нравственно обоснованных факторов. Поскольку процедуры, основанные на предоставлении неравного числа голосов, учитывают главным образом имущественный признак (размер корпоративного участия в юридическом лице, сумму права требования к банкроту, долю в праве общей собственности), необходимо определить, является ли он разумным и этически верным основанием для отступления от принципа равенства.

Применение начала пропорциональности при наделении правом голоса основано на том, что лицо должно иметь влияние на решение вопросов, рассматриваемых на собрании, пропорциональное его интересу, который, в свою очередь, определяется размером его имущественного права. Критикуя принцип пропорциональности, И.Т. Тарасов писал, что понятие об интересе всегда субъективно; нередко бедный человек связывает с одной акцией больше интереса, чем богатый – с десятками акций; соразмерить право голоса с интересом, взяв за основу величину вклада в акционерный капитал, так же невозможно, как невозможно соразмерить ум с деньгами. Поэтому неравенство имущественных прав и обязанностей должно влиять только на пропорциональное неравенство их осуществления, т. е. получение пропорциональных имущественных выгод и обременений. Например, в акционерном праве в отношении права голоса необходимо сделать различие между пользованием им в сфере или вне сферы имущественных отношений: в имущественных вопросах должно применяться начало пропорциональности во всем его объеме (сколько акций – столько и голосов), во всех остальных вопросах управления компанией должно соблюдаться полное равенство в пользовании правом голоса [87].

Справедливое юридическое неравенство всегда служит утверждению высшего равенства – равенства нравственного достоинства, следовательно, оно не должно создавать условий для недобросовестного поведения в конкретных правоотношениях. Поэтому, если признать неравенство в праве голосования необходимым*, оно может считаться справедливым лишь в том случае, когда его реализация не влечет получения лицом, имеющим больше голосов, необоснованных преимуществ за счет лица, имеющего меньше голосов. Не случайно правовые системы, допускающие пропорциональный принцип голосования, уделяют серьезное внимание тому, чтобы законодательно исключить злоупотребления преимуществом в количестве

голосов. В частности, в вышеуказанном проекте Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ обосновывается необходимость включения в ГК РФ норм о таких основаниях ничтожности решений собраний, как противоречие содержания решения основам правопорядка или нравственности, нарушение принципа равного отношения к участникам собрания при прочих равных условиях (недопустимое вмешательство в права акционеров на участие в управлении обществом, получение излишних, необоснованных преимуществ одних участников голосования перед другими и т. д.).

Принцип равного нравственного достоинства участников правоотношения по отношению друг к другу должен соблюдаться и в процессуальных отношениях. Как уже отмечалось, одно из проявлений равного нравственного достоинства – равное право на истину. В юридическом аспекте равное право на истину означает, в частности, равное право на справедливое разрешение спора: полное исследование и объективную оценку фактических обстоятельств конкретного правоотношения, а также справедливое применение к нему законодательных норм. Стороны равны в праве на установление истины судом. Однако их фактическое неравенство (прежде всего по имущественному положению, предопределяющему разницу в квалификации юридического представительства, или по социальному статусу) нередко приводит к тому, что они имеют несопоставимые возможности влияния на установление истины по делу. В то же время фактическое неравенство не должно препятствовать реализации равного права на истину. Для этого процессуальный закон должен наделять участников процесса, относящихся к разным «весомым» категориям, различным процессуальным статусом (объемом процессуальных прав, обязанностей и ответственности), нейтрализующим фактическое неравенство.

Кроме того, для обеспечения равного права на истину большое значение имеет правильное применение судом принципа состязательности. Необходимо помнить, что состязательность – не самодостаточный процессуальный принцип, а лишь средство для вынесения справедливого судебного решения. Этот принцип в чистом виде работает там, где возможно состязание, а состязание возможно только между равными соперниками. Если один из них заведомо сильнее другого, состязание превращается в юридическое «избиение». Поскольку в таких условиях принцип формальной состязательности не способствует установлению истины, он должен быть восполнен дополнительной активностью суда, четко сформулирован в процессуальном законе [19; 31; 32; 36; 37].

Вышеизложенное можно проиллюстрировать на процессуальных особенностях рассмотрения дел, вытекающих из публичных правоотношений, принципиальная особенность которых состоит в том, что одной из сторон в них выступает государственный орган, выражающий публичные интересы. Эти отношения основаны на властном подчинении одной стороны другой. Частному юридическому лицу или гражданину сложно на равных спорить с государством, поэтому судебная процедура должна процессуальными средствами помогать слабой стороне, обеспечивая ее фактическое равенство в споре с государством. В России эта проблема стала особенно актуальной в аспекте совершенствования административного судопроизводства. В АПК РФ и ГПК РФ есть специальные главы, которые регламентируют особенности рассмотрения дел, возникающих из административно-правовых отношений. Прежде всего, специфика выражается в распределении бремени доказывания. Поскольку при возникновении административного спора заявителем выступает, как правило, лицо, чьи права нарушены государством, и это лицо находится в административной зависимости от него, то такому заявителю практически невозможно представить доказательства противоправности действий государства. В связи с этим потребовался перенос бремени доказывания на более «сильную» сторону – государство. Если в соответствии с общим правилом искового производства каждое лицо должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, то согласно нормам гл. 22 АПК РФ, регулирующей особенности рассмотрения административных споров, публичные органы должны доказать законность оспариваемого акта и наличие обстоятельств, послуживших основанием для его принятия. Другая сторона должна лишь доказать, что административный акт нарушает ее права и законные интересы. Аналогичное правило о бремени доказывания предусмотрено в ст. 249 ГПК РФ.

С предыдущим вопросом тесно связана

проблема особенностей состязательности по административным спорам. В административном судопроизводстве нет и не должно быть формально равной состязательности. Поэтому в целях фактического выравнивания спорящих сторон законодатель предоставляет «слабой» стороне дополнительные процессуальные гарантии по истребованию доказательств, обеспеченные повышенной активностью суда. Согласно ст. 200 АПК РФ суд вправе по своей инициативе истребовать доказательства от публичного органа и применить ответственность за их не предоставление. Данный вопрос аналогичным образом урегулирован в ст. 249 ГПК РФ.

В АПК РФ установлены специальные правила подсудности дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. В частности, заявление о привлечении к административной ответственности должно подаваться по месту нахождения лица, привлекаемого к административной ответственности; заявление об оспаривании решения административного органа подается в суд по месту нахождения заявителя. Аналогичные положения предусмотрены в ГК РФ. В процессе работы над проектом АПК РФ вносилось предложение об установлении подсудности по указанным делам по месту нахождения государственного органа. В обоснование этого предложения приводился, казалось бы, логичный довод: нередко объем документов, которые должен предоставить в суд государственный орган, весьма велик, поэтому целесообразно приблизить суд к «источнику доказательств». Однако законодатель поступил мудро, принеся указанную техническую целесообразность в жертву одному из основных принципов административного судопроизводства – защите «слабой» стороны.

Обеспечению фактического равенства сторон также служит ст. 201 АПК РФ, предусматривающая особенности решения по делу об оспаривании ненормативных правовых актов. В частности, такие решения подлежат немедленному исполнению, если иные сроки не установлены судом. Суд вправе также установить в резолютивной части решения обязанность соответствующего органа или должностного лица сообщить суду об исполнении решения.

Нам хочется верить, что проанализированные нормы права установлены законодательством с целью уравновешивания прав и обеспечения равного партнерства в правоотношениях государства, его структур и гражданина. Вряд ли следует спорить с философами права В.А. Бачининым и В.П. Сальниковым, когда они констатируют: ««Если сопоставить две такие социальные величины, как государство и личность, то их разномасштабность позволяет государству уверенно присваивать себе главенствующую роль. В его глазах интересы отдельной личности и его собственные интересы в принципе не могут быть равнозначны. Но если государство с удовлетворением воспринимает такое положение дел, то индивид далеко не всегда готов его принять. И здесь ему на помощь приходит гражданское общество в качестве идеи и социальной реалии. Именно оно, стоящее на страже естественных прав «маленького человека», способно постоянно защищать их от посягательств грозного «Левиафана». Оно готово ставить интересы обеих сторон в один аксиологический ряд, искать и разрабатывать реальные практические средства для их действительно социально-правового уравновешивания» [14, стр. 133-134].

Правы они и тогда, когда пишут: «стихийно «возникающие корпорации граждан способны не только удовлетворять их разнообразные потребности, но и защищать их интересы и естественные права от чрезмерного диктата государства. По большому счету гражданское общество для того и существует, чтобы защищать естественное право каждого гражданина на частную жизнь, куда входит сфера семейных отношений, досуга, домашнего хозяйства, дружеских и интимных связей, а также область внутренней духовной жизни личности» [14, стр. 133]

Конечно, эффективнее было бы влияние «стихийно возникающих корпораций», то есть институтов гражданского общества, на исключение диктата государства на личность, если бы их деятельность (гражданского общества) опиралась на силу права, выраженную в мощи справедливых законов, как тех, о которых шла речь выше.

Можно выделить несколько моделей понимания справедливости российскими гражданами. Они не являются альтернативными и могут совмещаться в сознании людей в различных комбинациях.

Во-первых, наиболее распространено социал-демократическое видение справедливости в контексте конструирования отношений между

социальными группами с явным доминированием дистрибутивного аспекта. Справедливость понимается в этом случае как социальное равенство в области прав и обязанностей граждан, их статуса вне зависимости от уровня доходов. Однако требования социума чаще всего касаются все же материальной стороны жизни. Согласно этому подходу, по мнению большинства граждан России, природные богатства не могут принадлежать кому-то одному или немногим, они должны быть достоянием всех жителей страны. Соответственно средства, полученные от добычи полезных ископаемых, должны распределяться между всеми жителями.

Во-вторых, в либеральной парадигме акцент делается на равенстве всех перед законом и жестком контроле государства за реализацией этого принципа. Но в представлении многих граждан России сами законы, устанавливаемые облаченными властью людьми, несправедливы. С точки зрения права наказание справедливо, когда оно соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения, а также личности виновного. При этом суд не должен руководствоваться субъективными аспектами – эмоциями или чувством мести. Однако гарантированный государством гражданам уровень справедливости не всегда воспринимается ими как достаточный или адекватный. Более того, многие убеждены, что «в государственных отношениях России действует не равное для всех, абстрактное право как единая система, а право – как произвол конкретных личностей» [88, стр. 272]. Для многих возникает почти неразрешимая субъективно проблема: как относиться к этим законам и нормам? В общественном сознании распространены стереотипы, согласно которым законы защищают не человека, но установившее их государство, а справедливость как «высшая правда» – ценность более высокого уровня, чем закон и право. Несправедливыми в общественном сознании считаются и некоторые правоприменительные практики. Например, право на самозащиту, защиту своих близких и своего имущества при рассмотрении дел в российских судах часто оборачивается наказанием за превышение пределов необходимой обороны, что, с точки зрения большинства, несправедливо. Сомнительной считается и система штрафов за взятку, если она получена чиновником. Классическое выражение «Вор должен сидеть в тюрьме» персонажа В. Высоцкого из фильма «Место встречи изменить нельзя» в общественном сознании трансформировалось в «Укравший чиновник должен сидеть в тюрьме». Принцип воздаяния за преступления против жизни, особенно если речь идет о детях, также воспринимается буквально: «Око за око и зуб за зуб» (т.е. жизнь за жизнь). Аналогичным образом в некоторых национальных регионах России воспринимается право кровной мести [26; 66; 73; 79; 85]. Действующий в настоящее время в России мораторий на исполнение смертной казни (в 1996 г. Б.Н. Ельцин подписал указ о поэтапном сокращении смертной казни в стране) далеко не всеми воспринимается как справедливый. Существующая правоохранительная система не гарантирует достижения фактической справедливости для всех. Многие граждане России убеждены в том, что в стране не действует даже принцип «Своим – все, остальным – закон». На практике реализуется другое правило: «Своим – все, остальным – ничего». В общественном мнении закреплен стереотип об абсолютной бесперспективности участия в судебных разбирательствах, противоположной стороной в которых выступают должностные лица или государство. Многие граждане России убеждены, что тяжбы в судах часто используются для «наказания неугодных власти», а также в целях перераспределения собственности, отъема бизнеса. До сих пор в массовом сознании популярна старая русская пословица: «Закон – дышло, куда повернул, туда и вышло». Фактическая избирательность применения норм законов воспринимается как крайне несправедливая.

В-третьих, в сознании людей справедливость связана с системой нравственных ценностей. Так, она рассматривается как высшая характеристика идеального политика наряду с его порядочностью и честностью. Справедливость ассоциируется также со способностью власти таким способом разрешать социальные и политические проблемы, чтобы у всех участников конфликта оставалось ощущение адекватности принятого решения (т. е. в данном случае речь идет об эмоциональном восприятии, об оценке и не более того). Это понимание справедливости охватывает два аспекта: справедливость взаимодействия и процедурную справедливость.

Наконец, в-четвертых, справедливость

воспринимается как духовная ценность, универсальный принцип воздаяния каждому за содеянное, основанный на тяге человека к правде. Для людей действительно верующих и при этом воцерковленных (а таких в стране не более 15-17 %) проблема воздаяния за несправедливость решается в рамках догм религии как наличие идеи высшей справедливости, реализация которой всего лишь отложена во времени. Для всех остальных достижение справедливости остается неосуществимой мечтой.

Для массового сознания россиян нетипично консервативное понимание социальной справедливости, когда ставка делается на корпоративизм, а ресурсами поддержки населения выступают полученные на основе обязательного социального страхования и зависящие от сферы занятости и продолжительности отчислений накопления самого работника. Современная концепция пенсионного обеспечения в РФ как раз и строится на этой идее [72].

Общественное мнение большей части граждан нашей страны едино в том, что в современной России справедливость отсутствует совсем [57, стр. 98]. Особенно остро, как проявление тотальной несправедливости, воспринимается социальная эксклюзия, обеспечивающая фактическое социально-статусное неравенство различных социальных групп. Во многом такое субъективное восприятие связано с тем, что расширение справедливости оценивается как некий идеальный, но при этом ожидаемый, абсолютно естественный ход развития социума и государства, а крайне негативно воспринимается именно ее нарушение (проводится аналогия с воздухом, отсутствие которого не просто заметно, но не позволяет жить). Однако реакция на социальную несправедливость носит в России спорадический и преимущественно эмоциональный характер, выплескивающийся в отдельных протестных акциях. Именно таким образом следует оценивать массовые протестные акции декабря 2011 – февраля 2012 г; большинство их участников совершенно искренне негодовало по поводу нарушений их избирательных прав на думских выборах из-за фальсификаций результатов. Участия в конструировании справедливого проекта будущего фактически ни одна из социальных групп не принимает.

Справедливость основывается на идее общего блага и добра, а также недопустимости зла в государстве в отношении одновременно многих людей и каждого человека персонально [11; 30; 38; 54]. «В либерально-демократических обществах справедливость понимается как высшая степень согласованности различных интересов, воплощенная в такой политической системе, при которой соблюдаются условия для достижения максимума свободы для возможно большего числа индивидов; это равенство в свободе по универсальному закону» [88, стр. 271]; в России же простые люди чаще всего воспринимают властные структуры и государственную власть как источники несправедливости. Перманентное ощущение социальной несправедливости – очень серьезный фактор риска дестабилизации политической обстановки. На фоне развития новой волны экономического кризиса это может значительно усугубить ситуацию в стране. Образ социальной справедливости как общественного идеала не является чем-то незыблемым и неизменным; он не имеет единого критерия истинности для различных социальных групп. Кроме того, в общественном сознании постепенно формируется идея «восстановительной» справедливости даже спустя много лет после того, как этот принцип был попран.

Мониторинг «Политический Петербург», который Центр эмпирических политических исследований факультета политологии СПбГУ проводил с 2000 по 2013 г. неизменно фиксировал, что тема справедливости не актуализирована в сознании только у 10-13 % жителей мегаполиса**. Не менее 30 % респондентов при выборе между альтернативами «права человека» или «справедливость» называли именно вторую ценность, а свыше 40 % хотели бы совмещения этих принципов в общественной жизни. Кроме того, задача реализации справедливости в сознании рядовых граждан соотносится с ценностью свободы. Свобода актуализирована в сознании людей в меньшей степени, чем справедливость, но тем не менее воспринимается гражданами нашей страны необходимым условием реализации справедливости, в то время как справедливость предполагает воплощение в общественной жизни свободы – «свободы для» и «свободы от». Максимальные возможности для самореализации людей в соответствии с их способностями должны сочетаться с системой экономических, социальных и политических отношений, устанавливающей определенные

ограничения на действия всех индивидов, но вместе с тем способствующей реализации общественного блага. В общественном сознании справедливость воспринимается как идеал, ценность и право человека.

Специфика понимания справедливости российскими гражданами зависит от их возраста и уровня материального благосостояния. Большинство людей среднего и старшего возраста понимают справедливость как социальное равенство, «правильное», соразмерное воздаяние за поступки людей, что не всегда соответствует принципу законности. Ценность справедливости менее важна для молодых людей, они воспринимают ее как принцип отношений на уровне личного взаимодействия. Женщины и люди с низкими зарплатами в большей степени, чем мужчины и обладатели высоких доходов, признают значимость этого принципа в социальной жизни. Идеи тотальной эгалитарности как высшего проявления социальной справедливости на сегодняшний день в сознании россиян развиты слабо и сохраняются преимущественно в массовом сознании старших возрастных групп.

С точки зрения российской политической элиты, декларация принципа справедливости способна объединить представителей различных социальных групп, смягчить социальную напряженность в обществе, что особенно актуально во времена экономического кризиса, а то и стать основанием общенациональной идеи. Однако это представление достаточно иллюзорно. Объективно интересы различных социальных групп, например чиновников и рядовых граждан, собственников и наемных работников, существенно отличаются. Любое политическое решение будет восприниматься совершенно по-разному, достаточно вспомнить, например, об отношении к единой шкале налогов с доходов малообеспеченных и богатых людей в России. Для первой группы понятие справедливости в сфере налогообложения связано с установлением процедуры дифференцированного исчисления налогов в зависимости от размера получаемых доходов по образцу ряда скандинавских стран. Плоская недифференцированная шкала налогов воспринимается как неправильная, усугубляющая материальное неравенство в обществе. Особенно несправедливой в общественном мнении считается возможность ухода собственников от уплаты налогов. Таким образом, в представлениях низших и средних социальных слоев российского общества нарушены принципы общности и равномерности (соразмерности) обложения налогами всех граждан страны. Для богатых и даже просто обеспеченных людей прогрессивная система налогов, да и высокие налоги сами по себе – это нарушение принципа социальной справедливости. Более того, наемные работники считают справедливым отчисление с размера своей зарплаты только подоходного налога, в то время как с собственника предприятия, по их представлениям, следует взимать и подоходный налог, и налог на собственность, и налог на результаты производства.

Объявление справедливости абсолютным благом и основной целью общественного развития очень заманчиво, однако на практике реализовано в полной мере быть не может. Скорее, речь должна идти о некой мере гарантированной государством справедливости. Статьи 1 и 7 Конституции РФ определяют социальное государство как высший тип демократического образования, гарантирующий права и свободы личности, взаимную ответственность общества и государства, соблюдение принципа разделения властей, правовой характер принимаемых законов, правовую организацию государственной власти и ограничение ее посредством права. Заявленное в Конституции развитие российского государства как социального фактически декларирует, что оно опирается на идею социальной справедливости.

Предъявляемый российскому обществу политическим классом концепт справедливости в целом соответствует взглядам рядовых граждан и охватывает два из четырех перечисленных выше аспектов. Однако и в нем отсутствуют элементы абсолютности, всеобщности и универсальности: справедливость, реализуемая государством, не может быть единой для всех, она партикулярна, направлена на определенные социальные слои.

Программа «Справедливой России» буквально проникнута духом идеи справедливости в социал-демократическом ключе и отвечает потребностям значительной части населения страны. В партийных документах КПРФ также можно найти идеи справедливости, понимаемой как социальное равенство. Идеи справедливости в партийных документах ЛДПР носят декларативный характер. Концепт справедливости «Единой России» максимально близок идеям

предвыборной программы В. В. Путина во время президентских выборов 2012 г.

В предвыборной статье В.В. Путина «Строительство справедливости. Социальная политика для России» (февраль 2012 г.) категория «справедливость» упоминалась 11 раз, причем 5 раз – в контексте сомнения в том, существует ли она, и 2 раза – с приставкой «не» как прямая декларация ее отсутствия. В.В. Путин убежден, что Россия имеет «более высокий уровень социальных гарантий, чем страны с сопоставимым уровнем производительности труда и доходами на душу населения» [1], а реализация принципа справедливости в современном российском государстве связана с двумя аспектами – с помощью социально обездоленным людям и предоставлением шанса на вертикальную социальную мобильность тем, кто сам по себе уже имеет для этого ресурсы и возможности («Это поддержка слабых, тех, кто по объективным причинам не может зарабатывать себе на жизнь. Это обеспечение работы социальных лифтов, «равного старта» и продвижения каждого человека на основе его способностей и таланта» [1].

Стратегия российской политической элиты в области достижения общественной справедливости на период с 2012 по 2018 г. касается следующих аспектов.

Во-первых, снижение показателей разрыва уровней доходов населения за счет:

а) обеспечения достойной зарплаты тем, кто только выходит на рынок труда;
б) повышения уровня стипендии студентам до прожиточного минимума;
в) обеспечения достойной зарплаты неквалифицированным рабочим и включения квалифицированных в систему управления предприятиями;
г) социальной адаптации инвалидов;
д) роста социальных пенсий бедным;
е) накопительной стратегии и ориентации на самообеспечение в старости среднего класса.

Во-вторых, помощь семьям с детьми для преодоления рисков бедности и решения жилищного вопроса, а также содействие рабочей занятости женщинам с детьми.

В-третьих, политика в жилищной сфере, где справедливость понимается как:

а) помощь малообеспеченным гражданам за счет развития цивилизованного рынка арендного жилья;
б) развитие системы ипотечного кредитования для среднего класса;
в) наведение порядка в жилищно-коммунальном хозяйстве за счет создания благоприятных условий для привлечения частных инвестиций в эту отрасль и установления социальной нормы потребления коммунальных ресурсов;
г) обучение граждан основам законодательства и экономики ЖКХ.

В-четвертых, область здравоохранения, где ставка делается на:

а) сдерживание роста объема и стоимости платных услуг;
б) амбулаторное лечение пациентов, что для государства более выгодно, чем развитие стационарного;
в) развитие отечественной фармацевтической промышленности;
г) повышение ответственности каждого человека за состояние своего здоровья (здоровый образ жизни, занятия спортом).

В-пятых, изменение стратегии образования. В области среднего образования ставка делается на получение равных по качеству знаний вне зависимости от типа школы и места ее расположения, профильное обучение в старших классах в соответствии с интересами школьника и его жизненными планами (т.е. узкая образовательная подготовка только по нескольким предметам), совершенствование качества ЕГЭ; в системе высшего образования – на присоединение неэффективных вузов к сильным, передовым и увеличение прикладного аспекта образования на уровне бакалавриата. В отношении начального профессионального образования ставится задача повышения его престижа. Продекларированы возвращение системы дополнительного образования в сферу ответственности государства и стратегия сдерживания стоимости платных услуг.

В-шестых, культурная политика, которая должна обеспечить развитие:

а) системы самодеятельного художественного творчества;
б) системы грантов деятелям искусства и художественным коллективам, в том числе молодежным;
в) предоставляемой на конкурсной основе государственной поддержки программ формирования публичных электронных

библиотек, музейных и театральных интернет-ресурсов, приобретения права на бесплатное размещение в Интернете выдающихся фильмов и спектаклей;

г) на основе цифрового телевидения общенациональных каналов культуры профильно для различных групп населения.

В-седьмых, изменение миграционной политики с привлечением на постоянное жительство преимущественно квалифицированных иностранных специалистов, перспективной молодежи из ближнего и дальнего зарубежья до 300 тыс. чел. в год [8; 9; 18; 22; 28; 55; 59; 71].

Следует обратить внимание и на восьмую и девятую задачи: преодоление социальных конфликтов за счет создания имиджа предпринимателей как честных творцов своих капиталов и обеспечение эффективности социальных расходов государства за счет совершенствования системы повышения квалификации и развития прикладных навыков работников, а также оптимизации распределения средств в виде финансовой поддержки только результативных структур.

Как видно из приведенных материалов, идея справедливости в сознании российской политической элиты очень тесно переплетена с идеей государственного патернализма. Это отнюдь не плохо и способствует поддержанию социальной стабильности. Однако в целом в России сложилась парадоксальная ситуация, когда заказ на реализацию принципа социальной справедливости в стране присутствует и со стороны населения, и со стороны властей, однако проявляется он преимущественно в дискурсивных практиках, реализуясь в общественной жизни лишь фрагментарно. Вместе с тем новый виток экономического кризиса, снижение стоимости углеводородов, выступающих основным источником пополнения бюджета нашей страны, спекулятивные действия банков с целью девальвации рубля, эффекты постоянно вводимых новых экономических санкций других государств против России в связи с ситуацией вокруг Крыма и самопровозглашенных республик в восточных районах Украины, экономические антисанкции нашей страны – все это резко снижает возможности реализации прогрессивной политики руководства старны в области социальной политики и обеспечения принципа социальной справедливости.

Примечания

* Вывод о соответствии пропорционального принципа голосования Конституции РФ сделан КС РФ в постановлениях от 22 июля 2002 г. № 14-П и от 30 января 2009 г. № 1-П [6; 7].

** Ежегодный телефонный опрос взрослого населения Санкт-Петербурга с репрезентативной выборкой объемом не менее 1111 респондентов и контролем по полу, возрасту, уровню образования; ошибка выборки не превышает 3%. Аналитическая группа: докт. полит. наук, проф. О.В. Попова, канд. полит. наук, доц. О.В. Лагутин, канд. полит. наук, доц. Е. О. Негров, А. В. Шентякова.

Список литературы

1. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. – 2012. – 13 февраля.
2. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30 – Ст. 3018.
3. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.
4. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
5. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7 – Ст. 785.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июля 2002 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с

жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств» // http://bre.ru/laws/13395.html
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2009 г. № 1-П. «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2, 3 и 4 статьи 13 и абзаца второго пункта 1.1 статьи 14 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в связи с жалобой гражданки Л.Г. Погодиной» // http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30012009-n/
8. Абезгильдин Р.Р. Миграция в России и сетевые структуры // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 80-93.
9. Абезгильдин Р.Р. Правовые и социально-политические проблемы трудовых мигрантов в Российской Федерации // Миграционное право. – 2016. – № 3. – С. 18-21.
10. Абезгильдин Р.Р., Сальников С.П. Справедливость, доверие и социальная эффективность политического управления // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 6. – С. 93-101.
11. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
12. Артамонова Г.К., Горбашев В.В., Ретунская Т.П., Реуф В.М. Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 122-128.
13. Баранов В.М., Сальников В.П., Кронский В.С. Социальная справедливость и истинность советского права как ведущие ориентиры деятельности органов внутренних дел: Монография. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989. - 84 с.
14. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
15. Бешлер Ж. Демократия: аналитический очерк. – М.: Феникс, 1994.
16. Божок В.А. Институт аналогии в гражданском и арбитражном процессуальном праве: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2005.
17. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. – М.: Статут, 1998. – 682 с.
18. Булатов Р.Б., Андрейцо С.Ю. Проблемы обеспечения и защиты прав иностранных граждан в России // Миграционное право. – 2016. – № 4. – С. 21-14.
19. Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 262 с.
20. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
21. Волков В.П., Дамаскин О.В., Шапиев С.М. Некоторые проблемы и пути их решения для обеспечения законности избирательного процесса в Российской Федерации: Научно-практическое пособие. – М.: РЦОИТ: Типография «Новости», 2009. – 288 с.
22. Государственный контроль за миграционными процессами: Учебное пособие / С.А. Акимова, С.Н. Байжуминов, Н.Г. Максименко, Н.А. Нигметов, Т.А. Прудникова; Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 143 с.
23. Гражданское право: Учебник: в 3 т. Т. 2. 4-е изд. / Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М., 2008.
24. Гражданское уложение Германии / Burgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einfuhrungsgesetz: Перевод с немецкого. Книга 1. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 816 с.
25. Гусева В.Ю. Понятие справедливости в психологической теории права Л.И. Петражицкого // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 190-197.
26. Дашин А.В., Сальников С.П. Обычай кровной мести и современный Северный Кавказ // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 190-197.
27. Декларация независимости 4 июля 1776 года // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. V. – М.: Мысль, 1997.
28. Дзьоник Д.В. Контроль за миграцией: проблемы и решения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 200 с. – (Серия «Теория и практика миграционных процессов).
29. Диденко А.Г. Оценочные понятия в гражданском законодательстве // Гражданское законодательство РК: Статьи, комментарии, практика. – Астана, 2002.
30. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
31. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
32. Захарцев С.И., Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С. 96-100.

33. Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 3(93). – С. 179-183.
34. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право без смысла // Защита и безопасность. – 2016. – № 3. – С. 24-25.
35. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 17-22.
36. Захарцев С.И., Сальников В.П. Продолжая дискуссию об истине // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 35-43.
37. Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Проблема истины в праве и юридических науках // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 191-196.
38. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 185-196.
39. Зорькин В.Д. Право силы и сила права. Лекция для участников V Международного юридического форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г.// Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 18-32.
40. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2015. – 320 с.
41. Игнатенко В.В. Юридическая ответственность и избирательный процесс. – М.: РЦОИТ, 2002. – 144 с.
42. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
43. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость в контексте исторических традиций // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 87-92.
44. Исмагилов Р.Ф. Сальников В.П. Право и справедливость: актуальность теоретико-правовой концепции // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 168-172.
45. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея справедливости в традициях неокантианской философии права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 6. – С. 121-133.
46. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
47. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях первой трети XX века // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 174-181.
48. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях середины XX – начала XXI веков // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 181-189.
49. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
50. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Справедливость и правда как идея в русской философии права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 102-115.
51. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
52. Ихсанов Р.В. Судебная защита избирательного права в России: некоторые актуальные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 59-61.
53. Калмыков Ю.Х. О значении общих положений гражданского законодательства // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. – М.: Международный центр финансово-эконом. развития, 1998. – С. 43-57.
54. Керимов А.Д., Халипова Е.Д. Зло и преступность: нравственное и правовое измерение (рецензия на монографию: Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб.: СПбГУ, 2013) // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 234-241.
55. Козлов Е.Н., Козлова Л.Е. Миграционная политика в Северо-Западном регионе // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
56. Колюшин Е.И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 384 с.
57. Константинова Л.В., Константинов С.А. Социальная справедливость в российском интерьере // Власть. – 2012. – № 5. – С. 97-101.
58. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Бюллетень

нотариальной практики. – 2009. – № 3. – С. 2-13.
59. Косарева В.В. Социальная природа и правовая сущность миграционных отношений // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 118-123.
60. Кругленя А.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2013.
61. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
62. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
63. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юридическая литература, 1974. – 184 с.
64. Макарцев А.А. Некоторые проблемы судебной защиты избирательных прав российских граждан // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 66-74.
65. Маковский А.Л. О концепции первой части Гражданского кодекса // Вестник ВАС РФ. – 1995. – № 4.– С. 83-98.
66. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. – М., 2012. – 736 с.
67. Мартышин О.В. Справедливость и право: Философия и теория юриспруденции // Право и политика. 2000. № 12. – С. 4-15.
68. Назарова Н.Л., Сальников С.П., Лисинская И.Е.Институт аналогии в современном праве России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 51-57.
69. Нерсесянц В.С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // Социологические исследования. – 2001. – № 10. - С. 3-15.
70. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма-Инфра-М., 1998. – 652 с.
71. Никитенко Е.Г., Синицын И.М. Приоритетные направления государственной политики в сфере управления кризисно-конфликтными ситуациями, обусловленными миграционными процессами // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 36-44.
72. Новиков В.А. Пенсионное обеспечение и социальная справедливость (на примере РФ) // Вестник междунар. ин-та менеджмента ЛИНК. – 2012. – № 28. – С. 178-185.
73. Омаров М.М. Убийство по мотивам кровной мести (уголовно-правовой и криминологический анализ по материалам Республики Дагестан): Дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2006.
74. Петровичева Ю.В. Акционерное законодательство Англии и России: Сравнительно-правовой анализ. – М.: Норма, 2002. – 240 с.
75. Покровский И.Ф., Степашин С.В., Масленников Д.В. Идея справедливости как онтологическое основание права: новые исследования петербургских правоведов. Рецензия на монографию: Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Право и справедливость: исторические традиции и современные модели» (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.). – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – СПб., 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»). // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 186-192.
76. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
77. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
78. Россия 2003-2004: выборы и реформы: Материалы X межд. науч.-практич. конф. / Под ред. А.Н. Мельникова. – Барнаул, 2003.
79. Рудяк В.В. Уголовная ответственность за убийство, совершенное по мотиву кровной мести: Дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
80. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 51-54.
81. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
82. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 20-32.
83. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46.
84. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцию. – М.: Наука, 1977. – 384 с. .
85. Смирнов А.М. Институт кровной мести в контексте генезиса общества и государства // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 119-125.
86. Степанов В.В. Правовое регулирование несостоятельности в Германии, США, Англии, Франции и России // Актуальные вопросы гражданского права» / Под ред. М. И. Брагинского. – М.: Статут» 1998. – С. 161–228.

– в сб. 464 с.
87. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. – М.: Статут, 2000. – 666 с.
88. Фан И.Б. Апатия вместо жажды: свобода и справедливость в жизни российского гражданина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2011. – Вып. 11. – С. 270-283.
89. Фомина Л.А. Аналогия закона и аналогия права в системе способов преодоления пробелов гражданского права: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2009.
90. Чечельницкий И.В. Справедливость и правотворчество // История государства и права. – 2014. – № 3. – С. 28-33.
91. Шапиев С.М., Биктагиров Р.Т., Шапиев А.С. Участники избирательного процесса: статус, полномочия, ответственность. – Грозный: Грозненский рабочий, 2011. – 336 с.
92. Шапиев С.М., Соктоев З.Б., Кругленя А.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме: Научно-практическое издание / Под ред. С.М. Шапиева. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2016. – 192 с.
93. Шергина М.Н. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 28-31.
94. Шиндяпина Е.Д. Аналогия права в правоприменении: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. – М., 2007.
95. Щендригин Е.Н. Необходимость реформирования избирательного законодательства Российской Федерации // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 102-110.
96. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
97. Экимов А.И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 2(307). – С. 51-61.
98. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
99. Яковлев В.Ф. О правовом обеспечении экономического развития // Журнал российского права. – 1997. – № 9.

СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГРАММ. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

ЛЫСОВА Галина Константиновна,
магистр юридического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: galinalysova@bk.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; жилищное право; семейное право; международное частное право

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ДОКТРИНА ОБ УСЛОВИЯХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В РОССИИ

Аннотация. *Рассматривается история развития правового регулирования брачно-семейных отношений с древнейших времен до наших дней. Отмечается, что понятие и сущность брака в отечественном правоведении издревле несут в себе определенное правовое начало и содержание. Формулируется тезис о несогласованности современных норм семейного законодательства России, отсутствии правового регулировании в отдельных сферах семейных отношений.*

Ключевые слова: *брак; семья; правовое регулирование; семейное законодательство.*

LYSOVA G.K.

HISTORY OF DEVELOPMENT AND THE MODERN DOCTRINE ABOUT MARRIAGE CONDITIONS IN RUSSIA

The summary. *The history of development of legal regulation of marriage-family relations since the most ancient times is considered up to now. It is noticed, that the concept and essence of marriage of domestic jurisprudence since olden days bear in itself the certain legal beginning and the maintenance. The thesis about inconsistency of modern norms of the family legislation of Russia, absence legal regulation in separate spheres of family relations is formulated.*

Key words: *marriage; a family; legal regulation; the family legislation.*

Совместное обоюдное желание (волеизъявление) мужчины и женщины ридать личным отношениям и совместной семейной жизни законный характер путем заключения брака, является их общепризнанным демократическим правом, гарантируемым и регулируемым международными и внутригосударственными нормативно-правовыми актами.

Право на заключение брака, как юридически оформленного свободного и добровольного семейного союза мужа и жены, порождающего для них взаимные личные (неимущественные) и имущественные права и обязанности, может быть реализовано при соблюдении

условий, установленных семейным законодательство Российской Федерации.

Одной из приоритетных мер, указанных в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [1], является дальнейшее совершенствование семейного законодательства. Правовое регулирование брачно-семейных отношений посредством заключения законного брака в органах ЗАГС, складывающихся между мужчиной и женщиной, является важнейшей задачей государства, направленной на сохранение и обеспечение стабильности института семьи и брака в нашей стране.

Необходимо признать, что в наше время Европа и Америка столкнулись не только с кризисом семьи, но и с «эпидемией» одиночества [7; 14; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 53]. В России половина женщин – одинокие, а число невест превышает число женихов на 10 млн. [48].

Необходимо отметить, что понятие и сущность брака в отечественном правоведении издревле несут в себе определенное правовое начало и содержание. Традиция связывать брак с соблюдением определенной процедуры его оформления, характерная для российского права, восходит, как это принято считать, к праву Византии, когда в конце IX столетия (около 893 г.) император Лев Мудрый издал закон, предписывающий вступать в брак не иначе, как посредством церковного венчания. Только такой брак получал государственную поддержку, несоблюдение формы, предписываемой государством и канонами государственной религии, вело к признанию заключенного союза незаконным [37, стр. 56].

В настоящее время право граждан на заключение брака предусматривается и гарантируется ст. 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3], согласно которой мужчины и женщины, достигшие брачного возраста, имеют право вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществление этого права. Также ст. 23 Международного пакта от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах» за мужчинами и женщинами, достигшими брачного возраста, закрепляется право на вступление в брак и право основывать семью [4].

Следует согласиться с высказанным в науке семейного права мнением, что «актуализация концепции семейного права как самостоятельной отрасли права обусловлена и необходимостью нового подхода к изучению ее структуры» [25, стр.4]. Это в полной мере относится к подотрасли брачно-супружеского права, которую и выделяет вышеуказанный автор и, в особенности, как полагаем, к реформированию института брака в рамках семейного права, необходимости внесения изменений в правовое регулирование порядка заключения брака и связанных с ним отношений [8].

Очевидно, что сами по себе брак, родство и принятие детей на воспитание не ведут к образованию семьи как общности: можно не иметь никаких коммуникаций с кровными родственниками или заключить брак «без цели создания семьи» (ст. 27 СК РФ) и т.д. Таким образом, необходимо установить дополнительную «неюридическую» составляющую, передающую уникальную сущность и служебную роль семьи. Нет оснований дублировать в определении семьи свойства, пусть и присущие ей, но являющиеся смыслообразующими в смежных категориях, специально предназначенных для отражения этих свойств. Так, наличие взаимных прав и обязанностей – это элемент конструкции правоотношения, а информация о происхождении заключена в категории родства.

Вступив в брак, зарегистрированный в установленном законом порядке в органах ЗАГС, мужчина и женщина образуют законную семью. Таким образом, создается новая социально-правовая общность, реализуя, тем самым, свою потребность в любви, заботе, личных устремлениях и потребностях, что является естественными потребностями каждого человека и основой жизнедеятельности в любом развитом обществе. Семья – это политико-правовая и личностная ценность любой общественной формации [5; 6; 9; 13; 19; 20; 21; 29; 34; 50]. Что касается регулирования условий и порядка заключения брака, то в этой части семейное законодательство содержит достаточно традиционные для семейного права нормы, соблюдение которых обеспечивает юридическую силу брака, так как наличие условий и отсутствие препятствий для заключения брака обеспечивает его законный характер и порождает брачно-супружеское правоотношение.

Что касается России в целом, необходимо обратить внимание на негативный момент, проявляющийся в настоящее время: зафиксирован резкий рост количества разводов по отношению

к числу заключенных браков. Причем произошло это не по причине увеличения количества разводов – их число в 2016 году составило 608,3 тыс., что фактически соответствовало уровню 2015 года и даже немного ниже (в 2015 году зафиксировано 611,6 тыс. разводов). При этом, согласно данным Росстата, в 2016 году в России зафиксировано резкое снижение количества заключаемых браков – с 1161,0 тыс. в 2015 году до 985,8 тыс. – в 2016 году, что составило только 84,8% от предыдущего года [49].

Естественно, что такая статистика существенно ухудшила показатели так называемой «сохранности» браков – по данным 2016 года количество разводов составило 61,7% от общего количества заключенных браков. Хотя еще в 2015 году этот показатель разводов в России составлял 52,7%. Необходимо признать, что в целом количество разводов в России остается высоким, но ситуация несколько улучшилась по сравнению с наиболее демографически кризисными 2000-ми годами. Набольшее количество разводов тогда было зафиксировано статистикой в 2002 году – 853,6 тысяч или 5,9 разводов на 1 тыс. населения [49].

В настоящий момент времени в отечественной теории семейного права и российском законодательстве не существует общепринятого и легального понятия брака, единого толкования его сущности. Уяснение юридической природы данного социально-правового явления определяется спецификой той или иной отрасли права: гражданского, семейного, жилищного, права социального обеспечения. Отсутствие единого общепризнанного понятия брака, всецело определяющего разностороннюю сущность данного правового явления и полностью удовлетворяющего всем его аспектам, можно связывать с постоянным эволюционированием брака как социально-правового явления в разные исторические периоды, аккумулирующего в себя различные экономические, морально-нравственные, социокультурные и иные тенденции в российском обществе.

С древнейших времен и до конца X в. брачно-семейные отношения регулировались исключительно нормами обычного права. Понятие брака было сформулировано в «Кормчей книге»: «Брак есть мужеви и жене сочетание, сбытие во всей жизни, божественныя и человеческия правды общение» [31, стр. 226].

С момента Крещения Руси (988 г.) семья переходит под полное покровительство Церкви, которая проявляла свое особое влияние к повсеместному установлению канонов христианского брака. Данные обстоятельства с неизбежностью влекли необходимость признавать только те браки, которые были заключены в соответствии с нормами церковного права. С XII в. совершение брака должно было происходить в форме церковного обряда венчания и выдачи венчальной памяти, которая подтверждала законность факта брака. Таким образом, Церковь получила право регистрации всех актов гражданского состояния, чем подтверждала действительность данного союза, его общественное признание и юридическую защиту [26, стр. 33].

Обряд бракосочетания приобретает значение таинства и черты византийского права, что представляется вполне закономерным явлением для того периода. Православная Церковь установила пределы расторжения брачных уз, запретила многоженство, определила церковную форму совершения брака.

Как справедливо указывается в литературе, если обратиться к истории вопроса о заключении брака, необходимо отметить, что для заключения христианского брака необходимо было соблюдение целого ряда требований.

Важнейшим из них являлось достижение женихом и невестой брачного возраста, дающего им возможность на законных основаниях создать собственную семью [30, стр. 38].

В процессе своего поступательного развития, внутрисемейные отношения стали регулироваться «Домостроем» [11], составленным в XVI в. Как «Стоглав», так и «Домострой» закрепляли власть мужа над женой и отца над детьми. Устанавливалась общность имущества супругов, но закон запрещал мужу распоряжаться приданым жены без ее согласия [18, стр. 251].

В Древней Руси брачный возраст определялся исходя из норм византийского права, зафиксированного в сборниках законов Эклога и Прохирон, получивших распространение на Руси. Но в этих кодифицированных актах не было единства мнений по данному вопросу. Эклога устанавливала брачный возраст для юношей с 15 лет, для девушек – с 13. Согласно же нормам Прохирона, юноши могли вступать в брак по достижении 14 лет, девушки – 12 [54, стр. 45; 55, стр. 443]. Так как в последующий период нашей истории

брачным возрастом считались 15 лет для женихов и 13 для невест, то не будет ошибкой утверждать, что в Древней Руси духовенство, при разрешении подобных вопросов, опиралось преимущественно на нормы Эклоги [30, стр. 39].

В Древней Руси были достаточно распространены ранние браки. Как отмечается в науке, «ранние княжеские браки преследовали исключительно политические цели: укрепить мирные соглашения с соседями или расширить международные контакты, как, например, поступал Ярослав Мудрый, выдавая своих дочерей за представителей влиятельных домов Европы» [30, стр. 38].

Совместную жизнь таких детей-супругов, по справедливому мнению Д.Н. Дубакина, нельзя назвать супружеской в полном смысле этого слова. Все их отношения исчерпывались отношением к родителям или старшим членам той семьи, в которой они жили после вступления в брак [12, стр. 61]. Подобные ранние браки сохранялись на Руси продолжительное время. Даже в начале XV в. митрополит Фотий в своем послании в Новгород настоятельно приказывал, чтобы «не венчали девок менши двунацати лет, но венчайте, как на третьенацатое лето поступить» [35, стр. 275].

Установлено, что с развитием христианских ценностей в Древней Руси, вполне естественно, что церковь стремилась к внедрению в обществе христианского брака, основанного на строгом соблюдении всех условий и требований, необходимых для его заключения. Вместе с тем, лишь с возрастанием роли христианства на Руси условия заключения брака стали соблюдаться, однако не повсеместно. Для большинства представителей древнерусского общества они казались достаточно строгими и непонятными, что приводило к их нарушению.

Принцип добровольности вступления в брак получает правовое закрепление в ряде нормативных правовых актов, изданных в период правления Петра I. Ст. 12 Законов гражданских указывала: «…брак не может быть законно совершен без добровольного и непринужденного согласия сочетающихся лиц» [47, стр. 441]. Условием вступления в брак было согласие родителей, однако отсутствие такого согласия не влекло признания брака недействительным [37, стр. 69].

Указом от 6 апреля 1722 г. «Об освидетельствовании дураков» было запрещено вступать в брак с душевнобольными лицами из-за их неспособности к самостоятельному волеизъявлению. Вместе с этим, в том же году Сенат и Синод получили право расторгать браки, заключенные насильственно, и приказано вернуть «в мир» постриженных в монахини женщин. Постепенно шел процесс выравнивания статуса супругов, что впоследствии нашло отражение в «Табели о рангах», где было указано в ст. 7, что «замужние жены поступают в ранги по чинам мужей их» [51, стр. 445]. «Табель о рангах» Петра I тщательно исследуется в научной литературе [17].

Итак, Петр I в начале XVIII в. реформировал семейное право, закрепив добровольность брака; заключение брака с согласия родителей, начальства (для военных), хозяев (для крепостных); обязательный экзамен для дворян, вступающих в брак. Повысился брачный возраст – 21 год (мужчины), 17 лет (женщины). С 1721 г. допускались браки православных и не православных христиан (межконфессиональные браки были запрещены) [27, стр. 13]. Брак заключался при личном присутствии жениха и невесты, чему предшествовали «смотрины» и заключение соглашения о женитьбе. Тем не менее, обычаи не до конца утратили свое влияние на формирование норм семейного права. К примеру, это выражалось в традиции отдавать замуж дочерей в строгой очередности в зависимости от их возраста, причем если младшая дочь выходила замуж раньше старшей, то та, скорее всего, оставалась «старой девой». Положение женщины, так и не вышедшей замуж, было крайне тяжелым, с правовой точки зрения она была на полном обеспечении родителей, а впоследствии иных родственников, попадая в социально незащищенную категорию. Даже судебная практика волостных судов показывала, что оскорбление замужней женщины наказывалось строже, чем девушки, не состоящей в браке [23, стр. 273].

Указом Синода в 1744 г. стали запрещаться браки с лицами, которые старше 80 лет. Объяснялось это так: «…брак от Бога установлен для продолжения рода человеческого, чего от имеющего за 80 надеяться весьма отчаянно» [24, стр. 513].

Несмотря на проведенные реформы Петром I, социально-правовое положение женщины в обществе все же не претерпело серьезных изменений. Как уже указывалось, прежде чем заключить брак, как правило, устраивались смотрины, где

в первую очередь оценивалось здоровье будущей невесты, ведь в ее обязанности входило ведение хозяйства и рождение детей [15, стр. 14-15]. Сохранился также раздельный режим имущества супругов в браке, причем муж потерял право единолично пользоваться имуществом жены. Брачный возраст с 1830 г. повысился до 18 лет для мужчин и 16 лет для женщин. При сохранении личной власти мужа в семье она приобрела более цивилизованные формы. Так, с 1845 г. муж был не вправе подвергать жену физическому наказанию, как это было позволено делать ранее. Однако жена по-прежнему была обязана носить фамилию мужа и следовать его состоянию. Не допускалось ее отдельное проживание, соответственно, жена была обязана следовать за мужем [36, стр. 44]. В противном случае она могла быть водворена в дом мужа принудительно.

В процессе государственного реформирования семейного права нормы, касающиеся регулирования брачно-семейных отношений, стали накапливаться в различных нормативных документах. Это порождало бессистемность права, различного рода коллизии и пробелы, что в целом оказывало негативное влияние на систему российского права. Поэтому в первой половине XIX века М.М. Сперанским был подготовлен Свод законов Российской империи. Вполне естественно, что брачно-семейное правовое регулирование вошло в содержание данного кодифицированного акта [16].

В России дореволюционного периода в источниках права, направленных на правовое регулирование сферы брачно-семейных отношений правовая природа брака была не отражена в полном объеме, хотя имело место определение того, что следует понимать под браком, т.к. вопросы, связанные с заключением брака и ведением актов гражданского состояния, были подведомственны церкви.

Новый этап развития семейного законодательства, положивший начало изменений правового регулирования в брачно-семейной сфере, начался после революции 1917 года с выходом декрета «О гражданском браке, детях и о введении книг актов гражданского состояния» [2], согласно которому, единственной формой брака для всех россиян независимо от вероисповедания стало заключение гражданского брака в государственных органах. Брак, заключенный по религиозному обряду после принятия декрета, не порождал правовых последствий, а единственно законным признавался гражданский брак, зарегистрированный в государственных органах.

П.А. Муллов, применительно к возможности существования незарегистрированных союзов мужчины и женщины, отмечал: «Такой брак не только не допускался в самой Российской империи, но и Россия никогда даже формально не признавала гражданские браки, заключенные в странах, где они существовали» [28, стр. 25].

В дореволюционный период, вплоть до 1917 г., существовали ограничения относительно браков между представителями разных вероисповеданий, хотя процесс отделения семейного права от церковного был весьма ощутим.

Необходимо отметить, что в связи со сращиванием государственных и церковных структур Российской империи серьезных изменений в семейных правоотношениях и глобальной демократизации семейного законодательства не произошло [37, стр. 72].

Первыми законодательными актами советского периода по вопросам семьи и брака стали Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18.12.1917 «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 19.12.1917 «О расторжении брака», в соответствии с которыми теперь признавались только гражданские браки; светской и общедоступной устанавливалась процедура расторжения брака. Декреты полностью отстранили церковь от участия в регистрации актов гражданского состояния.

Применительно к советскому периоду развития брачно-семейных отношений, необходимо отметить, что в результате Октябрьской революции произошел переход к новым общественным отношениям. В целях урегулирования правовых отношений, вытекающих из брака, семьи и опеки на основе нового революционного быта, для обеспечения интересов матери и особенно детей и уравнения супругов в имущественном отношении и в отношении воспитания детей с 1 января 1927 года был введен в действие Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г., положения которого распространялись на лиц, состоящих в незарегистрированных фактических брачных отношениях.

Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. провозглашал укрепление советской семьи, всемерную охрану и поощрение материнства, обеспечение

счастливого детства.

Следует присоединиться к мнению О.Ю. Косовой, которая полагает, что «…советское право только лишь этап многовековой истории отечественного, а Российское государство возникло не в 1917 г. Действительная культура, не навязанная извне, а определяемая историческим путем развития народа, в том числе, правовая, невозможна без преемственности и сохранения культурных традиций. Тем более, что институт семьи, на котором строится общество, в интересах стабильного общественного развития не должен ни подвергаться «революционным» («контрреволюционным») изменениям, ни очевидным деформациям в угоду чьим-либо радикальным научным взглядам или политическим интересам» [22, стр. 133]. Справедливость данного вывода подтверждает многовековая история нашей страны [10].

В отличие от современного СК РФ в четвертой главе книги первой Свода законов Российской империи «О брачном союзе», «О правах и обязанностях, от супружества возникающих» [52] в п. 106, 107 устанавливается», что супруги должны любить друг друга.

Полагаем, что именно любовь мужа к жене и жены к мужу порождает брак, является основой заключенного брачного союза, что особо актуально для сегодняшней российской действительности. Любовь должна выступать и фактически становиться юридической квалификацией брака, из него вытекать, на ее основе и должны развивается супружеские отношения в браке.

Брак как общественный и социально значимый акт гражданского состояния являлся одним из самых сложных не только социокультурных, но и историко-правовых явлений. Являясь, с одной стороны, социально-экономическим явлением, брак, как правило, санкционировался обществом, с другой – являлся правовым институтом, благодаря которому возникали взаимные права и обязанности у супругов, гарантии их реализации, особый правовой режим у имущества как совместно нажитого, так и принесенного в виде приданого, а с третьей стороны, он весьма жестко контролировался и регламентировался православной церковью, что придавало ему черты религиозного института [32, стр. 39]. С данным суждением следует в полной мере согласиться.

К.П. Победоносцев справедливо указывал, что «семейственные отношения составляют основной элемент общественных, государственных отношений и сохраняют это свойство навсегда. В прочих юридических гражданских отношениях мы видим отношение лица к вещи или отношение к лицу по поводу вещи – имущество, собственность… Эти отношения несравненно в меньшей степени, чем все другие, поддаются и подлежат юридическим определениям: именно по своей цельности, именно потому, что в них много элементов, которых не может и не должно обнимать юридическое определение, как не может оно спуститься в глубину совести и нравственного чувства» [33].

В действующем законодательстве предмет правового регулирования брачно-семейных отношений обозначается семейным законом, в частности, СК РФ в ст. 2 определяет: семейное законодательство устанавливает порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами, а также определяет формы и порядок выявления, устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей. Как справедливо отмечается в литературе, данные проблемы должны быть урегулированы законом. В противном случае возможен хаос в межличностных отношениях.

Полагаем, что говорить о полном хаосе в регулировании брачно-семейных отношений не приходится. Вместе с тем, имеет место несогласованность норм семейного законодательства, отсутствие правового регулировании в отдельных сферах семейных отношений.

Сформулируем основные выводы.

1. Существенные изменения в отношении заключения брака, определения условий и препятствий к его совершению, произошли в эпоху Петра I, вследствие чего был повышен брачный возраст, запрещены браки с умалишенными и другие. В книге 10 Свода Законов Российской Империи «О правах и обязанностях семейных» внесены различные изменения и ограничения в отношении условий заключения брака.

2. Исследование генезиса правового регулирования брачно-семейных отношений в Древней

Руси и периода Российской империи указывает на тенденцию преобразования и трансформации правовых норм, регламентирующих данные общественные отношения, которые характеризуются постепенным отходом от религиозных канонов (сначала языческих, а затем и христианских) и замещением их светскими чертами, что неизбежно сказалось на правовом статусе семьи, брачно-семейных отношений и самих членов семьи. Несмотря на это, к началу XX в. по-прежнему в семейном законодательстве принцип равенства прав супругов не был закреплен. Положение замужней женщины характеризовалось полной зависимостью от мужа, который определял ее место жительства, являлся хозяином дома и главой семьи.

3. Брак между мужчиной и женщиной по своей правовой природе проявляется в различных трактовка: сделка, правоотношение, таинство и т.д. Полагаем оправданно и правомерно определять брак, в том числе, и как юридический факт-действие, влекущее возникновение брачно-семейных правоотношений между мужем и женой. Заключение брака, в соответствии с действующим гражданским законодательством, является актом гражданского состояния, т.е. действием, влияющим на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей супругов, характеризующим правовое состояние лиц, и подлежащим государственной регистрации, допустимым при наличии условий и отсутствии препятствий к заключению брака, установленных законом.

4. Право на семью и брак является личным неотчуждаемым правом, которое должно иметь как конституционное признание, так и государственное гарантирование. При защите субъективного права на семью и заключение брака, защите семьи как важного общественного (внеправового) субъекта отношений или социальной ценности следует учитывать принцип равенства прав и свобод граждан и причины создания семьи, поддержания или преобразования семейно-правового статуса.

5. Правовые вопросы необходимости укрепления института брака, законности его заключения, соблюдения условий должны решаться не только на законодательном, но, как представляется, и на социально-бытовом уровне.

6. На основе анализа норм законодательства в части института брака и субинститута заключения брака необходимо проведение ряда законодательных мер и юридических процедур, способствующих преодолению негативных тенденций в сфере реализации права на создание семьи и заключение брака.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 35. – Ст. 4811.
2. Декрет ВЦИК и СНК от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // Собрание узаконений РСФСР. – 1917. – № 11. – Ст. 160.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
4. Международный пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.
5. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России (общая историко-правовая характеристика) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 106-109.
6. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
7. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
8. Ананских И.А., Полугрудова Т.А., Семенова М.В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48) – С. 86-92.
9. Ананских И.А., Алборова А.Г., Кавшбая Л.Л., Романовская В.Б. Заключение брака по русским и абхазским обычаям XIX века (сравнительно-правовое исследование) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 81-95.

10. Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лябов А.О., Сальников М.В. Российское право. IX-XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.
11. Домострой. – Л.: Лениздат, 1992. – 144 с.
12. Дубакин Д. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления «Домостроя». – СПб.: Типография Р.Г. Елеонского, 1880. – 188 с.
13. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
14. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
15. Жиляева С.К. История призрения сирот в России как государственная проблема в XVIII веке // История государства и права. – 2010. – № 2. – С. 13-19.
16. Иконникова И.С. М.М. Сперанский в интерьере личной библиотеки и правовая жизнь российского общества // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 18-24.
17. Иконникова И.С. Табель о рангах Петра I и современное развитие идей императора // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 20-24.
18. История отечественного государства и права: Учебник. Ч. 1 / Под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юристъ, 2004. – 430 с.
19. Каймакова Е.В. Понятие и сущность принципов правового регулирования семейных отношений // Российское правосудие. – 2009. – № 5. – С. 42-50.
20. Квачадзе О.Б., Романовская Л.Р., Семенова М.В. Статус свободной женщины и детей в европейском средневековом городском праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 140-146.
21. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
22. Косова О.Ю. Семейный кодекс РФ и развитие семейного законодательства // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Право. – 2014. – № 2. – С. 130-137.
23. Красноперов В.В. Крестьянская женщина перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 1. – СПб., 1893.
24. Латкин В. Н. Учебник истории русского гражданского права периода империи. СПб.: тип. Монтвида, 1909. – 654 с.
25. Левушкин А.Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других государств – участников Содружества Независимых Государств: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2013.
26. Левченко Е.В. Становление принципов семейного права в контексте истории и теории Российского государства: системно-функциональный аспект // История государства и права. – 2014. – № 21. – С. 32-36.
27. Макеева О.А. Регулирование семейных отношений в России: исторические уроки и современные проблемы // История государства и права. – 2012. – № 3. – С. 12-14.
28. Муллов П.А. Как заключаются (иногда) сводные браки // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. – 1860–1861. – Кн. 1.
29. Никонов С.П. Семейное право в решениях волостного суда // Журнал М-ва Юстиции. – 1902. – № 10. – С.79-104.
30. Омельянчук С.В. Условия заключения христианского брака в Древней Руси // История государства и права. – 2011. – № 24. – С. 38-41.
31. Павлов А.С. Курс церковного права. СПб.: Лань, 2002. -384 с. – (Мир культуры, истории и философии).
32. Плоцкая О.А., Иванова Ж.Б. Матримониальные обычно-правовые нормы у коми и других северных промысловых народов России в XIX – начале XX в. // Семейное и жилищное право. – 2013. – № 2. – С. 39-42.
33. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть вторая: права семейственные, наследственные и завещательные. Классика российского права // URL:http://civil.consultant.ru/elib/books/16/page_1.html#4.
34. Романовская В.Б., Петикян С.Г., Семенова М.В. Заключение и расторжение брака по Судебнику астраханских армян XVIII века (страницы истории права) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 104-110.
35. Русская историческая библиотека. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (памятники XI – XV вв.). Т. 6. – СПб., 1880.
36. Савельев А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. – Н.Новгород, 1881. – 91 с.
37. Саенко Л.В. Охрана и защита семейных прав на постсоветском пространстве. Монография. М.: Русайнс,

2016. – 266 с.
38. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
39. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. - С. 11-15.
40. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
41. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
42. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
43. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
44. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
45. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
46. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
47. Свод законов Российской Империи: Свод законов гражданских: С примечаниями и ссылками на позднейшие узаконения и оглавлением. Т. 10: Ч. 1 – С.-Пб.: Рус. Кн. Товарищество «Деятель», 1912. – 441 с.
48. Соболевский А. Революция семьи не за горами // Московский комсомолец. – 2017. – 20 февраля.
49. Статистика браков и разводов в России за 2016 год по официальным данным Росстата // http://dos-news.com/lenta_novostei/statistika-brakov-i-razvodov-v-rossii-za-2016-god-po- oficialnym-dannym-rosstata.html.
50. Сэруа В.С., Семенова М.В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 111-116.
51. Табель о рангах 1722 // Хрестоматия по истории государства и права России: Учебное пособие для студентов вузов / Сост. Ю.П. Титов. –М.: Проспект, 1997.–472 с.
52. Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга первая. – М.: Статут, 2004. – 348 с.
53. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
54. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Пер., вступ. ст. и коммент. Е.Э. Липшиц. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1965. – 231 с. – (Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы).
55. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М.: Госюриздат, 1949. – 543 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ФИНАНСОВАЯ, ИНФОРМАЦИОННАЯ И ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

КЛИМЕНКО Оксана Алексеевна,
сотрудник факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (г. Орел, Россия)
E-mail: oksikgol@mail.ru

МИРЗОЕВ Ашурали Кенджаевич,
научный сотрудник Научно-исследовательского института Таджикского национального университета, соискатель кафедры теории и истории государства и права Таджикского национального университета (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: m.ashurali@mail.ru

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mail@tretyakov.su

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИНЦИПАХ

Аннотация. *Анализируется система правовых принципов обеспечения государственного суверенитета современной России. Рассматриваются различные подходы к пониманию права; приводятся конкретные примеры нарушения принципа верховенства российской Конституции в ряде республик в составе Российской Федерации. Отмечается, что несмотря на закрепление анализируемых принципов в Конституции РФ и их несомненную основополагающую социальную роль в функционировании и обеспечении суверенитета России теория и практика их реализации и эффективности весьма далеки от социальных ожиданий.*

Ключевые слова: *суверенитет; принципы права; Конституция Российской Федерации; Конституционный Суд; Конституции субъектов федерации.*

KLIMENKO O.A.
MIRZOEV A.K.
TRETYAKOV I.L.

THE STATE SOVEREIGNTY AND ITS MAINTENANCE: SOME REFLEXIONS ABOUT PRINCIPLES

The summary. *The system of legal principles of maintenance of the state sovereignty of modern Russia is analyzed. Various approaches to understanding of the right are considered; concrete examples of infringement of a principle of leadership of the Russian Constitution in a number of republics as a part of the Russian Federation are resulted. It is noticed, that despite fastening of analyzed principles in Constitutions of the Russian Federation and their doubtless basic social role in functioning and maintenance of the sovereignty of Russia the theory and practice of their realisation and efficiency are rather far from social expectations.*

Key words*: the sovereignty; right principles; the Constitution of the Russian Federation; the Constitutional Court; Constitutions of subjects of federation.*

Принципы права в юридической литературе понимаются по-разному [126]. Одни авторы полагают, что под принципами права традиционно следует видеть основополагающие идеи, руководящие начала, характеризующие единство и основные тенденции развития правовых норм, регулирующие данную сферу общественных отношений. Они отражают объективно сложившиеся закономерности развития общества, вытекают из содержания политики государства и представляют обобщенную характеристику отрасли права [55, стр. 35-37]. Другие авторы в качестве принципов права признают закрепленные законом или общепризнанные обязательные установления и нормы, которыми следует руководствоваться в познании и в практике любой деятельности [159, стр. 4-5]. Некоторые исследователи фактически отождествляют принципы права и принципы науки, считая, что и те и другие выражают собой наиболее общие требования, правила познания и социальной практики независимо от их какой-либо области [82, стр. 585].

Следует согласиться, что принципы права и принципы науки совпадают в том смысле, что само право и его принципы представляют собой определенный процесс познания социальной действительности, общественных процессов и процесс познания действительности отражает как саму действительность, так и практику ее преобразования, то есть правовую реальность [21; 44; 115; 144]. И само право является наукой, которая, как и любая наука, имеет единые принципы познания. Поэтому толкование принципов права как общих начал, требований к познанию соответствует общепризнанному диалектико-материалистическому пониманию познания и практики.

В то же время принципы любой науки и любого вида практики, в том числе правовой реальности, нельзя отрывать от ее предмета. Между предметом и принципами конкретной науки существует глубокая взаимосвязь: нельзя уяснить предмет науки, не понимая ее принципов, и, наоборот, нельзя анализировать принципы науки, не обсуждая ее предмета. К самому предмету науки следует подходить диалектически, то есть с точки зрения концепции его развития. Это значит, что понятие о предмете науки должно быть развито путем анализа, прежде всего принципов диалектики, общенаучных принципов и принципов данной науки [36, стр. 13]. Принципы данной науки отражают ее предмет, его сущность. Они являются развитием, конкретизацией и дополнением принципов диалектики, с одной стороны, и отражением специфики предмета познания данной науки – с другой. Это в полной мере относится и к принципам права.

С этих позиций весьма показателен подход к пониманию принципов права авторов трехтомного учебника «Теория государства и права», изданного под редакцией Р.А. Ромашова и В.П. Сальникова. Они пишут: «Принципы права – это основные исходные начала, положения, идеи, выражающие сущность права специфического социального регулятора. Принципы права выражают главное, основное в праве, тенденции

его развития, то, на что право должно быть ориентировано, устремлено.

Принципы выражают закономерности права, его природу и социальное назначение, представляют собой наиболее общие правила поведения, которые либо прямо сформулированы в законе, либо выводятся из его смысла» [147, стр. 20].

При этом исследователи солидаризируются с позицией классика советского права, профессора П.Е. Недбайло, который полагал, что принципы права, с одной стороны, выражают объективные свойства права, обусловленные закономерностями развития общества, всей системой исторически присущих ему интересов, потребностей, противоречий и компромиссов различных классов. Да и не только классов, но и разных групп и слоев населения. В принципах права, с другой стороны, представлено его субъективное восприятие субъектами общественных отношений: их нравственные и правовые взгляды, чувства, требования, которые выражаются в разнообразных учениях, доктринах, теориях, концепциях и направлениях понимания права. Следовательно, принципы права выступают с учетом как единства, так и особенностей двух отмеченных сторон, с учетом устоявшегося в философской и юридической науках общего представления об объективном и субъективном в праве [112, стр. 14].

Профессор П.Е. Недбайло сформулировал свою позицию, как бы подводя итоги той дискуссии, которая велась в научной юридической литературе в 70-х годах XX века. Здесь же представлена его прозорливость о том, что процесс понимания и восприятия принципов права, как и самого права, бесконечен, ибо бесконечно развитие любого общества, возникновение интересов, потребностей, противоречий и компромиссов классов [95; 97], да и не только классов, но и других групп и слоев населения. И безусловно прав П.Е. Недбайло о субъективности восприятия права и его принципов членами общества. В этом бесконечность восприятия проявляется особенно наглядно и ярко.

П.Е. Недбайло по существу предрекал необходимость периодической дискуссии о принципах права и его сущности, ее неизбежность. Он, конечно, был прав и тогда, когда писал о необходимости подхода к принципам права с учетом самих представлений о праве. Скажем, исследование объективного и субъективного права, предпринятое профессором Л.С. Явичем, повлекло за собой и коррекцию в понимании принципов права [170; 171].

В общем-то дискуссия о понимании права и его принципах велась в юридической науке постоянно. В советском правоведении она порой приобретала завуалированный характер. В новой России дискуссия разгорелась как костер и выплеснулась на страницы многих авторитетных журналов и других научных изданий, захватила известные научные учреждения. Достаточно вспомнить хотя бы рассуждения об интегративном понимании права [40; 41; 87; 93; 94; 105; 113; 119; 129], которые ведутся вот уже где-то лет тридцать пять. И что интересно, накал дискуссии не ослабевает.

В качестве примера можно сослаться на рассуждения, проведенные совсем недавно в рамках круглого стола на тему «Интегративное понимание права» в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Им предшествовала публикация многих статей авторитетных российских ученых по интегративному правопониманию (В.Г. Графский, В.В. Ершов, С.И. Захарцев, В.Н. Карташов, И.Ю. Козлихин, В.В. Лапаева, А.В. Поляков, Р.А. Ромашов, В.М. Шафиров и др.) [51; 56; 59; 88; 92; 106; 118; 128; 165], но особенно двух непримиримых статей профессора В.В. Лазарева «Интегративное восприятие права» [104] и профессора А.Ф. Черданцева «Интегративное недопонимание права» [160], а также альтернативной им статьи В.П. Сальникова и С.И. Захарцева «Об интегративном правопонимании в контексте компрехендной теории права» [69], в которой сформулирована идея объединения усилий указанных выше двух казалось бы непримиримых подходов к пониманию права.

Суть компрехендного исследования права заключается в его всеохватывающем изучении [62; 73; 76; 77]. Выдвинув доктрину компрехендного понимания права, авторы обосновали ее в нескольких монографиях [60; 75] и множестве научных статей [61; 64; 65; 66; 68; 70; 74]. К праву они подходят как к бриллианту. А бриллиант, как известно, насчитывает не менее 57 граней, так вот и у права, полагают мыслители, граней не меньше. Грани у права в их интерпретации неоднозначны. Неверно будет воспринимать право как идеал. Оно идеалом не является, и вряд ли им когда-либо станет. Право,

по мнению В.П. Сальникова и С.И. Захарцева, включает в себя как положительное, так и отрицательное. Оно может быть и бессмысленным, и несправедливым, и неразумным [67; 71; 72]. И это все грани права. Для того, чтобы понимать его сущность, эти грани также необходимо видеть и учитывать.

В частности, исследователи пишут: «Нам право видится большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, немало (позитивистская, естественная, договорная, психологическая, историческая, социологическая и т.д.). Однако их и не так много, как граней бриллианта.

Наши исследования позволили нам высказать предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительным для нас всех.

Отсюда вопрос: если мы объединим все, что нам известно сейчас о праве, мы получим нечто большее и всех устраивающее? Судя по всему – нет. Пока мы лишь дошли до понимания того, что нельзя останавливаться только на одной концепции права, пытаться «делать» ее господствующей, главной. Надо стремиться объять право целиком, изучать право всеохватывающе. Такой компрехендный подход (от латинского Comprehendo – всеохватывающий) к изучению права в данном случае является наиболее подходящим» [63, стр. 12].

В.П. Сальников и С.И. Захарцев полагают, что выдвинутый ими компрехендный подход к праву все чаще и чаще используется учеными, порой даже неосознанно. Он по существу реализуется на практике.

В крайние годы заметно активнее появляются идеи у представителей новаторской юридической науки, которые выявляют новые, ранее неизвестные грани права. Так, профессор Ф.Х. Галиев обосновал подход к пониманию права через синкретизм современной правовой культуры [42; 43; 45; 46; 47; 49]. По мнению ученого, невозможно понять право без его единения с другими социальными регуляторами. Право неразрывно связано и постоянно взаимодействует с моралью, традициями, обычаями, религиозными постулатами, корпоративными правилами и т.д. Совместно с ними оно определяет сознание и деятельность людей.

На поведение человека влияют соединенные с правом все социальные нормы. И это было всегда, на протяжении многих исторических эпох. «Относительно России, – *замечает Ф.Х. Галиев,* – это прежде всего, VIII–IX вв., когда начинают появляться государственные структуры, формируются конкретные запреты, дозволения и обязывания. Они, с одной стороны, присущи правовой норме, ибо нормы права и запрещают, и разрешают, и обязывают. С другой стороны, эти же моменты мы обнаруживаем и в содержании норм других социально-регулятивных систем: морали, религии, этики, традиций, обычаев и т.д. Во-вторых, – *пишет он,* – это X-XIII вв., когда государствообразующие структуры начинают обеспечивать определенную часть социальных норм принудительной силой государства, превращая их в норму права. При этом никто не отменяет нормы других регулятивных систем. С появлением государства появляется закон, регулирующий наиболее важные общественные отношения, менее важные отношения оптимизируются другими социальными нормами. Правовую норму начинает поддерживать принудительная сила государства, а все остальные нормы продолжает контролировать общественное мнение. В-третьих, это XIV-XVIII вв., когда государство начинает создавать свои правовые нормы и нормативно-правовые акты. При этом часть общественных отношений,

например, семейно-брачные отношения, регулируется нормами религиозного права. Общинно-вечевой способ управления государством поддерживался самоуправлением и самодеятельностью народа и сопровождался нормами обычного права и государственно-политических обычаев. В-четвертых, это XIX-XX вв., когда в государстве формируется собственная правовая система, которая тоже не игнорирует воздействия на общественные отношения требований других социальных норм. В истории нашего государства это появление Полного собрания законов и Свода законов Российской Империи в XIX в., создание новой правовой системы после 1917 г. В-пятых, это 1990-е годы, когда государство на основе Конституции 1993 года начинает превращаться в правовое государство с присущим ему гражданским обществом, в котором наряду с правовым решением социальных вопросов большое внимание уделяется правам и свободам граждан, а также духовно-нравственной стороне во взаимоотношениях людей. В современных условиях правовая норма не дистанцируется от других социальных норм» [48, стр. 23-24].

На каких-то этапах истории, как справедливо отмечает Ф.Х. Галиев, право в своем совместно с другими нормами влиянии на поведение человека преуспевало, а на каких-то отодвигалось, например, религией, на второстепенную роль.

«В современном мире, – *по мнению ученого,* – сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей» [48, стр. 12].

Конечно, в своем творчестве Ф.Х. Галиев показывает новую сторону (или грань, по В.П. Сальникову и С.И. Захарцеву) права. Ранее она (эта грань) оставалась в стороне от понимания ученых, анализирующих принципы права и его сущность.

Интересна и позиция В.М. Шафирова, который к пониманию права предлагает подходить через Конституцию. Он видит Конституцию не как основной закон государства, а как феномен, по его мнению, находящийся над законом. «Конституция олицетворяет собой, – *по выражению В.М. Шафирова,* – акт народоправия (референдума), воплощающий в себе достижения отечественной и мировой цивилизации и культуры. Если сказать образно, то она представляет собой светскую «правовую Библию» свободы и справедливости в обществе» [164, стр. 2].

По мнению профессора В.М. Шафирова, «Конституция закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа). Это сформулировано следующим образом: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 17); «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). [164, стр. 2].

Наиболее рельефно данная позиция была изложена ученым на конференции «Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности», которая состоялась в Санкт-Петербурге 20-22 мая 2016 года [163].

В завершение своих размышлений профессор В.М. Шафиров подытоживает: «Таким образом, верховенство права (его высший уровень) есть верховенство Конституции. Это обеспечивает правовой суверенитет как внутри страны, так и за ее пределами. Закрепленная в Конституции модель понимания права органично соединяет в себе естественное и позитивное начала, содержание и форму права, положительные (правовые льготы, поощрения) и негативные (меры правового принуждения) средства обеспечения права. Думается, сам факт (до конца еще недооцененный и нераскрытый) официального нормативного закрепления в Российской Конституции современной доктрины правопонимания – это уникальное, прогрессивное историческое событие, имеющее огромное значение не только для отечественной, но и мировой юридической науки и практики» [164, стр. 4].

С позиций компрехендного подхода к праву интересны и идеи Ю.П. Боруленкова [30; 31; 32; 33; 34; 35], свидетельствующие об исследовании понимания права через возможности юридической герменевтики [18; 107; 116; 168].

Имеются и иные новаторские, ранее неизвестные взгляды на понимание права, которые укладываются в компрехендную

доктрину В.П. Сальникова и С.И. Захарцева.

Принципы права выражают процесс познания права, как единого целого, так и отдельных его отраслей. Они как бы помогают познать право. Принципы права придают содержанию теории права характер единого целого, превращают множество категорий, понятий и норм права в стройную систему. Поэтому следует согласиться с тем, что общая теория права признает наличие трех уровней правовых принципов: общеправовых, межотраслевых и отраслевых. Как правило, общеправовые принципы преломляются в отраслевых и реализуются через нормы данной отрасли. Общеправовые принципы по своей сущности являются преломлением принципов диалектики, среди которых ключевыми являются принципы связи, развития, объективности, всесторонности, конкретности, единства теории и практики. К числу общеправовых принципов следует отнести: принцип равноправия граждан, принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод гражданина, принцип социального государства, принцип гуманизма и справедливости. Все они закреплены в Конституции Российской Федерации (статьи 19, п. 1; 17, п. 1; 2; 7; 45, п. 1; 49- 54).

Об этом пишут и авторы уже упомянутого учебника «Теория государства и права». В частности, среди общеправовых принципов они выделяют:

- справедливость;
- формально-юридическое равенство граждан;
- гуманизм;
- демократизм;
- единство прав и обязанностей;
- сочетание убеждения и принуждения.

При этом подчеркивают, что «названные принципы действуют во всех без исключения отраслях права [147, стр. 21]. И акцентируют внимание на позиции профессора М.И. Байтина по этому вопросу.

М.И. Байтин общеправовые принципы подразделял на морально-этические (или нравственные) и организационные. По его мнению, первые создают нравственную базу права, его духовную основу и прямо определяют нормативное содержание права. Они олицетворяют естественные законы, определяющие основные фундаментальные права человека и гражданина, представленные во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и углубляющих ее иных международных и внутригосударственных нормах, в том числе и нашей действующей отечественной Конституции. К ним ученый относит: свободу, равенство, право на жизнь, право частной и других форм собственности, безопасность, достоинство, справедливость, семью, народ как источник власти, человека – высшую ценность, охрану прав человека – цель и обязанность государства.

Организационные принципы, выступая в качестве второй группы, по мнению М.И. Байтина тесно связаны с нравственными (первая группа) и выступают в качестве организационно-процедурной основы права, ориентированной на обеспечение его роли как специфического государственного регулятора общественных отношений. Они также ориентированы на выполнение правом его специфических юридических функций. В качестве организационных принципов отечественного права исследователь называет: федерализм, законность, сочетание убеждения и принуждения, стимулирование и ограничения в праве [19, стр. 125-133].

Что касается функций права, то детальную разработку их можно найти в творчестве профессора Т.Н. Радько [121; 122; 123; 124; 125].

Внимательно ознакомившись с позицией авторов учебника под редакцией Р.А. Ромашова и В.П. Сальникова, и мнением профессора М.И. Байтина, можно заметить, что в основе обе позиции имеют больше солидаризирующих элементов, чем разъединяющих их взгляды. В своей основе во многом они едины, и мы их поддерживаем.

Характерным примером общеправового принципа права, прослеживающихся в обоих приведенных позициях, является конституционный принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Как общеправовой принцип он реализуется в области социальной защиты путем возникновения прав граждан на основании закона, отсутствия зависимости их объема и реализации от усмотрения должностных лиц и государственных органов; через возложение на государство обязанности развивать и защищать основные социальные гарантии населения [50].

Существенным подспорьем для граждан является установление возможности судебного порядка разрешения споров, связанных с не предоставлением социальных гарантий. Важным

представляется и периодическое индексирование минимального гарантированного размера оплаты труда, который является базой для подсчета сумм многих выплат и пособий.

Однако все вышеизложенное относится к формальной стороне проблемы. В действительности реализация гражданами своего права имеет смысл не только как действие, но и как результат, при котором достигается ожидаемый эффект. Конституция зафиксировала, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, что каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту (Конституция Российской Федерации, статьи 18, 38-39) и другие положения. С другой стороны, в основу многих расчетов положен минимальный размер заработной платы, который оказался гораздо ниже прожиточного уровня. Кроме того, многомесячные задержки выплат пенсий и пособий, которые наблюдались совсем недавно, прекращение строительства муниципального жилья и многие другие реалии нашего времени прямо указывают на отступление от принципа гарантированности прав граждан.

Межотраслевые принципы права отражают наиболее существенные черты нескольких отраслей права. К ним принято относить:

- принцип неотвратимости юридической ответственности;
- принцип состязательности и гласности судопроизводства;
- презумпция истинности судебного решения;
- принцип недопущения обратной силы закона.

Если принципы характеризуют лишь одну отрасль права, то они определяются как отраслевые. Следовательно, каждая отрасль права имеет свои принципы. Например:

- принцип равенства сторон в имущественных отношениях – в гражданском праве;
- принцип имущественного равенства супругов – в семейном праве;
- презумпция невиновности – в уголовном процессе [147, стр. 21-22].

Отраслевые принципы разрабатываются представителями той науки, к которой они относятся. В качестве примера можно привести работы И.А. Антонова, И.Н. Кондрата, Г.П. Химичевой и С.М. Прокофьевой как представителей науки «Уголовный процесс», разрабатывающих принципы именно данной отрасти права [16; 22; 99; 100; 101; 102; 120; 157].

К группе отраслевых принципов можно отнести принцип обеспечения за счет государственных и общественных фондов, принцип гарантированного соответствия размеров обеспечения сложившемуся уровню потребностей и возможностей государства, а также иные принципы, в той или иной степени, относящиеся к институту социально-правовой помощи и защиты граждан.

Общеправовой принцип признания, соблюдения, реализации и защиты прав и свобод человека имеет непосредственное отношение как к сущности, понятию, так и к принципам, выражающим сущность и механизм укрепления суверенитета. И еще раз следует указать, что абсолютизация приоритета указанного принципа, его главенство над принципом суверенитета на практике означало бы, и в ряде случаев означает не укрепление суверенитета государства, а, наоборот, его ослабление. По отношению к суверенитету и принципам его укрепления указанный принцип относится как общее и особенное, где особенным является вышеназванный принцип, то есть принцип признания, соблюдения, реализации и защиты прав и свобод человека, а общеправовым и универсальным принципом является принцип формирования и укрепления суверенитета государства, в частности суверенитета Российской Федерации.

Хотя действительное соотношение и взаимодействие указанных принципов является диалектическим, то есть более сложным и многоуровневым процессом, вбирающим в себя как единство указанных принципов, их известную однопорядковость, так и их противоречие. Единство этих принципов заключается в их принадлежности к единой системе – системе принципов правового и социального государства, закрепленных в Конституции РФ (статьи 2, 7). Их противоречие состоит в том, что это – различные по своей сущности и социальной роли принципы. Они постоянно взаимодействуют друг с другом. Подлинный суверенитет государства невозможен без соблюдения и реализации принципа признания, соблюдения, реализации и защиты прав и свобод человека. И в то же время только суверенитет государства позволяет обеспечить соблюдение и претворение в жизнь принципа признания, соблюдения, реализации и защиты

прав и свобод человека и гражданина [17; 39; 90; 110; 167].

Приведенный пример позволяет определить и сущность суверенитета как самостоятельного конституционного принципа государственного строительства, становления и формирования государства, так и принципов процесса формирования, функционирования и укрепления этого суверенитета. Последние принципы являются ничем иным, как принципами обеспечения суверенитета.

Принципы обеспечения государственного суверенитета – это общепризнанные юридической наукой, теорией и практикой национального и международного права единые и общие начала, требования к признанию, правовому регулированию правового статуса и механизму функционирования и укрепления территориальной целостности, самостоятельности и независимости государства. Существенными признаками указанного понятия являются единство онтологического, гносеологического и теоретико-практического аспектов суверенитета как определенного правового статуса государства, как объекта его познания и механизма реализации. К числу этих признаков относятся также признание суверенитета как строго определенного правового статуса государства, выражающего характер и сущность власти в нем, отношения с обществом, с основными социальными общностями, функционирующими в государстве, с гражданами, равно как и отношения государства и государственной власти на международной арене. Нормативно-правовой характер, совокупность, множественность, внутренняя связь и определенная логика взаимосвязи принципов суверенитета – существенные составляющие понятия принципов обеспечения суверенитета. Сюда же относятся сложность и иерархичность указанных составляющих, в своей совокупности образующих систему таких принципов.

С учетом изложенного система принципов обеспечения государственного суверенитета включает совокупность, единство, целостность, последовательность и соподчиненность следующих основных элементов:

- принцип признания и понимания суверенитета как строго определенного правового статуса государственной власти, государства, выражающего верховенство власти, территориальную целостность, самостоятельность и независимость государства в его отношениях с его гражданами внутри данной страны и в отношениях на международной арене;
- принципы суверенного равенства, взаимного уважения государственного суверенитета, невмешательство государств во внутренние дела друг друга;
- принцип единства и неделимости суверенитета, означающий верховенство воли и деятельности господствующей социальной силы (или сил, социальных общностей) в управлении делами общества и государства;
- народность суверенитета, то есть признание и реализация на практике воли и интересов народа как единственного носителя и источника власти, суверенитета государства и его реального гаранта;
- принцип оптимального сочетания коренных интересов и воли господствующей социальной силы (сил), народа и его основных социальных составляющих – ведущих социальных общностей и политических движений;
- принцип целостности и неделимости территории государства, означающий единство и распространение власти на всей территории данного государства, недопустимость расчленения его жизненного пространства;
- принцип нерушимости границ государства, выражающий строгую и четкую правовую и географическую фиксацию его границ, их всестороннее оборудование и обеспечение, а также защиту от возможных нарушений;
- принцип твердости, непоколебимости и защиты суверенитета государства, укрепление его общей и военной мощи.

Раскроем указанные принципы в их проявлении в реальной действительности современной Российской Федерации и зарубежных стран с учетом оценок реализации этих принципов в отечественной и зарубежной научной литературе.

Принцип признания и понимания суверенитета как строго определенного правового статуса государственной власти, государства – основополагающий и исходный конституционный принцип государственности Российской Федерации. Он закреплен в Конституции Российской Федерации и включает официальное признание многонационального народа России как носителя

суверенитета и единственного источника государственной власти. ***Носителем*** суверенитета и ***единственным источником*** власти в российской Федерации, – говорится в Конституции, – является ее многонациональный ***народ***. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону (Конституция РФ, статья 3).

Названный принцип имеет объемное и глубокое содержание. Помимо официального декларирования суверенитета государства он предполагает:

- верховенство и распространение государственной власти, законов государства, Конституции РФ на всю территорию страны, целостность и неприкосновенность территории России (Конституция РФ, статья 4);
- целостность и единство системы государственной власти, единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, равенство всех форм собственности (частной, государственной, муниципальной и иных форм) (Конституция РФ, статья 5);
- разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, самостоятельность каждой ветви власти (Конституция РФ, статья 10);
- плюрализм идеологии, отрицание какой-либо государственной идеологии, политическое многообразие и многопартийность (Конституция РФ, статья 13);
- признание высшей юридической силы Конституции РФ, ее прямое действие и применение на всей территории Российской Федерации (Конституция РФ, статья 15).

Что касается принципа плюрализма идеологии и отрицания идеологии государственной, то по этому вопросу все чаще звучат голоса, предполагающие возможность существования позиции государства в условиях плюрализма идеологии. Ситуация, когда мы отказались от государственной идеологии и ничем ее не заменили, привела к идеологическому вакууму, который моментально заполнился чуждыми российским людям и нашим традициям западными псевдоценностями [14; 15; 57; 83; 84; 133; 142; 143; 162]. В научной юридической литературе все чаще звучат голоса о необходимости противопоставления указанным тенденциям наших отечественных ценностей, воплощенных в том числе и в государственно-правовой идеологии [127; 131; 132; 135; 136; 137; 138; 139; 141; 155; 156].

Принцип народовластия – ключевой принцип, выражающий сущность (и понятие) суверенитета. Он выражает верховенство и распространение государственной власти, законов государства, Конституции РФ на всю территорию страны, целостность и неприкосновенность территории России. Сущность этого принципа – ***властное верховенство***, то есть верховенство власти государства, народа, нации как единой системы власти. Это означает, что все конституционные правомочия государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) в Российской Федерации исходят от народа через его свободно выражаемую волю... Народ выступает как носитель власти как минимум на трех уровнях: как многонациональный народ всей России, как народ (возможно, также многонациональный) каждого из субъектов Российской Федерации и как народ (население) территориальных единиц, где действует местное самоуправление [98, стр. 22-23].

Существенным самостоятельным аспектом принципа народовластия является верховенство Конституции Российской Федерации и федеральных законов на всей территории Российской Федерации (Конституция РФ, статья 3 п. 1). Некоторые авторы считают норму Конституции о верховенстве Конституции и федеральных законов РФ на территории страны как юридическим выражением суверенитета [24, стр. 8]. Такая трактовка указанной нормы вызывает некоторое сомнение. Когда употребляют понятие «выражение суверенитета», то имеют в виду юридическую (правовую) природу суверенитета. Но юридическая сущность суверенитета выражена не только и не столько в данной норме Конституции РФ. Она заключена во всех нормах Конституции, в которых определяются те или иные стороны (принципы) суверенитета.

Фактически в указанной норме говорится о неделимости и исключительности суверенитета власти Федерации по отношению к пределам властных полномочий власти её субъектов. И авторы, анализирующие проблемы централизма и федерализма РФ, основательно указывают на противоречия в правовом регулировании соотношения пределов и предмета ведения Федерации и её субъектов [24, стр. 16, 21].

Нечеткость, непоследовательность и противоречивость правового регулирования суверенитета РФ, в том числе в разграничении предметов ведения Федерации и её субъектов, в определении их правового статуса и правосубъектности, а также ряда других существенных моментов, непосредственно выражающих отношения между Федерацией, её субъектами, а также их отношения с другими государствами, обусловленные скоропалительными и непродуманными заявлениями бывшего первого президента РФ вроде известного изречения «берите суверенитета столько, сколько хотите», вызвали так называемый «парад суверенитетов». Некоторые субъекты, а точнее их лидеры, стремившиеся любыми способами и средствами укрепить свою власть или преследовавшие цели, весьма далекие от интересов РФ, увлеклись настолько, что в своих конституциях вступили в прямое противоречие даже с нормами Конституции РФ.

В Конституции Республики Башкортостан ранее было записано: «Республика Башкортостан есть суверенное демократическое государство. – …Носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в Республике Башкортостан является ее многонациональной народ» [5, ст. I. ч. 1, ст. 3, ч. I]. Буквальное толкование этих статей, закрепляющих суверенитет Башкортостана, не соответствует ч. 3 ст. 5 и ч. 1 ст. 4 Конституции Российской Федерации.

Конституция Республики Татарстан гласила: «Республика Татарстан самостоятельно определяет свой государственно-правовой статус. … Законы Республики Татарстан обладают верховенством на всей ее территории, если они не противоречат международным обязательствам Республики Татарстан. … – Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения» [11, ст. 59, 61].

Еще дальше от Конституции России отходила Конституция Республики Тыва: «Республика Тыва – суверенное демократическое государство в составе Российской Федерации, имеет право на самоопределение и выход из состава Российской Федерации путем всенародного референдума Республики Тыва. – Республика Тыва признает свое нахождение в составе Российской Федерации на основе Федеративного договора и договорных отношений как в Федеративном, демократическом правовом государстве, признающем и поддерживающем Декларацию о государственном суверенитете Республики Тыва, ее право на самоопределение» [12, ст. 1-2].

Ряд республик допускали изменения своего государственно-правового статуса и территории путем референдума [6, ч. 4 ст. 60]. В своих конституциях объявили себя суверенными государствами Дагестан [7, ст. 1], Саха (Якутия) [10, ст. 1], Ингушетия [8, ст. 1]. В Конституции Карелии был провозглашен «экономический суверенитет» [9, ст. 3]. Правительство Москвы заявляло, что не будет выполнять решение Конституционного Суда от 2 февраля 1998 года о порядке регистрации граждан по месту жительства и не отменит меры, которые сохраняют разрешительный характер регистрации [3]. Татарстан и Якутия объявляли себя зонами, свободными от оружия массового поражения.

Один из функционеров Государственной Думы II созыва А.Н. Аринин в 1997 году насчитал, что «из 21 республики Федерации 19 имеют конституции, противоречащие Конституции РФ» [38, стр. 187].

Учитывая сложившуюся в России ситуацию с «парадом суверенитетов», Президент В.В. Путин был вынужден издать указ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [2], на которых была возложены следующие задачи:

- организация в соответствующем федеральном округе работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом Российской Федерации;
- организация контроля за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти;
- обеспечение реализации в федеральном

округе кадровой политики Президента Российской Федерации;

- представление Президенту Российской Федерации регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе, а также о политическом, социальном и экономическом положении в федеральном округе, внесение Президенту Российской Федерации соответствующих предложений [80; 81].

Полномочные представители Президента за период существования федеральных округов проделали очень большую работу по укреплению вертикали власти и обеспечению исполнения федеральных законов на всей территории России [28; 29; 86; 103; 161].

Администрации полномочных представителей Президента пришлось очень серьезно потрудиться, чтобы привести в соответствие Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству нормативно-правовые акты субъектов федерации, добиться такого положения дел, чтобы не только Конституции республик Федерации соответствовали федеральной Конституции, но и другие акты, принимаемые на местах, соответствовали предмету ведения и полномочиям субъектов федерации, не противоречили федеральным законам. Данная работа проводилась системно и целенаправленно, длительное время и последовательно, можно даже сказать поэтапно, в несколько «заходов». Направления отрабатывались одно за другим, порой с некоторой корректировкой по существу и времени. Данная деятельность заняла несколько лет. Некоторые рецидивы «парада суверенитетов» проявляются и по сегодняшний день.

Важную роль в этой деятельности сыграл Конституционный Суд Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ в ряде своих определений, связанных с проблемами суверенитета и предмета ведения субъектов РФ, однозначно указывал на несоответствие указанных положений конституций названных субъектов Федерации, казалось бы, поставив точку в тенденции «парада суверенитетов».

Но, несмотря на это, она, эта тенденция, в видоизмененных формах сохранялась в стремлении некоторых лидеров субъектов Федерации не признавать решения Конституционного Суда, который также иногда занимал в этом плане не очень четкую и недостаточно последовательную позицию. Характерным в данном отношении являются некоторые постановления и определения Конституционного Суда.

Один из таких документов мы решили привести в данной статье, несмотря на его достаточно большой объем. Так, в одном из определений Конституционного Суда Российской Федерации читаем:

«1. Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе на основании статьи 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с ходатайством об официальном разъяснении направленного ему в порядке официальной рассылки определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 92-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан. В ходатайстве указывается, что ряд положений конституций республик в составе Российской Федерации, признанных Конституционным Судом Российской Федерации утратившими силу и не подлежащими применению как не соответствующие Конституции Российской Федерации, тем не менее продолжают действовать: так, в Конституции Республики Башкортостан (в редакции Закона Республики Башкортостан от 3 ноября 2000 года) и Конституции Республики Татарстан (в редакции Закона Республики Татарстан от 19 декабря 2000 года) содержатся нормы, закрепляющие суверенитет (государственный суверенитет) республики и принадлежность ей всей полноты высшей (т.е. верховной) власти на своей территории. Кроме того, как утверждает заявитель, некоторыми субъектами Российской Федерации не признается обязанность на основании части второй статьи 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» устранять из действующей нормативно-правовой системы положения, такие же, как признанные Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации. В связи с

этим полномочный представитель Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе просит разъяснить: существует ли необходимость какого-либо – дополнительно к решению Конституционного Суда Российской Федерации – судебного решения (в частности, суда общей юрисдикции), еще раз подтверждающего наличие в законодательстве субъекта Российской Федерации норм, не подлежащих применению как не соответствующих Конституции Российской Федерации; возможно ли в отношении высших должностных лиц, законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации применение мер ответственности, указанных в Федеральном законе от 6 октября 1999 года «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в редакции от 29 июля 2000 года), в связи с непринятием мер по отмене норм конституций республик в составе Российской Федерации, признанных Конституционным Судом Российской Федерации утратившими силу и не подлежащими применению, и каков порядок возложения такой ответственности; с какого момента наступает их обязанность по исполнению решений Конституционного Суда Российской Федерации и с какого момента возможно их привлечение к ответственности за неисполнение этой обязанности.

2. По смыслу статьи 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», официальное разъяснение решения Конституционного Суда Российской Федерации дается самим Конституционным Судом Российской Федерации в пределах содержания разъясняемого решения и не должно являться простым его воспроизведением, равно как и воспроизведением положений законодательства, т.е. ходатайство не подлежит рассмотрению в процедуре публичного заседания Конституционного Суда Российской Федерации, если поставленные в нем вопросы не требуют какого-либо дополнительного истолкования именно самого решения по существу.

Такая правовая позиция была выражена Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 8 февраля 2001 года по ходатайству Председателя Правительства Республики Карелия о разъяснении Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 года по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации и от 11 апреля 2000 года по делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 92-О, о разъяснении которого ходатайствует заявитель, подтверждено, что отдельные положения Конституции Республики Адыгея, Конституции Республики Башкортостан, Конституции Республики Ингушетия, Конституции Республики Коми, Конституции Республики Северная Осетия – Алания и Конституции Республики Татарстан по сути являются такими же, как положения, признанные Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации в постановлении от 13 марта 1992 года по делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 года, Закона Татарской ССР от 18 апреля 1991 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Татарской ССР», Закона Татарской ССР от 29 ноября 1991 года «О референдуме Татарской ССР», Постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан», в постановлении от 9 января 1998 года по делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации и в постановлении от 7 июня 2000 года по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Как указано в Определении, по смыслу статьи 125 (пункт «б»части 2 и часть 6) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее положений пункта 3 части первой статьи 43, частей второй и третьей статьи 79, статей 85 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном

Суде Российской Федерации» в их взаимосвязи, Конституционный Суд Российской Федерации, придя к выводу о том, что в обращении оспариваются такие же нормативные положения, какие ранее были признаны им не соответствующими Конституции Российской Федерации, своим решением в форме определения подтверждает, что эти положения также являются не соответствующими Конституции Российской Федерации и как таковые не могут иметь юридической силы.

Именно поэтому и на основании статей 15 (части 1, 2 и 3), 72 (пункт «а» части 1), 76 и 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации, а также статьи 6, пункта 3 части первой статьи 43, частей первой и четвертой статьи 71, частей первой, второй и третьей статьи 79 и части второй статьи 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» оспаривавшиеся в запросе группы депутатов Государственной Думы положения Конституции Республики Адыгея, Конституции Республики Башкортостан, Конституции Республики Ингушетия, Конституции Республики Коми, Конституции Республики Северная Осетия – Алания и Конституции Республики Татарстан как не соответствующие Конституции Российской Федерации были признаны утратившими силу и не подлежащими применению судами, другими органами и должностными лицами.

Эти положения, в том числе положения Конституции Республики Башкортостан и Конституции Республики Татарстан, утратили силу непосредственно на основании решений Конституционного Суда Российской Федерации, без каких-либо отменяющих их специальных решений органов государственной власти субъектов Российской Федерации и, следовательно, более не являются составной частью правовой системы Российской Федерации (и правовой системы соответствующих субъектов Российской Федерации как ее элемента), что следует из статей 10, 118, 125 (пункт «б» части 2 и часть 6) и 128 Конституции Российской Федерации и подпункта «б» пункта 1 части первой статьи 3 и статьи 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

3. В силу требований части первой статьи 79, статей 80 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» законодательный (представительный) и исполнительный органы государственной власти субъекта Российской Федерации, его высшее должностное лицо, обеспечивая неукоснительное исполнение соответствующего решения Конституционного Суда Российской Федерации в точном соответствии с его смыслом, обязаны исключить реализацию положения, признанного неконституционным и вследствие этого утратившего юридическую силу, и аналогичных ему положений других нормативных правовых актов, их использование в практике государственного строительства субъекта Российской Федерации и его отношений с Российской Федерацией, отменить положения других нормативных актов, основанные на нормах, которые как не соответствующие Конституции Российской Федерации признаны утратившими силу и не подлежащими применению, либо воспроизводящие их. Недопустимо также повторное принятие по сути идентичных положений: при внесении в соответствующий нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации изменений и дополнений в нем не могут предусматриваться предписания, которые по своему смыслу являются такими же, какие решением Конституционного Суда Российской Федерации признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации и потому утратившими силу. По смыслу статьи 125 (пункт «б» части 2 и часть 6) во взаимосвязи со статьями 4 (части 1 и 2), 5 (части 3 и 4) и 71 (пункт «а») Конституции Российской Федерации и конкретизирующими их предписаниями части первой статьи 79, статей 80 и 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», все нормативные положения, аналогичные той норме, которая как не соответствующая Конституции Российской Федерации признана Конституционным Судом Российской Федерации утратившей силу и не подлежащей применению, также не должны применяться и подлежат устранению из правовых систем всех субъектов Российской Федерации как составных элементов правовой системы Российской Федерации. Поэтому их законодательные (представительные) и исполнительные органы, а также высшие должностные лица обязаны после опубликования решения Конституционного Суда Российской Федерации отменить все подобные положения, содержащиеся в принятых ими нормативных правовых

актах. Законодательные (представительные) и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, их высшие должностные лица не вправе принимать какие-либо акты и совершать действия (бездействие), направленные на сохранение указанных положений в правовой системе, в правовом регулировании и правоприменении. Такие акты и действия (бездействие) нарушают вытекающие из статей 10, 118 и 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации и конкретизированные в статьях 6, 79 и 81 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» требования об обязательности решений Конституционного Суда Российской Федерации и о неукоснительном их исполнении, а также о запрете преодолевать решение Конституционного Суда Российской Федерации повторным принятием неконституционного акта.

4. Руководствуясь решениями Конституционного Суда Российской Федерации, суды общей юрисдикции по инициативе управомоченных лиц вправе признавать недействительность положений конституций, уставов, законов субъектов Российской Федерации, т.е. подтверждать утрату ими юридической силы, если они содержат такие же нормы, какие признаны Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, утратившими силу и не подлежащими применению (постановление от 11 апреля 2000 года по делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»; определение от 8 февраля 2001 года по ходатайству Председателя Правительства Республики Карелия), хотя такое подтверждение не является обязательным элементом механизма исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации. В случае признания решением суда общей юрисдикции, основанным на решении Конституционного Суда Российской Федерации, недействительности правовой нормы для ее отмены также не требуется принятия соответствующим органом государственной власти субъекта Российской Федерации специального акта. Этим, однако, не исключается право управомоченных органов субъекта Российской Федерации при несогласии с решением суда общей юрисдикции в порядке статьи 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» обратиться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации, поскольку спорные вопросы, связанные с конституционным статусом субъектов Российской Федерации, в конечном счете разрешаются посредством конституционного судопроизводства (статьи 118 и 125 Конституции Российской Федерации).

5. В силу требований статей 6, 80 и 81 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» решения Конституционного Суда Российской Федерации, а следовательно, и Определение от 27 июня 2000 года N 92-О, обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений; они подлежат исполнению немедленно после опубликования официального текста; неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда Российской Федерации влечет ответственность, установленную федеральным законом.

Неисполнение органами государственной власти и должностными лицами субъектов Российской Федерации решения Конституционного Суда Российской Федерации дает, в частности, основания для применения мер уголовной ответственности за неисполнение судебного акта (статья 315 УК Российской Федерации), а также для вынесения Президентом Российской Федерации на основании Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предупреждения соответствующему органу власти (должностному лицу) субъекта Российской Федерации и возможного последующего досрочного прекращения их полномочий как формы конституционно-правовой ответственности, поскольку действует презумпция конституционности положений федерального законодательства. При этом, учитывая, что неисполнение решения Конституционного Суда Российской Федерации объективно создает препятствия для обеспечения

верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, для реализации закрепленных Конституцией Российской Федерации основ конституционного строя и полномочий федеральных органов государственной власти, дополнительное, повторное установление иным судом таких обстоятельств для вынесения Президентом Российской Федерации предупреждения не требуется, тем более что в соответствии с частями первой и второй статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно, не подлежит обжалованию, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами, т.е., следовательно, и другими судами. Вместе с тем, и при отсутствии специального судебного решения, непосредственно подтверждающего неконституционность положения законодательства субъекта Российской Федерации, аналогичного ранее признанному Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, принцип непосредственного действия решений Конституционного Суда Российской Федерации и положение части второй статьи 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» обязывают органы государственной власти субъектов Российской Федерации выявлять в своем законодательстве положения, аналогичные тем, которые признаны неконституционными, и отменять их в установленном порядке. Неисполнение этой обязанности также влечет конституционно-правовую ответственность в форме досрочного прекращения полномочий, процедура которого начинается с вынесения Президентом Российской Федерации предупреждения. Сказанное не препятствует субъектам Российской Федерации использовать средства судебной защиты, включая обращение в Конституционный Суд Российской Федерации (часть первая статьи 85 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), направленные на подтверждение конституционности нормативного положения и, таким образом, отсутствия у них обязанности его отменять, а также на опровержение иных аргументов федеральных органов государственной власти по поводу фактов неисполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации. Содержание элементов процедуры применения конституционно-правовой ответственности законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также их высших должностных лиц подлежит толкованию в процессе правоприменительной практики федеральных органов государственной власти, а при возникновении споров материально-правового или процессуального характера при применении этой процедуры – судами. Конституционный Суд Российской Федерации при рассмотрении отнесенных к его компетенции дел дает конституционное истолкование положений о такой ответственности.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью первой статьи 79 и статьей 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Поскольку поставленные Полномочным представителем Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе вопросы нашли разрешение непосредственно в Конституции Российской Федерации, в развивающих ее положения нормах Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», а также нормах иных федеральных законов, рассмотрение его ходатайства в процедуре публичного заседания Конституционного Суда Российской Федерации не требуется.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному ходатайству окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Собрании законодательства Российской Федерации», «Российской газете» и «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации»».

Приведенное весьма пространное определение Конституционного Суда, несмотря на всю свою «окончательность», не дает, да и не может дать четкого ответа на поставленные в нем вопросы:

1. Почему не выполняются его определения (решения), обязательные для всех субъектов Федерации?
2. В чем состоит основная причина, что его решения не выполняются?

3. Можно ли силой и авторитетом закона, норм права и авторитетом (компетенцией, весомым правовым статусом) самого Конституционного Суда добиться, что бы российские законы не были столь противоречивыми и исполнялись?

Данные вопросы представляются риторическими по той простой причине, что Конституционный Суд, как и многие другие органы законодательной и судебной власти оставляют в стороне, замалчивают или «не замечают» социально-политической стороны правового механизма функционирования и укрепления суверенитета любого государства, в том числе и Российской Федерации и определяющей зависимости этого механизма от фундаментальных основ общественной жизни – исторического типа государства [134], политической надстройки, социально-классовой структуры общества [95; 96], соотношения социально-политических сил, характера и степени остроты, имеющихся между ними противоречий. Механизм разрешений этих противоречий лежит на пути преодоления этих противоречий, острого кризисного состояния современного российского общества.

Раскроем некоторые, наиболее существенные моменты принципа признания и понимания суверенитета как исключительного права государственной власти, государства как в отношении их самостоятельности, независимости в решении внутренних и внешних вопросов государственного управления, неделимости, единства и территориальной целостности, так и во взаимоотношениях с субъектами Российской Федерации и с субъектами международных отношений.

Одним из ключевых институтов международного права является институт признания. Несмотря на то, что в 80 – 90-х годах по проблемам института признания написано немало монографий, до сих пор западные исследователи высказываются скептически в отношении этого института. Некоторые авторы называют его неуловимым [20, p. 8], сомнительным [174, p. 3] и даже вызывающим раздражение. [175, p. 406]. Есть авторы, которые называют этот институт «великим неизвестным» [176, p. 189]. То есть речь фактически идет или к полуотрицанию, или полному отрицанию юридической природы признания. Отдельные авторы видят в акте признания не что иное, как компромисс и не более [173, p. 105].

В доктринальном толковании признания нет единства и в понимании самого понятия признания. Н.А. Ушаков считает, что под признанием следует понимать акт государства, посредством которого оно констатирует наличие определенного факта или ситуации либо выражает свое согласие с действиями других государств и иных субъектов международного права [108, стр. 83]. Другие относят признание к односторонним актам, в силу которых «государство считается признавшим соответствующие изменения в международном правовом порядке» [85, стр. 39]. Есть авторы, которые считают, что признание относится к так называемым супраинститутам, относящимся одновременно к системам внутригосударственного и международного права [151, стр. 54].

На самом деле удельный вес признания в отдельных отраслях международного права различен. Особенно большую роль он играет в праве международной правосубъектности и потому рассматривается в разделах курсов международного права, посвященных этому вопросу. В специальных монографиях признание иногда выделяется из различных отраслей международного права и рассматривается как отдельная юридическая категория.

Ж. Верховен считает признание декларативным актом о реально существующем объекте (положении, факте). Он подчеркивает, что в качестве такового признание входит в односторонние акты, одновременно содержащие как бы два элемента: субъективный – волю признающего – и объективный – реально существующий объект, который нужно признать [177].

Обобщая различные точки зрения на понятие признания, под последним следует понимать односторонний акт государства (субъекта международного права), посредством которого констатируется наличие определенного юридически значимого акта или ситуации, выражается согласие государства с юридически значимыми и международно-правомерными действиями других государств или субъектов международного права. В случае акта признания государство считается признавшим соответствующие изменения в международно-правовом порядке [108, стр. 83].

Акту признания присущи ограничения как юридического характера (соответствие нормам международного права, недопустимость нарушения императивных норм), так и

чисто материального характера (наличие фактической ситуации, которая становится объектом признания).

Признание изменений в международном правопорядке и в международной правосубъектности – две наиболее распространенные сферы применения института признания. Под международным правопорядком понимается такой порядок межгосударственных отношений, который сформировался под нормативно-правовым воздействием принципов и норм международного права. Трудно сформулировать все случаи изменений, которые могут произойти и происходят в современном международном правопорядке. Однако это не мешает наметить формы и последствия признания тех изменений, которые могут в нем произойти. С позиций теоретической возможности и вариации, но пожалуй, не сущностной характеристики, можно сослаться при этом на некоторые из крайних работ известного американского политолога Фрэнсиса Фукуямы [152; 153; 154]. То есть если такая теоретическая возможность имеется, она может быть использована.

В случае акта признания государство считается признавшим соответствующие изменения в международном правопорядке и лишается возможности в дальнейшем оспаривать применительно к себе законность этих изменений [111, стр. 31]. Недопустимо признание такого факта или ситуации, которые противоречат императивным нормам. Например, при выработке Венской конвенции по праву международных договоров участники конференции связывали эти нормы с основами международно-правового порядка, защищающего наиболее важные жизненные интересы международного сообщества государств на конкретном этапе человеческого развития [85, стр. 39-43; 169, стр. 118].

Из сказанного можно сделать вывод о том, что существуют определенные границы, устанавливаемые для признания. Это – так называемые границы «правовой возможности». Они выражают необходимость соблюдения общепризнанных норм международного права и недопустимость их нарушения.

Каковы бы не были внутренние мотивы и внутренняя убежденность субъекта международного права, признание всегда вызывает для него обязательство не оспаривать юридически значимый характер и правовые последствия признанной им ситуации.

Противоположный признанию акт именуется протестом. Если происходит изменение в международном правопорядке, а от государств не поступает по этому поводу никаких протестов, то это является доказательством намерение признать соответствующее изменение в международном правопорядке. При этом важную роль играет и такой фактор, «как степень признания со стороны международного сообщества» [85, стр. 119].

Признание может иметь различное международно-правовое значение. Оно может вызвать как изменение в международном правопорядке, так и изменение в международной правосубъектности. В международной правосубъектности речь может идти о различных видах признания, среди которых основными являются признание государств, признание правительств и признание органов национально-освободительных движений.

В международно-правовом плане вопрос о закреплении и правовом регулировании института признания до настоящего времени остается открытым. Вопросы кодификации института признания государств и правительств ставились еще комиссией по международному праву в 1949 году. Затем он неоднократно поднимался в Шестом комитете Генеральной Ассамблее ООН. Тогда выдвигались убедительные аргументы необходимости кодификации этого института, в том числе Генеральным секретарем ООН в «Обзоре международного права» в 1971 году. К международно-правовым аспектам признания были отнесены юридические последствия признания, особенно в связи с вопросами иммунитета от иностранной юрисдикции, правопреемство государств, дипломатические отношения, допустимость условного признания, проблема обратной силы признания, юридические последствия признания де-факто и де-юре, юридические последствия практики непризнания, сфера коллективного признания [140].

Этот вопрос затрагивался международной Комиссией по кодификации посольского и консульского права (1949 г.). Однако до сих пор институт признания продолжает регулироваться обычными нормами международного права, его общепризнанными принципами, некоторыми многосторонними и двусторонними соглашениями, резолюциями международных органов и организаций и дипломатическими документами

отдельных государств.

Признание новых государств в наше время определяется социальными и политическими изменениями, то есть социальными революциями, объединением или разделением государств, отделением части территории и образовании на ней нового государства. Последнее, то есть разделение единого государства (СССР) на отдельные части и образование на его территории ряда государств характерно для Российской Федерации, которая возникла вследствие коренных социально-политических потрясений в бывшем Советском Союзе, причины которого кратко указывались.

В факте признания решающую роль играют интересы отдельного государства или ряда государств, которые, в конечном счете, и определяют факт признания или непризнания новых государственных образований. Например, РФ была признана международным сообществом фактически сразу же после ее образования как самостоятельного государства в 1991 году, поскольку факт такого признания соответствовал интересам большинства стран НАТО и стран-членов ООН, включая Совет безопасности ООН, которые стремились не только к ослаблению СССР, но и фактическому разрушению Советского Союза и Социалистического Содружества как мощного государственного образования и союза, противостоящего по своей социальной системе всем государствам капиталистического лагеря. Страны НАТО и особенно США, их спецслужбы внесли немалую лепту в процесс разрушения СССР и образованию на его территории ряда новых самостоятельных государств, некоторые из которых уже фактически примкнули к НАТО или стремятся к этому. Войска НАТО уже находятся на территории бывших советских республик, например, таких, как Грузия, Киргизия, Узбекистан, прибалтийских государств и некоторых других, на территории государств, входивших в мировую систему социализма (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния и др.) – проверить в интернете.

Согласно Декларации о принципах международного права 1970 г. «каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств» [53, стр. 2-8]. Это значит, что международная правосубъектность государства не зависит от других участников международного сообщества.

Рождение нового государства и появление нового субъекта международного права – это процесс одновременный. В соответствии с нормами международного права существующие государства, взятые в отдельности, государства, объединенные в международной организации, не могут наделять новые государства качеством международной правосубъектности, которым они обладают вследствие реализации народами (различных стран) своего права на самоопределение и образование новых независимых государств. Признание выражает собой готовность признающего государства уважать суверенитет и независимость признаваемого государства, поддерживать с ним нормальные международно-правовые отношения и, в частности, дипломатические отношения [150, стр. 84].

Одновременно с появлением на международной арене нового государства происходит признание не только государства, но и его правительства. Однако признание нового правительства возможно и в случае, когда оно приходит к власти в уже существующем государстве, так называемым неконституционным путем.

Революции, гражданские войны, государственные перевороты – обычный путь образования новых правительств, нуждающихся в признании. Международное право не должно вмешиваться во внутреннюю борьбу, вследствие которой в государстве-субъекте международного права приходит к власти новое правительство. Поэтому оно считает представителем государства в международных отношениях то правительство, которое эффективно и самостоятельно осуществляет власть.

На практике признание нового правительства, как и признание нового государства, нередко сопровождается нарушением норм международного права о невмешательстве других государств во внутренние дела государства, в котором происходит смена правительства. Сама такая смена нередко провоцируется и осуществляется при прямом вмешательстве или попустительстве заинтересованных в этой смене государств. Характерным в этом отношении являются происходящие процессы смены власти и правительства на Украине, где произошла так называемая «оранжевая революция». Зарубежная и российская печать сообщают о прямом вмешательстве США и других государств, а также их спецслужб в подготовку и организацию этой «революции»

[148], а затем и майдановского государственного переворота.

Анализ института признания государства и правительства как самостоятельного института международного права позволяет сделать вывод о том, что сущность и правоприменение этого института являются: во-первых, одним из принципов формирования, функционирования и укрепления суверенитета государства; во-вторых, следствием проявления и реализации принципа народовластия, народного суверенитета; в-третьих, выражением диалектического единства и противоречия внутренней и внешней политики, политики государства, международной политики и международного права; в-четвертых, свидетельством определенного правового статуса государственной власти, государства, выражающего верховенство власти, территориальную целостность, самостоятельность и независимость государства в его отношениях с его гражданами внутри данной страны и в отношениях на международной арене.

Принцип суверенного равенства государств – один из основных принципов международного права, в соответствии с которым все государства имеют равные права и обязанности, являются равноправными членами международного сообщества независимо от различия их экономических, социальных и политических систем. Этот принцип заключен в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и других международных документах [53, ст. 2; 58; 149, ст. 1].

Этот принцип включает следующие элементы. Государства юридически равны. Каждое государство пользуется правами присущими полному суверенитету. Каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств. Территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны. Каждое государство имеет право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы, равно как и право устанавливать свои законы и административные правила. Каждое государство обязано выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами [54, стр. 437-438].

Указанный принцип проявляется, в частности, в праве каждого государства принимать участие на равных началах с другими государствами в решении международных вопросов, затрагивающих законные интересы данного государства. Указанный принцип означает также равноправие государств противоположных социально-экономических систем, необходимость их международного сотрудничества в интересах обеспечения мирного сосуществования.

Практика реализации этого принципа в международных отношениях между государствами весьма противоречива. Равенство государств в отношениях между собой может быть реализовано и реализуется только в условиях баланса соотношения социально-политических интересов и сил на международное арене. В условиях, когда в мире существовали две основные социально-экономические системы, особенно в лице стран НАТО во главе с США и стран социалистического содружества государств-членов Варшавского Договора во главе с СССР, когда имело место примерное равенство их сил, этот принцип более-менее соблюдался. Но и тогда его соблюдение было серьезной проблемой, поскольку ведущие западные державы, особенно Соединенные Штаты, исходили из собственного понимания суверенного равенства государств. И нарушали, да и нарушают этот принцип всякий раз, когда считают это необходимым в своих интересах.

Вопреки указанному принципу они развязали войну в Корее (1961 – 1964 гг.) [114, стр. 140-149], во Вьетнаме (1966 – 1971 гг.) [114, стр. 231-238], в Гренаде, Ливане, Афганистане, Египте, Сирии и других районах мира. В настоящее время, когда разрушен Варшавский Договор, уничтожен Советский Союз, когда вместо биполярного мира в конце XX века был создан однополярный мир при полном превосходстве США, международные отношения стали строиться по принципу полного приоритета интересов этой страны. Соединенные Штаты фактически грубо стали нарушать принцип равенства стран, являющийся одним из основополагающих принципов международного права. Под их непосредственным влиянием и с их непосредственным участием фактически уничтожена СФРЮ. Президент Югославии С. Милошевич силой свергнут с поста и находился под судом в Гааге по надуманным обвинениям в

нарушении норм международного права [146]. Суд в Гааге несет непосредственную ответственность за кончину С. Милошевича, которому было отказано во врачебной помощи для излечения тяжелой болезни [23, стр. 17; 25, стр. 1, 3]. Под надуманным предлогом США вторглись в Ирак, свергли режим президента С. Хусейна, установили в Ираке угодный им режим. [130] Единолично распоряжаются ценной иракской нефтью. Они применяют силу, политический шантаж и провокации вплоть до насильственного устранения руководителей государств с неугодными им режимами. При прямом участии спецслужб США были убиты президент Анголы П. Лумумба и лидеры некоторых других государств, установлен марионеточный коррупционный режим сначала в Грузии, а затем и в Украине [158; 109].

Сегодня трудно говорить и о равенстве России в отношениях с ведущими западными государствами, особенно с США. На словах Россия и США считаются партнерами и выступают вроде бы с единых позиций в борьбе с международным терроризмом, в решении крупных международных проблем. Фактически имеет место видимость партнерства. Соединенные Штаты посредством таких международных организаций, как Международный валютный фонд, СБСЕ (Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе), ВТО (Всемирная торговая организация) и им подобных, путем установления так называемых американских и европейских санкций делают все, чтобы не только ограничить международную роль России, но и вытеснить ее с международной арены, превратить в рынок сбыта своих товаров и источник дешевой энергии и сырья [117, стр. 6, 30, 32-75].

Принцип единства и неделимости суверенитета как верховенство воли и деятельности господствующей социальной силы в управлении делами общества и государства – один из основополагающих и приоритетных принципов обеспечения, укрепления суверенитета государства, власти, суверенитета народа. Сущность принципа единства и неделимости суверенитета состоит в верховенстве власти господствующей социальной силы в пределах территории, государственной границы данного государства. Неделимость суверенитета выражает полный юридический приоритет конституции и федерального законодательства государства, основанного на федеративных принципах национально-государственного устройства, над законодательством его субъектов как в пространственных, так и правовых пределах действия федеральной конституции и федерального законодательства.

В Конституции РФ этот принцип закрепляется в нормах о ее распространении и верховенстве на всей территории страны, целостности и неприкосновенности РФ как самостоятельного и независимого государства. Государственная целостность, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации – существенные слагаемые указанного принципа [1, ст. 4-5, 15].

В федеративных государствах проблема суверенитета является достаточно сложной как в ее правовом регулировании, так и в доктринальном толковании. Многие западные авторы нигилистически относятся к государственному суверенитету. Используют для этого такие понятия как «несуверенные», «полусуверенные» государства и т.п. В советском государственном праве суверенитет Советского Союза как федеративного государства понимался в его неразрывном единстве с суверенитетом входящих в него союзных республик. Союзные республики рассматривались как самостоятельные государства, и их суверенитет являлся нераздельной составной частью суверенитета СССР.

Например, Конституция РСФСР определяла Российскую Федерацию как социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, то есть как самостоятельное (суверенное) государство, хотя принцип ее суверенитета прямо в ней не закреплялся [4, ст. 1].

Принцип *народности суверенитета* выражает признание и реализацию на практике воли и интересов народа как единственного носителя и источника власти, суверенитета государства и его реального гаранта. Теоретически этот принцип не оспаривается. В Конституции РФ он закрепляется в нормах о носителях и источниках власти, о чем говорилось.

На практике реализация этого принципа представляет собой многосложную и трудную

проблему. Воля народа и его интересы в политике российского государства осуществляется лишь номинально. Народу дозволяется приходить к избирательным урнам один раз в несколько лет. При этом власть в центре и на местах посредством средств массовой информации и системы общественно-политических отношений оказывает такое мощное давление на волю народа, что она превращается в свою противоположность – безвластие и безволие народа. Особенно это выражается в массовой нищете, социальной пассивности и в отчуждении народа и власти, о чем также было сказано. Избирательное законодательство меняется, чуть ли не каждый год в угоду и в интересах власть предержащих. Большинство депутатов действующей Государственной Думы РФ, будучи избранными, тут же забывают о своих многочисленных обещаниях избирателям и голосуют за законы, весьма далекие от интересов народа. Наглядный пример тому – закон «О монетизации льгот», фактически отменивший более 150 социально необходимых и значимых законов. [37]

Одной из основных причин такого положения является фактическое отсутствие одного из основных принципов функционирования и укрепления суверенитета – *принципа оптимального сочетания коренных интересов и воли* господствующей социальной силы (сил), народа и его основных социальных общностей и политических движений. В Конституции РФ этот принцип прямо не декларируется. Косвенно он отражен в главе II Конституции РФ, в ее нормах о правах и свободах человека и гражданина, а также в статье, декларирующей принцип признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина как обязанности государства (ст. 2 Конституции РФ).

Названная обязанность имеет прямое отношение к суверенитету. Указанная норма Конституции РФ фактически определяет социально-политическую сущность власти, государства и суверенитета. Но делает это в абстрактной форме. Речь же должна идти именно о принципе оптимального сочетания интересов государства, власти, народа, человека и гражданина.

Как принцип функционирования и укрепления суверенитета оптимальное сочетание интересов государства и народа в основном законе следует закрепить в виде дополнения ст. 2 Конституции РФ нормой об оптимальном сочетании интересов государства (власти), народа и гражданина конкретных обязательств государства не только признавать, соблюдать и защищать интересы народа, но и гарантировать их реализацию. Нормы Конституции РФ, декларирующие права и свободы человека и гражданина, необходимо дополнить конкретными мерами-гарантиями обеспечения соблюдения и защиты каждого конституционного права (свободы).

Оптимальное сочетание интересов государства, власти и народа (личности) является одним из ключевых принципов суверенитета государства, поскольку именно этот принцип:

- выражает сущность власти, государства, господствующей социальной силы (общности), их социальную направленность, с одной стороны, и народа, гражданина, личности, с другой стороны;
- характеризует степень соответствия коренных интересов власти, государства, господствующих социально-политических сил, народа, основных социальных общностей, движущих сил общества, гражданина, их социальное положение, и отношения между собой;
- приводит в относительное соответствие интересы основных субъектов исторического процесса, минимализирует или устраняет имеющиеся противоречия между ними;
- создаёт социальную основу для социального партнёрства, согласия и достижения единства и взаимопонимания среди указанных субъектов истории.

Принцип целостности и неделимости территории государства означает единство и распространение власти на всей территории данного государства, недопустимость расчленения власти на её жизненном пространстве. Единство территории, как говорилось, необязательно предполагает её целостность. Целостность территории желательна. Но она не всегда имеет место в реальности. В России и других государствах их пространственная протяженность может включать даже отдаленные части или регионы не только одного континента, но и земного шара. Проблема целостности территории государства – конкретно-исторический вопрос. Это связано с эпохами и историческими условиями образования самостоятельных государств, разделением

мира на сферы влияния, захватническими и междоусобными войнами. В эпоху империализма, когда шел процесс раздела мира и передела сфер влияния, территория ведущих колониальных стран, особенно Англии, Испании, Португалии, Франции располагалась не только в Европе, но и на других континентах (Африка, Азия, Америка) [26, стр. 498; 91] К примеру, территория США включает и территорию Аляски, то есть некогда бывшей части России, отделенной от континентальной части США территорией Канады [27, стр. 445].

Сущность и функциональное предназначение единства территории как принцип суверенитета подчеркивает именно неделимость пространственной протяженности власти на территории данного государства. Этот принцип включает внутреннее единство власти и её неделимость, реальную распространенность, недопустимость каких-либо ограничений в пределах территории государства. По своей сущности, содержанию и социальной роли он совпадает, возможно, с некоторыми различиями с территорией как признаком государства, характеристика которого дана выше.

Принцип нерушимости границ государства характеризует строгую и четкую правовую и географическую фиксацию его границ, их всестороннее оборудование и обеспечение, а также защиту от возможных нарушений. Сущность, функциональное предназначение государственной границы, необходимость и факторы ее защиты раскрыты выше. Еще раз следует подчеркнуть особое значение военной мощи государства для обеспечения нерушимости границ государства. Для современной России, как сказано, – это особо актуальный вопрос. Не забудем, что после разрушения СССР государственная граница Российской Федерации в значительной мере остается необорудованной, незащищенной и фактически открытой не только для различного рода иностранных лазутчиков, беженцев, но и прямых политических спекулянтов, пытающихся пересмотреть итоги и признанные международные соглашения. Здесь недопустимы какие-либо политические колебания, территориальные уступки и крайности в разрешении спорных приграничных конфликтов и необоснованных территориальных притязаний [166; 172].

Неуместными и даже вредными для российского суверенитета являются выдвигаемые некоторыми авторами идеи и концепции так называемого ассоциированного суверенитета, под прикрытием которых обосновывается существующий особый характер суверенитета Татарстана, фактически нарушающий один из основных принципов государственного суверенитета – принцип равенства входящих в состав РФ национально-государственных образований [13], суверенитета РФ как самостоятельного государства [52, стр. 54], принцип единства территории государства – это не вопрос географии его суверенитета. Это – проблема его политико-правового содержания.

Принцип твердости, непоколебимости и защиты суверенитета государства. Его сущность сводится к пространственно-временной стабильности суверенитета государства, его устойчивости, нерушимости власти, неделимости территории государства и его способности обеспечить и гарантировать самостоятельность и независимость власти, укрепление мощи и военной мощи. Фактически этот принцип является производным от всех вышеназванных принципов. Его сущность, содержание и функциональная роль заключают в себе существенные моменты и стороны всех предыдущих принципов. В его теоретическом толковании и практическом воплощении имеются те же разночтения, противоречия и проблемы, которые характерны для большинства вышеуказанных принципов [78; 79].

Выводы.

1. Принципы обеспечения государственного суверенитета – это общепризнанные юридической наукой, теорией и практикой национального и международного права единые и общие начала, требования к признанию, правовому регулированию правового статуса и механизму функционирования и укрепления территориальной целостности, самостоятельности и независимости государства. Существенными признаками указанного понятия являются единство онтологического, гносеологического и теоретико-практического аспектов суверенитета как определенного правового статуса государства, как объекта его познания и механизма реализации. В совокупности, единстве и целостности они образуют отдельный самостоятельный конституционный принцип государственного строительства и государственного права.

2. Принципы обеспечения государственного суверенитета и принципы любой науки,

любого вида практики диалектически взаимосвязаны между собой, а также с предметом и принципами науки, права, общей теории права вообще и конституционного и международного права в частности. Они относятся к межотраслевым принципам права и являются частным по отношению к последним. Они являются развитием, конкретизацией и дополнением принципов диалектики, с одной стороны, и отражением специфики предмета познания науки конституционного и международного права – с другой.

3. Принципы обеспечения государственного суверенитета имеют непосредственное отношение к конституционному принципу признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина и являются особенным по отношению к последнему, составляющему самостоятельный принцип конституционного и международного права и отдельный принцип государственного строительства.

4. Совокупность, целостность, единство, внутренняя связь, сложность, соподчиненность и иерархичность – существенные составляющие, образующие систему принципов суверенитета. С учетом изложенного система этих принципов включает принципы:

- признания и понимания суверенитета как строго определенного правового статуса государственной власти, государства, выражающего верховенство власти, территориальную целостность, самостоятельность и независимость государства в его отношениях с его гражданами внутри данной страны и на международной арене;
- суверенного равенства, взаимного уважения государственного суверенитета, невмешательство государств во внутренние дела друг друга;
- единства и неделимости суверенитета, означающий верховенство воли и деятельности господствующей социальной силы (или сил, социальных общностей) в управлении делами общества и государства;
- народность суверенитета, то есть признание и реализация на практике воли и интересов народа как единственного носителя и источника власти, суверенитета государства и его реального гаранта;
- оптимального сочетания коренных интересов и воли господствующей социальной силы (сил), народа и его основных социальных составляющих – ведущих социальных общностей и политических движений;
- целостности и неделимости территории государства, означающий единство и распространение власти на всей территории данного государства, недопустимость расчленения его жизненного пространства;
- нерушимости границ государства, выражающий строгую и четкую правовую и географическую фиксацию его границ, их всестороннее оборудование и обеспечение, а также защиту от возможных нарушений;
- твердости, непоколебимости и защиты суверенитета государства, укрепление его мощи, военной мощи.

5. Определяющими и решающими принципами обеспечения суверенитета являются: признание и понимание суверенитета как строго определенного правового статуса и верховенства государственной власти, территориальной целостности, самостоятельности и независимости государства в его отношениях с гражданами внутри данной страны и на международной арене; равенств, взаимное уважение государственного суверенитета, невмешательство государств во внутренние дела друг друга; единство и неделимость суверенитета.

6. Особое место и особое значение среди принципов обеспечения суверенитета имеют принцип народности суверенитета [89; 90; 145]. Признание и реализация на практике воли и интересов народа как единственного носителя и источника власти, суверенитета государства и его реального гаранта; оптимальное сочетание коренных интересов и воли господствующей социальной силы (сил), народа и его основных социальных общностей выражает сущность и диалектическое единство верховенства власти, суверенитета и принципов его обеспечения.

7. Несмотря на закрепление указанных принципов в Конституции РФ и их несомненную основополагающую социальную роль в функционировании и обеспечении суверенитета России теория и практика их реализации и эффективности весьма далеки от социальных ожиданий. Основная причина этого – отчужденность власти и государства от народа.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016
2. Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 20. – Ст. 2112.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1998 года № 4-П «По делу о проверке конституционности пунктов 10, 12 и 21 «Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 года № 713» // Российская газета. – 1998. – № 25. – 10 февраля.
4. Конституция (Основной закон) Российской советской социалистической республики: Официальный текст. – М.: Политиздат, 1989.
5. Конституция Республики Башкортостан / Конституции республик в составе Российской Федерации. – М.: Государственная Дума: Известия, 1996. – Вып. 2.
6. Конституция Республики Бурятии. – Улан-Удэ, 1995.
7. Конституция Республики Дагестан. – Махачкала, 1995.
8. Конституция Республики Ингушетия. – Назрань, 1996.
9. Конституция Республики Карелия. – Петрозаводск. 1997.
10. Конституция Республики Саха (Якутия) / Конституции республик в составе Российской Федерации. – М.: Государственная Дума: Известия, 1996. – Вып. 2.
11. Конституция Республики Татарстан. – Казань, 1996.
12. Конституция Республики Тыва / Конституции республик в составе Российской Федерации. – М.: Государственная Дума: Известия, 1996. – Вып. 2.
13. Алешин В.В. Ассоциированный суверенитет (Путь к суверенитету: На тат., рус., и англ. яз. – Казань: Тат. газ.- журн. изд-во, 1999. – 198 с.) // Московский журнал международного права. –1999. – № 4. - С. 166-167.
14. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
15. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
16. Антонов И.А., Кондрат И.Н. Принцип «indubioproreo»: нравственно-правовые проблемы, возникающие при его реализации в российском уголовном судопроизводстве // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 103-107.
17. Артамонова Г.К., Шумков Д.В., Реуф В.М. Концепция государственного суверенитета: социально-политические и идейно-теоретические истоки // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 44-48.
18. Атарщикова Е.Н. Герменевтика в праве: история и современность. – СПб., 1998. - 295 с.
19. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001. найти стр. 20. Бастид С. Предисловие к монографии Ж. Шарпантье // Charpentier J. La reconnaissance internationale …
21. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
22. Безрядин В.И., Кондрат И.Н. О некоторых проблемах реализации принципов в уголовном судопроизводстве // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 154-162.
23. Белоусов В. Милошевича ждут в Москве // Российская газета. – 2006. – № 51. – 15 марта.
24. Берман В.Р. Федеративное устройство России // Содоклад на заседании Законодательного собрания Санкт-Петербурга. – СПб., июнь 2000.
25. Бессмертная свобода (ред.) // Советская Россия. 2006. – № 25.
26. Большая Советская Энциклопедия (в 30-ти томах) Т. 1 / Гл. ред. А.М. Прохоров – М.: Советская энциклопедия, 1969.
27. Большая Советская Энциклопедия (в 30-ти томах) Т. 12 / Гл. ред. А.М. Прохоров – М.: Советская энциклопедия, 1973.
28. Бородин В.В. Федеральные округа современной России: проблемы и перспективы // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 64-69.
29. Бородин В.В., Клименко О.А. Федеральные округа – особая территориальная форма федерального управления:

понятие и содержание // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 79-85.
30. Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 189-199.
31. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: лингвистический подход // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 206-216.
32. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: психологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 201-210.
33. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: социологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 200-209.
34. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: философский подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 192-204.
35. Боруленков Ю.П. Юридическое познание: кризис методологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 205-211.
36. Бранский В.П. Принципы и предмет теории материалистической диалектики // Материалистическая диалектика в 6-ти ТТ. Т. I. Объективная диалектика. – М.: Мысль, 1981.
37. Ваганов С.П. Открытое письмо к Президенту России // Советская Россия. – 2005. – 18 июня.
38. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия “Юридические науки”. – 1997. – № 2.
39. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25.
40. Воронов И.Ю. Запрещение злоупотребления российским трудовым правом как один из основополагающих принципов права с позиций легизма и интегративного правопонимания // Российское правосудие. – 2012. – № 2. – С. 18-31.
41. Воронов И.Ю. Классификация основополагающих принципов трудового права с позиции легизма и интегративного правопонимания // Российское правосудие. – 2012. – № 5. – С. 71-86.
42. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
43. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
44. Галиев Ф.Х. Правовая культура как правовая реальность // Политика и общество. – 2011. – № 4. – С. 78-84.
45. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
46. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
47. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
48. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
49. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
50. Глущенко П.П. Конституционные права и свободы граждан в Российской Федерации: теоретические и организационно-практические вопросы социально-правовой защиты: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: СПб академия МВД России, 1998.
51. Графский В.Г. Интегральная (общая, синтезированная) юриспруденция как теоретическое и практическое задание // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2006. – С 140-165. – в кн. 416 с.
52. Громыко-Пирадов А.А. Суверенитет и конфликты в России в первой половине 1990-х годов // Московский журнал международного права. – 1995. – № 4.
53. Декларация о принципах международного права, 1970 г. / Принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996.
54. Дипломатический словарь. В 3-х томах / Гл. ред.: А.А. Громыко, А.Г. Ковалев, П.П. Севостьянов, С.Л. Тихвинский. Т. III. – М.: Наука, 1986.
55. Доброхотов Е.Н. Филиппова М.В. Советское право социального обеспечения. – СПб.: СПбГУ, 1992. - 144 с.
56. Ершов В.В. Юридическая природа принципов российского права с позиций легистского и интегративного правопонимания // Российское правосудие. – 2010. – № 1. – С. 12-22.
57. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав

естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
58. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. – М.: Международные отношения, 1971.
59. Захарцев С.И. Интегральная юриспруденция: некоторые вопросы дискуссии // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 158-162.
60. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с.
61. Захарцев С.И., Сальников В.П. Знакомьтесь: компрехендная теория права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 5(28). – С. 375-379.
62. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
63. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
64. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права – новая теория познания правовой реальности // Вестник Таджикского национального университета. – 2016. – № 2/5(207. – С. 183-187.
65. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права: ответы на вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 19-24.
66. Захарцев С.И., Сальников В.П. О заблуждениях в понимании права и важности компрехендного подхода для его познания // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 83-88.
67. Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 3(93). – С. 179-183.
68. Захарцев.С.И., Сальников В.П. О теории и философии права // Теория государства и права в науке, образовании и практике: Монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юриспруденция, 2016. – С. 112-117. – в кн. 480 с.
69. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном правопонимании в контексте компрехендной теории права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 39-47.
70. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 39-58.
71. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право без смысла // Защита и безопасность. – 2016. – № 3. – С. 24-25.
72. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 17-22.
73. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
74. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 1(47). – С. 13-30.
75. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
76. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
77. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
78. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120-139.
79. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
80. Зубрин В.В. Законность в федеративном округе (нормативно-правовое обеспечение) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 384 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
81. Зубрин В.В. Конституционная законность и механизм ее обеспечения в федеральном округе: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 120 с.
82. Иллюстрированный энциклопедический словарь / Ред. коллегия: В.И. Бородулин, А.П. Горкин, А.А. Гусев, Н.М. Ланда, Л.И. Петровская, А.В. Симолин, В.Д. Силюков, Н.Л. Туманова: Научное изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. - 1039 с.:ил

83. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
84. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
85. Каламкарян Р.А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. – М.: Наука, 1984. - 136 с.
86. Калинин А.Ю., Косопкин А.С. Полномочные представители Президента Российской Федерации в федеральных округах и реформа федеральных отношений – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2007.
87. Карташов В.Н. О многообразии подходов к праву и интегративному его определению // Труды МГЮА: Сб. статей. – 2003. – № 10. – С. 77-84.
88. Карташов В.Н. От интегральной к синтетической теории права, или все-таки наоборот? // Теоретические и практически проблемы правопонимания: Материалы 3 Международной научной конференции, 24 апреля 2008 г. в Российской академии правосудия, г. Москва / Под ред. В.Н. Сырых, М.А. Заниной. – М.: РАП, 2010. – С. 162-174.
89. Клименко О.А. Проблема соотношения суверенитета государств, народов и личности в концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 172-178.
90. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Суверенитет государства и суверенитет народа в современной европейской мысли // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 50-64.
91. Ковалевский В.П. Аляска. – М.: Географгиз, 1952. - 80 с.
92. Козлихин И.Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы // Философия права в России: история и современность: Материалы третьих филос.-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М.: НОРМА, 2009. – С 242-254. – в кн. 320 с.
93. Козлихин И.Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении: Сб. науч. ст. / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – Саратов : СЮИ МВД России, 2007.
94. Козлихин И.Ю. Общая теория, интегральная юриспруденция или энциклопедия права? // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М., 2013.
95. Колядин А.М. Институты гражданского общества и субъектность политического класса // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 176-185.
96. Колядин А.М. Управленческая деятельность политической системы и субъектность политического класса // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 179-186
97. Колядин А.М. Субъектность политического класса и его социальная значимость: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 190 с.
98. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. – М.: Фонд «Правовая культура», 1996. - 797 с.
99. Кондрат И.Н. Конституционные принципы российского уголовного процесса: общая характеристика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 7-14.
100. Кондрат И.Н. Международные корни уголовно-процессуального принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» // Российская юстиция. – 2012. – № 12. – С. 29-31.
101. Кондрат И.Н. Права личности и некоторые общеотраслевые принципы уголовного процесса // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 43-54.
102. Кондрат И.Н. Процессуальные принципы уголовного судопроизводства и права человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 126-134.
103. Краюшкин И.А. Институт полномочных представителей Президента РФ в системе государственной власти России // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып.4: В 3 т.Т.1. – М.: Юристъ, 2004.
104. Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 20-29.
105. Лазарев В.В. Интегральные аспекты преподавания юриспруденции на высшей ступени юридического образования // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: Материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М.: Норма, 2013. – С. 13-23. – в кн. 224 с.
106. Лапаева В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. – 2008. – № 5. – С. 5-13.
107. Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика: Монография. – М., 2014. – 176 с.

108. Международное право / Под ред. Н.Т. Блатовой. – М.: Юрид. лит., 1987. - 544 с.
109. Мирзоев А.К. Национальная политика США и подавление суверенитета других государств // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 136-144.
110. Мирзоев А.К. Юридические средства обеспечения государственного суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 27-41.
111. Мовчан А.П. Организация Объединенных Наций и международный правопорядок // Советский ежегодник международного права, 1985. – М.: Наука, 1986.
112. Недбайло П.Е. Объективное и субъективное в праве (к истокам дискуссии) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1974. – № 1.
113. Немытина М.В. Проблемы современного правопонимания // Современные методы исследования в правоведении: Сб. науч. ст. / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – Саратов, 2007.
114. Норден А. Так делаются войны: о закулисной стороне и технике агрессии / Перевод с последнего немец. перераб. и значит. расширенного издания Л.Л. Зактрегер и В.М. Розонова. – М.: Прогресс, 1972.
115. Оль П.А. Правовая реальность: формально-содержательный анализ: Монография / Под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 187 с.
116. Писаревский А.Е. Юридическая герменевтика. Социально-философская методология интерпретации и толкования правовых норм.: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Краснодар, 2004.
117. Подберезкин А.И., Коровников А.В. Россия и мир в период глобализации: В поисках концепции долгосрочного развития. – М.: Финансовый контроль, 2003. - 80 с.: граф., табл.
118. Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания. “Круглый стол”: проблемы современного правопонимания. // История государства и права. – 2003. – № 6. – С. 2-16.
119. Поляков А.В. Интегральная теория права: миф или реальность? // Философия права в России: история и современность: Материалы третьих филос-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М.: НОРМА, 2009. - С. 254-262.
120. Прокофьева С.М. Принципы гуманизма в уголовном судопроизводстве: Монография. – СПб., 2001. – 160 с.
121. Радько Т.Н. Методологические вопросы познания функций права. – Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1974. - 151 с.
122. Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. – Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР., 1970.
123. Радько Т.Н. Теория функций права: Монография. – М.: Проспект, 2014. – 272 с.
124. Радько Т.Н. Функции социалистического общенародного права: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. – Саратов, 1967.
125. Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права: Монография. – Н.Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. – 106 с.
126. Реуф В.М. От принципов права к государственной правовой идеологии (теоретические аспекты формирования правового сознания общества): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 116 с.
127. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
128. Ромашов Р.А. Интегральная юриспруденция и энциклопедия права: историко-методологический анализ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 3. – С. 105-120.
129. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного понимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 4-11.
130. Саддама «оправдали» слишком поздно // Правда. – 2004. – 06 ноября.
131. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
132. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
133. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
134. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.– 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
135. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).

136. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
137. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
138. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
139. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
140. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Пужаев В.В. Правовая природа государственного иммунитета // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 36-44.
141. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
142. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
143. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
144. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79-85.
145. Скуратов Ю.И. Народный и национальный суверенитет в советском государстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1979. – № 4. – С. 3.
146. Слободан Милошевич: США были союзниками албанских террористов // Правда. – 2004. – 06 ноября.
147. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, дополненное, переработанное. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 344 с.
148. Тетекин В. Операция «Кучма» // Советская Россия. – 2005. – 8 февраля.
149. Устав Организации Объединенных Наций // http://base.garant.ru/2540400/
150. Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. – М.: ИМО, 1963. - 269 с.
151. Фельдман Д.И. Система международного права. – Казань: Казанский университет, 1983. - 119 с.
152. Фукуяма Ф. Интервью «Шпигелю»; Где восстание слева? 02.02.2012 г. – Интернет-ресурс: http://www.spigel.de/international/world/0.1518-812208-2.00.html.
153. Фукуяма Фрэнсис. Государственный порядок: Научно-популярное издание / Пер. с англ. В.Л. Гончарова. – М.: АСТ, 2015. – 688 с. – (Политика).
154. Фукуяма Фрэнсис. Угасание государственного порядка: Научно-популярное издание / Пер. с англ. К.М. Королева. – М.: АСТ, 2017. – 704 с. – (Политика).
155. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
156. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 191 с.
157. Химичева Г.П. Требуется корректировка принципов уголовного судопроизводства // Вестник Моск. ун-та МВД России. – 2011. – № 11. – С. 160-162.
158. Хохлов Н.П. Лумумба. – М.: Молодая гвардия, 1971. - 272 с.
159. Хубанских А.Ю. Проблемы суверенитета в федеративном государстве // Актуальные проблемы правоведения. – 2003. – № 1-2.
160. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 30-38.
161. Черкасов К.В. Федеральные округа в государственном устройстве России // Административное и муниципальное право. – 2008. – № 3. – С. 38-43.
162. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
163. Шафиров В.М. Конституция и правопонимание // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет»,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 307-318. – в сб. 344 с.
164. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.
165. Шафиров В.М. Проблема пробелов в праве и современное интегративное правопонимание // Российское правосудие. – 2012. – № 10. – С. 5-13.
166. Шевцов В.С. Государственный суверенитет и принцип демократического централизма // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1971. – № 5. – С. 11-18.
167. Шумков Д.В. Государственный суверенитет России: история и современность: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002. – 231 с.
168. Юридическая герменевтика в XXI веке: Монография / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. – СПб.: Алетейя, 2016. – 440 с. – (Толкования источников права).
169. Юридические последствия правомерного поведения государств. – М.: Наука, 1987. - 127 с.
170. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976. - 285 с.
171. Явич Л.С. Сущность права. – Л.: ЛГУ, 1985. - 207 с.
172. Ягудин Ш.Ш. Теоретические проблемы суверенитета государства в Российской Федерации // Международная научно-практическая конференция «Федерализм – глобальные и российские измерения». – Казань, 1993. – С. 113-114.
173. Crawford J. The criteria for statehood in international law // British yearbook of international law, 1976-1977. – Oxford, 1977.
174. Kopelmanas L. La reconnaissance en droit international // Comun. et studi. 1957. 1958. Vol. 9.
175. Sen B. A diplomat's handbook of international law and practice. The Hague, 1979.
176. Suy E. Les actes juridiques unilateraux en droit international public, P., 1962.
177. Verhoeven J. La reconnaissense internationale dans la pratique contemporaine. 1973. Ch. 1 – 7.

БРЫЛЕВА Елена Александровна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Пермь, Россия)
E-mail: elenbrylev@yandex.ru

ОГАНЕСЯН Степан Мхитарович,
профессор кафедры теории и истории права и государства Юридического института Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО: НЕКОТОРЫЕ ЛИЧНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА И СВОБОДЫ

Аннотация. *Анализируются личные и политические права и свободы осужденных к лишению свободы в Российской Федерации. Отмечается, что правовое положение осужденных предполагает необходимость, с одной стороны, обеспечить соблюдение их прав и законных интересов, а с другой – предоставить администрации исправительных учреждений необходимые правовые рычаги для эффективного достижения целей наказания, обеспечения порядка и дисциплины в деятельности исправительных учреждений.*

Ключевые слова: *права и свободы; осужденные; пенитенциарная система; личные права и свободы: политические права и свободы.*

BRYLEVA E.A.
OGANESYAN S.M.
SAL'NIKOV M.V.

LEGAL STATUS OF THE PERSON OF THE CONDEMNED: SOME PERSONAL AND POLITICAL RIGHTS AND FREEDOM

The summary. *The personal and political rights and freedom condemned to imprisonment in the Russian Federation are analyzed. It is noticed, that the legal status condemned assumes necessity, on the one hand, to provide observance of their rights and legitimate interests, and with another – to give administrations correctional facilities necessary legal levers for effective achievement of the purposes of punishment, maintenance of an order and discipline in activity correctional facilities.*

Key words: *the rights and freedom; the condemned; пенитенциарная system; the personal rights and freedom: the political rights and freedom.*

Осужденные к любой мере уголовно-правового характера, в том числе связанной с их изоляцией от общества (и даже лица, приговоренные к смертной казни до приведения приговора в исполнение), остаются гражданами своего государства и, следовательно, на них распространяются общегражданские права и обязанности, установленные Конституцией РФ, с определенными ограничениями. «Осужденные не могут быть освобождены от исполнения своих гражданских обязанностей, кроме случаев, установленных федеральным законом» (ч. 2 ст. 10 УИК РФ). Вместе с тем осужденные наделяются и специфическими правами и обязанностями, свойственными назначенной им мере уголовно – правового характера.

В гл. 2 Конституции РФ закреплены права и свободы человека и гражданина, которые в науке конституционного права называются конституционными. Под ними понимают «закрепленные в Конституции РФ возможности совершать те или иные действия, избирать вид и меру поведения, пользоваться представленными благами для удовлетворения своих интересов и потребностей», а также виды общественно необходимого поведения [14, стр. 54-55].

Правовое положение осужденных к лишению свободы предполагает необходимость, «с одной стороны, в максимальной степени обеспечить соблюдение прав осужденных, их законных интересов, а с другой – предоставить администрации исправительных учреждений необходимые правовые рычаги для эффективного достижения целей наказания, обеспечения порядка и дисциплины в деятельности исправительных учреждений, предупреждения среди осужденных новых преступлений и иных правонарушений, а также их исправления» [27, стр. 47].

Все права и свободы личности подразделяются на три группы: личные, политические и социально-экономические. В такой последовательности мы планируем рассмотрение нормативных оснований правового положение осужденных. В данной статье рассмотрим личные и политические права и свободы осужденных.

Личные права и свободы осужденных.

Личные права и свободы – это возможности человека, ограждающие его от незаконного и нежелательного вмешательства в его личную жизнь и внутренний мир. Они призваны «обеспечить существование, своеобразие и автономию личности» [28, стр. 196]. По большому счету все права, принадлежащие человеку, в равной степени являются личными. Однако в узком смысле под личными правами и свободами человека понимается та их часть, которая непосредственно предназначена для защиты личной жизни и свободы каждого человека.

К личным правам и свободам человека относится право: на жизнь; охрану достоинства личности; свободу и личную неприкосновенность; неприкосновенность частной жизни; личную и семейную тайну; защиту своей чести и доброго имени; тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; неприкосновенность жилища; свободное определение и указание своей национальной принадлежности; пользование родным языком, свободный выбор языка общения, обучения и творчества; свободное передвижение по территории Российской Федерации; выбор места пребывания и жительства, свободу совести и вероисповедания (ст. 20–28 Конституции РФ).

Право осужденного на жизнь относится к естественному праву и существует как данное. Этим правом наделены все граждане, в том числе и лица, приговоренные к разным срокам изоляции от общества.

Необходимо обратить внимание, что в юридической литературе право на жизнь рассматривается в широком и узком аспекте, с учетом которого, излагают его содержание и гарантии. В широком аспекте, как отмечает Р.А. Мюллерсон, право на жизнь включает такие гарантии как: безвредная среда, уровень медицинского обслуживания, контроль за условиями, при которых человек может быть лишен жизни властями или в результате преступлений, и иное [20, стр. 82]. В узком аспекте это право состоит в неприкосновенности человеческой жизни [15, стр. 6]. Праву человека на жизнь посвящают свои исследования многие российские и зарубежные авторы [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Применительно к осужденным в местах лишения свободы обеспечивающими право на жизнь, являются материально-бытовые условия и медико-санитарное обеспечение, именуемые в международной практике микросоциальными условиями содержания осужденных [25, стр. 10-12]. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации эти условия к разряду основных никогда не относила [23,

стр. 10].

Принимая во внимание специфику жизни в условиях изоляции от общества, возможные конфликты, как в среде осужденных, так и между осужденными и персоналом исправительного учреждения, а также в целях юридической гарантии обеспечения права осужденных на жизнь, УИК РФ впервые провозглашает право осужденных на личную безопасность. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 13 УИК РФ [17, стр. 63] при возникновении угрозы личной безопасности осужденный вправе обратиться с заявлением к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказание, с просьбой об обеспечении его личной безопасности. Последний обязан принять соответствующие меры по обеспечению личной меры безопасности обратившегося к нему лица. Начальник учреждения, исполняющего наказание, по заявлению осужденного или по собственной инициативе, должен принять решение о переводе осужденного в безопасное место или иные меры, устраняющие угрозу личной безопасности такого осужденного.

Осужденные, независимо от их согласия, не могут быть подвергнуты медицинским и иным опытам, которые ставят под угрозу их жизнь (ч. 3 ст. 12 УИК РФ). Данное положение специально оговорено в УИК РФ во избежание проведения различных экспериментов над осужденными с их согласия (получить которое в условиях изоляции от общества несложно), направленных на испытание действия как медицинских препаратов, так или иных разработок в области науки и техники.

Европейские тюремные правила разрабатывались и принимались под эгидой Совета Европы в 1973 г. (опубликованные в 1987 г.) [19, стр. 83-94].

Сейчас они являются единственным в мире региональным международно-правовым документом, содержащим столь обширные специальные нормы об обращении с осужденными. Одной из наиболее существенных особенностей этих правил является приоритетное выделение в них 6 основных принципов, представляющих собой гуманистические обращения с заключенными.

Анализируя приведенные документы, мы не делаем акцент на обязательный или рекомендуемый характер их положений, поскольку придерживаемся мнения, что положения международного законодательства в области безопасности личности осужденного должны иметь только обязательный характер для любого государства. Также необходимо отметить крайне неудовлетворительное состояние материально-бытового обеспечения, которое является гарантированным минимумом, обеспечивающим нормальную жизнедеятельность осужденных. Медико-санитарное обеспечение выполняет контрольные функции за качеством условий содержания осужденных в местах лишения свободы и является одним из существенных условий из безопасности. Государство фактически подвергает их опасности заболевания, помещая в условия, наносящие вред здоровью [24, стр. 195].

Посягательство на жизнь осужденного со стороны других осужденных или иных лиц влечет уголовную ответственность на общих основаниях.

Достоинство личности осужденных, так же как и их право на жизнь, охраняется государством без каких-либо ограничений, «ничто не может быть основанием для его умаления» (ч. 1 ст. 21 Конституция РФ). В преамбуле Европейских тюремных правил, принятых Советом Министров европейских стран в феврале 1987 г., с периодически вносимыми поправками, подчеркивается, что особое значение в этом документе придается предписаниям об уважении человеческого достоинства заключенных [2]. В период отбывания наказания именно «при человеческих отношениях наказание действительно будет не более как приговором, который провинившийся произносит над самим собой. Никому не придет в голову убеждать его в том, что внешнее насилие, произведенное над ним другими, есть насилие, произведенное им над самим собой. В других людях он, напротив будет встречать естественных спасителей от того наказания, которое он сам наложил на себя, т.е. отношение будет прямо-таки противоположным» [18, стр. 197].

В ч. 2 ст. 12 УИК РФ отмечается, что «осужденные имеют право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения, исполняющего наказания. Они не должны подвергаться жестокому или унижающему достоинство обращения. Меры принуждения могут быть применены к осужденным не иначе как на основании закона».

Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений осужденным запрещено наносить себе и другим лицам татуировки, употреблять жаргонные слова и выражения,

давать и присваивать клички. Подобные действия, избежать которые в местах лишения свободы практически невозможно, приравниваются к нарушениям требований режима, и могут повлечь применение мер взыскания.

Исполнение наказания не ущемляет и права осужденных на указание своей национальной принадлежности, пользование родным языком, свободу выбора общения, воспитания и творчества (ст. 26 Конституции РФ). Осужденные – граждане Российской Федерации дают объяснения, ведут переписку, а также обращаются с предложениями, заявлениями и жалобами в соответствующие органы, общественные объединения «на государственном языке Российской Федерации либо, по их желанию, на государственном языке субъекта Российской Федерации по месту отбывания наказания. Осужденные – иностранные граждане и лица без гражданства вправе давать объяснения и вести переписку, а также обращаться с… предложениями, заявлениями и жалобами на родном языке или на любом другом языке, которым они владеют, а в необходимых случаях пользоваться услугами переводчика. Ответы осужденным даются на языке обращения. При отсутствии возможности дает ответ на языке обращения он дается на государственном языке Российской Федерации с переводом ответа на язык обращения, обеспечиваемым учреждением или органом, исполняющим наказания» (ч. 5 ст. 12 УИК РФ).

Прямым ограничениям подвергнуты права осужденных на личную неприкосновенность; неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; частную жизнь и неприкосновенность жилища. В местах лишения свободы осуждённые проживают в условиях постоянной охраны и надзора над ними. Сами осуждённые, а также помещения, в которых они проживают (в том числе и в случаях проживания со своими семьями на арендованной или собственной площади на территории колонии поселения или за её пределами), в любое время могут подвергаться обыску, а их вещи – досмотру.

В соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений 1997 г. дважды в день (утром и вечером), а при необходимости – в любое время суток проводятся проверки наличия осуждённых. Посылки, передачи и бандероли, получаемые осуждёнными, подвергаются досмотру, а получаемая и отправляемая ими корреспонденция – цензуре. Письма, выполненные тайнописью, шифром, с применением других условностей или жаргона, а также носящие циничный характер, направленные на причинение вреда охраняемым законом правам государственных органов, общественных объединений и отдельных граждан либо содержащие сведения, составляющие государственную, служебную тайну, адресату не направляются, о чём объявляется последнему. Телефонные разговоры осуждённых контролируются персоналом исправительных учреждений. Телефонные разговоры между осуждёнными, содержащимися в исправительных учреждениях, запрещаются (ч. 5 ст. 82, п. «б» ч. 1 ст. 129, ч. 4 ст. 90, ч. 2 ст. 91, ч. 4, 5 ст. 92 и др. УИК РФ).

В случаях посещения учреждений, исполняющих наказания, по специальному разрешению администрации этих учреждений и органов либо вышестоящих органов представителями средств массовой информации, кино-, фото – и видеосъёмка осуждённых, их интервьюирование могут осуществляться толь с письменного на то согласия (ч. 3 и 4 ст. 24 УИК РФ).

Администрация исправительных учреждений обязана охранять осужденных от насильственных посягательств на их личную неприкосновенность, привлекая виновных к ответственности. На практике случаи близких отношений между осужденными тщательно скрываются от администрации. В то время в местах лишения свободы распространены и случаи злоупотребления администрацией колоний своими служебными полномочиями, прямое унижение с их стороны чести и достоинства виновных, их личной неприкосновенности, что усугубляет негативные моменты наказания. Разоблачать подобные ситуации, призван контроль со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, судебный и ведомственный контроль, а также прокурорский надзор и различные общественные организации, действующие в соответствии с положениями ст. 19–24 УИК РФ. С июня 2001 г. уполномоченный по правам человека в России имеет право при проведении проверки по жалобе посещать учреждения и органы, исполняющие наказания, без специального на то разрешения [1].

Осужденным гарантируется свобода совести

и свобода вероисповедания.

Термин «совесть» еще со времен Российской империи традиционно используется для обозначения мировоззренческих начал в человеке, а свобода совести означает его духовное и юридическое право не только на выбор формы веры в Бога, но и выбор формы отрицания этой веры [12, стр. 22].

Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» предусматривает возможность совершения религиозных обрядом и церемоний в воинских частях, в местах лишения свободы [13; 21]. Практической гарантией реализации этой возможности являются положения ст. 14 УИК РФ, в соответствии с которыми к осужденным, по их просьбе, могут быть приглашены священнослужители.

В настоящее время осужденные, содержащиеся в местах лишения свободы, в полной мере осуществляют свое право на свободу совести, право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними. УИК РФ подробно регламентирует осуществление осужденными права на свободу совести и вероисповедания. В нем содержится только одно прямое ограничение этого права: при его осуществлении не должны нарушаться правила внутреннего распорядка исправительного учреждения, а также ущемляться права других лиц (ч. 2 ст. 14 УИК РФ).

Даже к осужденным, содержащимся в штрафных изоляторах, одиночных камерах исправительных колоний строгого режима, штрафных и дисциплинарных изоляторах (в порядке применения меры взыскания за нарушение требований режима), а также в помещениях камерного типа, могут быть допущены священнослужители при условии обеспечения им личной безопасности.

Действующий Уголовно-исполнительный кодекс содержит специальную норму об обеспечении тяжелобольным осужденным, а также осужденным к смертной казни перед исполнением приговора, по их просьбе, возможности совершения всех необходимых религиозных обрядов с приглашением священнослужителей (ч. 6 ст. 14).

Осужденным разрешается совершение религиозных обрядов, пользование предметами культа и религиозной литературой. В этих целях администрация исправительного учреждения выделяет им соответствующее помещение [11; 26].

С 1988 г. осужденным разрешено иметь при себе нательную религиозную атрибутику (кресты, иконы, не представляющие высокой художественной ценности и изготовленные не из драгоценных металлов). В некоторых колониях открывают две духовные комнаты: для исповедующих православие и для мусульман, строятся церкви.

Осужденные к наказаниям, связанным с изоляцией их от общества, прямо ограничены в праве на свободу передвижения. Это ограничение карательного свойства. Собственно в степени ограничения свободы передвижения выражается основное отличие в содержании рассматриваемых видов наказаний. Данным ограничением определяется и специфика правового положения лиц, приговоренных к этим наказаниям. Свобода передвижения лиц, осужденных к разным видам лишения свободы (аресту, лишению свободы с отбыванием в исправительных колониях с различным видом режима: общего, строгого и особого режимов, колониях-поселениях, тюрьмах, воспитательных колониях, пожизненному лишению свободы), различается по степени: минимальной – в колониях-поселениях; средней – в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов на общих или облегченных условиях содержания и на общих, облегченных и льготных условиях в воспитательных колониях; и максимальной – в исправительных колониях общего, строго и особого режимов и в воспитательных колониях на строгих условиях содержания, в исправительных колониях особого режима, предназначенных для отбывания наказания лицами, осужденными к пожизненному лишению свободы, и в тюрьмах.

При минимальной степени изоляции осужденные ограничены в свободе передвижения в пределах колонии, они содержатся без охраны, но под надзором, могут с разрешения администрации колонии передвигаться без надзора вне колонии-поселения, но в пределах территории соответствующего административно-территориального образования. Осужденным, не допускающим нарушений требований режима, может быть предоставлено право проживания со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади на территории колонии-поселения или за ее пределами. При средней степени изоляции осужденные проживают в общежитиях и передвигаются по территории колонии в строго ограниченных

пределах, они находятся под постоянной охраной и надзором. При максимальной степени изоляции осужденные проживают в запираемых помещениях или одиночных камерах и пользуются правом на ежедневные прогулки в специально отведенных для этого местах, продолжительность которых ограничена законом.

В период отбывания наказания в зависимости от поведения осужденных степень их изоляции может изменяться как в сторону смягчения, вплоть до условно-досрочного освобождения из исправительного учреждения, так и в сторону ужесточения, вплоть до перевода в исправительную колонию с более строгим режимом содержания. Со свободой передвижения связано восприятие осужденными своего правового статуса.

Политические права и свободы осужденных.

Политические права и свободы личности – это закрепленные в Конституции «возможности человека в государственной и общественно-политической жизни, обеспечивающие его политическое самоопределение и свободу, участие в управлении государством и обществом» [16; 22]. К ним относятся: свобода мысли и слова; право на объединение в общественные организации, право на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, право на участие в управлении делами государства, право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 29–33 Конституции РФ).

Свобода мысли, слова, получения информации (ст. 29 Конституции РФ).

Осужденные могут свободно высказывать свои мысли, суждения и убеждения по любым вопросам как в устной (в беседах между собой, с представителями администрации исправительного учреждения, контролирующими исправительное учреждения органами, на заседаниях коллективов и советов отрядов исправительных учреждений и пр.), так и в письменной (многотиражной стенной печати исправительного учреждения, районных, областных, центральных газетах и журналах и т. п.) формах. Они сами определяют систему своих духовных ценностей, верований и пр. Помимо ограничений свободы мысли и слова, установленных в ст. 29 Конституции РФ для всех граждан (о недопустимости пропаганды или агитации, возбуждающей расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, запрета пропаганды социального, национального, религиозного или языкового превосходства), все выступления осужденных, заседания советов коллектива исправительного учреждения проводятся под контролем соответствующих органов, публикации подвергаются цензуре.

Истории советских лагерей известны примеры работы осужденных в условиях изоляции и строгого контроля над серьезными научными открытиями и художественными произведениями, выходившими впоследствии в свет и становившимися доступными читателям. Осужденные регулярно издают стенные газеты, членами редакционных коллегий которых они являются. Правда, редакторами газет могут быть; для газет исправительной колонии – начальники колонии или их заместители; отрядных – начальник отряда. В стенных газетах недопустимы заметки с критикой в адрес персонала исправительного учреждения, которая может осуществляться иными путями (подачей жалоб и заявлений в вышестоящие органы, подобная корреспонденция не подлежит цензуре).

В 20-х гг. в ряде исправительно-трудовых учреждений осужденными издавались местные газеты и журналы, например: «Всюду жизнь» (Орел, 1924); «Голос заключенного» (Гомель, 1924); «За железной решеткой» (Вятка, 1923) и др. В настоящее время в отдельных колониях появилась возможность просмотра собственной телегазеты, которую готовят психолог колонии и один из ее сотрудников. С экрана оборудованного в колонии кабельного телевидения до осужденных доводится полезная информация о жизни в колонии и устройство судьбы осужденных после освобождения. Сегодня, помимо местных газет, публикации осужденных можно встретить и в центральной печати. Некоторые колонии издают небольшими тиражами сборники стихов осужденных, тиражируются газеты. Например, в одной из исправительных колоний регулярно выходит своя газета «Диалог» [16; 22]; псковская газета «Зона» выходит в количестве 200 экз.; издан сборник стихов заключенных Псковской колонии, и др.

Прямых ограничений на издательскую деятельность у осужденных нет. Естественно, что в силу факта изоляции о общества возможности в свободе слова и мысли осужденных, по сравнению с лицами, проживающими на свободе,

косвенно ограничены.

Незначительные прямые ограничения устанавливает РФ применительно к праву осужденных на свободу информации. В соответствии со ст. 95 УИК РФ «осужденным к лишению свободы разрешается получать в посылках, передаче бандеролях письменные принадлежности, приобретать через торговую сеть литературу, а также без ограничений подписываться на газеты и журналы за счет собственных средств, однако при себе иметь им разрешено не более десяти экземпляров книг и журналов. Литература в количестве, превышающем допустимые нормы, может быть сдана осужденным на хранение или, с его согласия, передана в пользование библиотеки исправительного учреждения. Лицам, лишенным свободы, запрещено иметь при себе издания, пропагандирующие войну, разжигание национальной и религиозной вражды, культ насилия или жестокости, издания порнографического характера».

Право на объединение (ст. 30 Конституции РФ) в местах лишения свободы, как правило, влечет за собой исключение осужденных из общественных организации, объединений (партийных, профсоюзных, спортивных обществ и др.). Вместе с тем в исправительных учреждениях создаются самодеятельные организации осужденных», а из числа положительно зарекомендовавших себя осужденных – советы коллективов исправительных учреждений, могут создаваться и иные самодеятельные организации (спортивные, клубы по интересам, производственные объединения и др.), которые работают под контролем администрации исправительного учреждения. При советах коллективов создаются различные секции: внутреннего порядка, санитарно-бытовая, производственная, общественного питания и торговли, корреспонденции многотиражных газет и пр.

Основными задачами самодеятельных организаций осужденных являются: оказание осужденным помощи в духовном, профессиональном и физическом развитии; развитие полезной инициативы осужденных; оказание позитивного влияния на исправление осужденных; участие в решении вопросов организации труда, быта и досуга осужденных; содействие администрации исправительных учреждений в поддержании дисциплины и порядка, формировании здоровых отношений между осужденными; оказание социальной помощи осужденным и их семьям и др. Таким образом, с определенными ограничениями осужденные через самодеятельные организации имеют возможность на самоопределение, свободу и участие в управлении специфическим обществом государства. Участие осужденных в самодеятельных организациях поощряется и учитывается при определении степени их исправления.

В тюрьмах и среди осужденных, содержащихся в помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа, самодеятельные организации не создаются (ч. 7 ст. 111 УИК РФ).

Статьей 7 Федерального закона «О свободе совести и религиозных убеждений» установлено прямое ограничение о запрете создания религиозных объединений в государственных органах и учреждениях, воинских частях и др., к которым относятся и исправительные учреждения. Осужденные к лишению свободы прямо ограничены в праве на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования. Эти ограничения установлены в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений 1997 г. и продиктованы целями поддержания порядка в местах лишения свободы, предупреждения разного рода провокаций. Однако советы коллективов могут с разрешения и под контролем администрации учреждения проводить собрания по поводу каких-либо значимых событий, происходящих в государстве.

Право на участие в управлении делами государства (ст. 32 Конституции РФ). В период отбывания наказания в виде лишения свободы, осужденные существенно прямо и косвенно ограничены в правах на участие в управлении делами государства. Эти ограничения предопределены качественным свойством наказания в виде лишения свободы, они не затрагивают осужденных к наказаниям, не связанным с их изоляцией от общества. Действующее законодательство устанавливает прямое ограничение праву осужденных, находящихся в местах лишения свободы по приговору на участие в выборах. Осужденные, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, не могут избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, они не имеют доступа к государственной службе, не имеют права участвовать в отправлении правосудия (ч. 3, 5 ст. 32 Конституции РФ).

Осужденные косвенно ограничены в праве обращаться лично в государственные органы и органы местного самоуправления по вопросам управления делами государства и по вопросам об улучшении работы исправительного учреждения. Однако они могут направлять индивидуальные или коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, критикующие работу исправительного учреждения, а также предложения по ее совершенствованию и пр.

Осужденные к аресту или лишению свободы иностранные граждане имеют право поддерживать связь с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств в Российской Федерации, а граждане государств, не имеющих дипломатических представительств и консульских учреждений в Российской Федерации, – с дипломатическими представительствами государств, взявших на себя охрану их интересов, или с межгосударственными органами, занимающимися защитой таких осужденных (ч. 9 ст. 12 УИК РФ).

Вместе с тем осужденные не ограничены в праве обсуждения вопросов, связанных с проведением в государстве избирательной кампании, получать такую информацию через телевидение, периодическую печать и т.п.

Список литературы

1. Федеральный закон от 19.06.2001 № 85-ФЗ «О внесении дополнений и изменений в статью 24 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 26. – Ст. 2589.
2. Европейские тюремные правила / Рекомендация Rec(2006)2 Комитета Министров Совета Европы к государствам-членам. Январь 2006 г. // http://protivpytok.org/zakon/561-2/evropejskie-tyuremnye-pravila-oon
3. Аббасов Ф.Н., Агаев Г.А., Дашин А.В., Мартынов В.Ф., Пузанов Ю.П., Ищенко А.Г., Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Законодательство России о праве человека на жизнь // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 100-102.
4. Бабаджанов И.Х. Жизнь и смерть человека как институционально-правовые категории (теоретико-аксиологический и частно-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – Душанбе, 2014.
5. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34.
6. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 21-27.
7. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь как абсолютная ценность // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 16-20.
8. Бабаджанов И.Х. Юридическое содержание права на жизнь и социальная ценность человеческой жизни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 124-133.
9. Бабаджанов И.Х., Сальников С.П. Право на жизнь: понятие, содержание и некоторые вопросы юридического закрепления // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 4. – С. 23-25.
10. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 122-127.
11. Брылева Е.А. Реализация права на свободу совести и других прав несовершеннолетними осужденными и проблемы их ресоциализации // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 6. – С. 148-154.
12. Дозорцев П. Конституционно-правовые основы свободы совести в России // Российская юстиция. – 1999. – № 2. - С. 22-24.
13. Ерофеев К.Б. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»: некоторые уроки правоприменительной практики // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 96-103.
14. Казанчев Ю.Д. Конституционное право Российской Федерации. Вопросы и ответы: Учебное пособие для студентов юридических вузов и факультетов. – М.: Бизнес Консалтинг Центр, 1998.
15. Кальченко Н.В. Право человека и гражданина на жизнь и его гарантии в Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб.. 1995.
16. Киреев Н. Телегазета за колючей проволокой // Российская газета. – 2000. – 11 января.
17. Комментарии к уголовно-исполнительному кодексу РФ и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными / Под общ. ред. П. Г. Мищенкова. – М.: Экспертное бюро-М, 1997. - 796 с.

18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т 2.
19. Международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. – М.: Международные отношения, 1993. - 704 с.
20. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. – М.: Юрид. лит., 1991. - 160 с.
21. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный) / Авт. колл.: Шахов М.О., ин. Ксения (Чернега О.А.), Ряховский В.В., Вагина Т.В., Себенцов А.Е. и др.; под общ. ред. Маранова Р.В. – М.: Славянский правовой центр, 2011. – 624 с.
22. Полякова А. Говорит и показывает тюрьма! // Комсомольская правда. – 1996. – 25 декабря.
23. Пономарев П.Г. Международно-правовые стандарты обращения с заключенными и национальные варианты их реализации. – Рязань: РВШ МВД РФ, 1994. – 69 с.
24. Права человека в России – международное измерение. – М.: Права человека, 1995.
25. Ресоциализация лиц, отбывающих наказания, и их социальная адаптация после освобождения. – М.: ГИЦ МВД СССР, 1991.
26. Реуф В.М. Пенитенциарная система и свобода совести и вероисповедания в современной России // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 111-121.
27. Селиверстов В., Шмаров И. Правовое регулирование исполнения наказаний в виде лишения свободы и смертной казни // Российская юстиция. – 1997. – № 5. – С. 47-48.
28. Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Юристъ, 1997.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

КОЛЕСНИКОВ Олег Владимирович,
заместитель начальника управления уголовного розыска ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

МАКАРЕНКО Максим Анатольевич,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

УЧАСТНИКИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. Лекция

В результате изучения данной темы обучающийся должен:

Знать: *понятие и классификацию участников уголовного судопроизводства; процессуальные функции, права и обязанности каждого из участников уголовного судопроизводства (суда, прокурора, стороны обвинения, стороны защиты, иных участников); обстоятельства, исключающие участие в уголовном процессе.*

Уметь: *определять процессуальное положение каждого из участников уголовного судопроизводства; анализировать и применять правовые нормы, устанавливающие процессуальные права и обязанности участников уголовного судопроизводства; устанавливать обстоятельства, которые требуют исключения того или иного лица из участия в уголовном процессе.*

Владеть: *терминологией, используемой при регламентации процессуального положения каждого из участников уголовного судопроизводства; навыками реализации норм права, устанавливающих процессуальные права и обязанности участников уголовного процесса.*

Ключевые термины*: участники уголовного судопроизводства; сторона защиты; сторона обвинения; суд; иные участники уголовного судопроизводства; обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве.*

KOLESNIKOV O.V.
MAKARENKO M.A.

PARTICIPANTS OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS. Lecture

As a result of studying of the given theme the trained should:

To know: *concept and classification of participants of criminal legal proceedings; remedial functions, the rights and duties of each of participants of criminal legal proceedings (court, the public prosecutor, the party of charge, the party of protection, other participants); the circumstances excluding participation in criminal trial.*

To be able: *to define remedial position of each of participants of criminal legal proceedings; to analyze and apply the rules of law establishing procedural rights and duties of participants of criminal legal proceedings; to establish circumstances which demand an exception of this or that person of participation in criminal trial.*

To own: *the terminology used at a regulation of remedial position of each of participants of criminal legal proceedings; skills of realisation of norms of the right establishing procedural rights and duties of participants of criminal trial.*

Key terms: *participants of criminal legal proceedings; the protection party; the charge party; court; other participants of criminal legal proceedings; the circumstances excluding participation in criminal legal proceedings.*

Понятие и классификация участников уголовного судопроизводства

Под ***участниками уголовного судопроизводства***, согласно п. 58 ст. 5 УПК РФ, понимаются *принимающие участие в уголовном процессе лица*. Все они наделены процессуальными правами и обязанностями, соответствующими их статусу, способны вступать друг с другом в уголовно-процессуальные отношения. Это могут быть не только лица, физические и юридические, но и органы и организации, хотя приведенным определением они не вполне охватываются.

В ст. 5 УПК РФ представлены понятия основных участников уголовного судопроизводства, а их процессуальные права и обязанности закреплены в статьях раздела II УПК РФ. Также они регламентируются, дополняются и конкретизируются правовыми нормами, содержащимися в других разделах уголовно-процессуального закона.

Исходя из структуры раздела II УПК РФ, и на основе функционального критерия всех участников уголовного судопроизводства можно классифицировать следующим образом:

1) суд как основной субъект уголовного процесса, осуществляющий правосудие (основная функция – разрешение уголовного дела);
2) сторона обвинения – прокурор, а также следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания, начальники органов и подразделений дознания, частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель (п. 47 ст. 5 УПК РФ);
3) сторона защиты – обвиняемый, его законный представитель и защитник, а также гражданский ответчик, его законный представитель и представитель (п. 46 ст. 5 УПК РФ);
4) иные участники – свидетель, эксперт, специалист, переводчик и понятой (процессуальная функция – содействие правосудию).

Данная классификация условна и не охватывает всех возможных участников, вступающих или вовлекаемых в уголовно-процессуальные правоотношения.

Так, подозреваемый изначально не отнесен законодателем к стороне защиты, поскольку под сторонами понимаются участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения (п. 45 ст. 5 УПК РФ). Между тем, уголовное преследование может осуществляться в отношении того или иного лица не только с момента приобретения им статуса обвиняемого, но и ранее. Для защиты от него подозреваемый наделяется определенной совокупностью процессуальных возможностей, регламентированных ст. 46, которая открывает главу 7 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты».

В разделе II УПК РФ лишь упоминается о секретаре судебного заседания (ст. 62 УПК РФ). Его же права и обязанности установлены статьей 245 и некоторыми другими статьями уголовно-процессуального закона, регламентирующими судебные стадии уголовного процесса. Данный участник уголовного судопроизводства выполняет в основном вспомогательные функции, такие как ведение протокола судебного заседания,

проверка явки в суд, выполнение поручений председательствующего судьи. Характер выполняемых им обязанностей позволяет определить его в группу иных (содействующих правосудию) участников уголовного судопроизводства.

Обратим внимание на то обстоятельство, что законодатель хотя и упоминает некоторых участников уголовного судопроизводства, но не регламентирует их права и обязанности в специально посвященной им статье. Однако они могут быть определены посредством совокупного анализа предоставляемых им законом прав, а также возлагаемых на государственные органы и должностных лиц обязанностей по их обеспечению. К таким участникам относятся, например, заявитель сообщения о преступлении, поручитель и залогодатель при применении соответствующих мер пресечения, лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Приведенная выше классификация участников уголовного судопроизводства основана, прежде всего, на принципе состязательности (ст. 15 УПК РФ), предусматривающим три основные уголовно-процессуальных функции – обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. Данные функции отделены друг на друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. При этом стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Однако в досудебном производстве о состязательности можно говорить лишь условно. Основным его субъектом выступает следователь или дознаватель, которые осуществляют предварительное расследование при содействии органа дознания, под контролем своих руководителей и суда, под надзором прокурора. Ими формируется обвинение, которое по завершении расследования согласуется с прокуратурой и поддерживается ею в суде в условиях состязательности [30; 52; 60].

Участники уголовного процесса могут быть классифицированы и по критерию наличия или отсутствия государственно-властных полномочий. Такими полномочиями обладают суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель, орган дознания, начальники органов и подразделений дознания. Остальные участники ими не наделены (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, свидетель и другие). Соответственно в их производстве не могут состоять материалы проверок сообщений о преступлениях и (или) уголовные дела, они не вправе применять меры государственного принуждения, производить следственные и иные процессуальные действия, принимать решения.

В научной и учебной литературе предлагаются и другие классификации участников уголовного судопроизводства. Те же, что приведены выше, составляют основу изложения учебного материала в настоящей статье. Сначала рассматривается группа тех участников, которые осуществляют уголовное судопроизводство, затем – участники, которые не наделены теми или иными государственными полномочиями.

Особое внимание уделено прокурору как особому субъекту уголовно-процессуальных правоотношений. Несмотря на то, что он наделен процессуальными функциями прокурорского надзора и уголовного преследования, в его производстве не могут находиться ни материалы проверок сообщений о преступлениях ни уголовные дела.

Характер и объем процессуальной деятельности каждого из участников уголовного судопроизводства не одинаков и зависит от их статуса, приобретаемого ими в связи с их вступлением либо вовлечением в уголовно-процессуальные правоотношения. В свою очередь, он конкретизируются в рамках тех или иных правовых связей, возникающих и развивающихся в период существования данных отношений. Вместе с тем все участники уголовного судопроизводства находятся под защитой государства [23; 40; 85].

Субъекты, осуществляющие уголовное судопроизводство

Под субъектами, осуществляющими уголовное судопроизводство, понимаются такие его участники, в производстве которых могут находиться материалы проверок сообщений о преступлениях и (или) уголовные дела. Это следователь, дознаватель, орган дознания и суд. Так же к ним могут быть отнесены руководители следственных органов, начальники органов и подразделений дознания. Они наделены как правом принимать к своему производству материалы проверок и уголовные дела, так и осуществлять руководство и контроль за процессуальной деятельностью подчиненных должностных лиц.

В рамках своей компетенции все осуществляющие уголовное судопроизводство субъекты вправе производить следственные и иные процессуальные действия, применять меры

государственного принуждения, принимать процессуальные решения. К ним относятся следующие:

1. **Суд** является центральной фигурой в уголовном судопроизводстве, поскольку только ему предоставлено право осуществлять правосудие, в том числе по уголовным делам (ст. 118 Конституции России, ст. 8 УПК РФ). Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом.

Под судом понимается любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом (п. 48 ст. 5 УПК РФ). При этом судья – это должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие (п. 54 ст. 5 УПК РФ) [53; 54; 57; 79].

В досудебном производстве осуществляется проверка сообщений о преступлениях, и по возбужденным уголовным делам проводится предварительное расследование. Оно является предварительным, поскольку в дальнейшем будет проводится судебное следствие, по результатам которого будет вынесено судебное решение, разрешающее вопрос о виновности подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления и назначении уголовного наказания. Определяющий характер носят также и те решения суда, которые им принимаются в досудебных стадиях уголовного процесса в порядке судебного контроля.

Уголовные дела рассматриваются как федеральными судами, так и мировыми судьями [38]. При этом функция судебного контроля в досудебном производстве выполняется только федеральными судьями [27].

С целью уяснения понятия суда могут быть выделены следующие три теоретико-правовые категории:

1) *судебное звено,* то есть совокупность судов разного уровня, обладающих одинаковыми полномочиями. К низшему звену относятся мировые судьи, а также федеральные районные (городские) суды и гарнизонные военные суды. Среднее звено представляют суды субъектов РФ и окружные (флотские) военные суды. Высшее звено судебной системы – Верховный Суд РФ;

2) *судебная инстанция* – это тот суд, который рассматривает уголовное дело по существу либо пересматривает решение нижестоящего суда. Законом предусмотрены следующие инстанции (пункты 14, 16, 52 и 53 ст. 5 УПК РФ):

- первая (рассматривает уголовные дела по существу и правомочна выносить приговор, а также принимать решения в ходе досудебного производства по делу);
- вторая – апелляционная (рассматривает уголовные дела в апелляционном порядке по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления, иные решения судов);
- кассационная (рассматривает уголовные дела в кассационном порядке по жалобам и представлениям на вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления судов);
- надзорная (Президиум Верховного Суда РФ рассматривает в порядке надзора уголовные дела по надзорным жалобам и представлениям на вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления судов);

3) состав суда, который предполагает рассмотрение уголовного дела и (или) его пересмотр: а) единолично федеральным или мировым судьей; б) тремя федеральными судьями; в) федеральным судьей и коллегией присяжных заседателей (в судах второго звена он состоит из 8 присяжных, в судах третьего звена – 6); г) коллегией в составе не менее трех судей; в) большинством членов Президиума Верховного Суда РФ.

Основные полномочия суда регламентированы в ст. 29 УПК РФ. Прежде всего, они состоят в правомочии признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание. Кроме того, только суд вправе применять к лицу принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия [48; 58; 59]. В порядке пересмотра судебных решений (апелляция, кассация, надзор) отменить или изменить решение, принятое нижестоящим судом, может только вышестоящий суд [15; 36; 51; 69; 82].

При рассмотрении уголовного дела и (или) в рамках досудебного производства, только суд правомочен принимать следующие виды решений:

1) о применении мер процессуального принуждения, а именно:

- избрание залога, избрание и продление сроков применения таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест и запрет определенных действий;
- помещение подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинскую организацию для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы;

– временное отстранение подозреваемого или обвиняемого от должности;

2) о согласии на производство следователем или дознавателем следующих следственных действий:

- осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц;
- обыск и выемка в жилище;
- выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну либо содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях;
- обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката;
- личный обыск, исключая обыск подозреваемого при задержании или заключении под стражу, а также при наличии достаточных оснований полагать, что он, находясь в помещении или ином месте, в котором производится обыск, скрывает при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела;
- наложение ареста на корреспонденцию, ее осмотр и выемка в учреждениях связи;
- контроль и запись телефонных и иных переговоров;
- получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

3) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа;

4) о разрешении некоторых других вопросов, таких как:

- возмещение имущественного вреда;
- наложение ареста на имущество, установление и продление его срока;
- реализация, утилизация или уничтожение ряда вещественных доказательств, о их безвозмездной передаче.

Посредством рассмотрения перечисленных вопросов и принятия решений осуществляется судебный контроль. В части, относящейся к следственным действиям, он является превентивным. Когда же они производятся в условиях, не терпящих отлагательства, он приобретает последующий характер.

Важнейшим процессуальным средством реализации судом контрольной функции в досудебном производстве является рассмотрение в порядке ст. 125 УПК РФ жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования и прокуратуры.

В ч. 4 ст. 29 УПК РФ закреплено полномочие суда по вынесению им частных определений или постановлений в случае выявления в ходе судебного рассмотрения уголовного дела:

- обстоятельств, способствовавших совершению преступления, нарушений прав и свобод граждан;
- других нарушений закона, допущенных при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом.

В таких частных определениях (постановлениях) обращается внимание тех или иных организаций и должностных лиц на установленные судом обстоятельства и факты нарушений закона, которые требуют принятия соответствующих мер. Закон предусматривает, что суд обладает правом их вынесения в любых случаях, если признает это необходимым. На практике не редки случаи, когда на основании данного вида судебных решений уполномоченными на то руководителями привлекаются к дисциплинарной ответственности те или иные должностные лица, в том числе следователи и дознаватели.

Суд обладает и другими полномочиями, которые реализует при рассмотрении уголовных дел и пересмотре решений нижестоящих судов. Так, в ходе судебного разбирательства он вправе применять меры воздействия к его участникам за нарушение порядка в судебном заседании (ст. 258 УПК РФ).

На суд возлагается обращение приговоров, определений и постановлений к исполнению

(гл. 46 УПК РФ), а также разрешение широкого круга вопросов, связанных с их исполнением (гл. 47 УПК РФ).

2. **Следователь**. Согласно п. 41 ст. 5 и ч. 1 ст. 38 УПК РФ под следователем понимается должностное лицо, уполномоченное в пределах установленной для него компетенции осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Расследование им может осуществляться в форме дознания [20; 25; 34; 71].

К следственным органам относится Следственный комитет РФ (далее -СК России), а также следственные подразделения Министерства внутренних дел РФ (МВД России) и Федеральной службы безопасности РФ (ФСБ России).

Ввиду отсутствия соответствующих специалистов в системе СК России предусмотрены должности *следователей-криминалистов,* главной задачей которых является криминалистическое сопровождение предварительного расследования преступлений. Если исходить из содержания п. 401 УПК РФ, от обычного следователя он отличается тем, что наделен правом без принятия уголовного дела к своему производству, по поручению руководителя следственного органа, участвовать в производстве отдельных следственных и других процессуальных действий либо самостоятельно их производить.

На основании полномочий, предусмотренных ст. 38 УПК РФ, следователь вправе:

1) возбуждать уголовное дело, принимать его к своему производству или передавать руководителю следственного органа для направления по подследственности [17; 31; 35; 41];

2) давать органу дознания в случаях и порядке, установленных уголовно-процессуальным законом, обязательные для исполнения письменные поручения:

- о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- о производстве отдельных следственных действий;
- об исполнении постановлений о задержании, приводе, аресте имущества;
- о производстве иных процессуальных действий [42].

Кроме того, он имеет право рассчитывать на получение содействия от органа дознания при осуществлении тех или иных процессуальных действий, в том числе следственных [21].

С целью получения необходимой информации в рамках проверок сообщений о преступлениях или расследования уголовных дел следователь направляет множество различных запросов. В силу ч. 4 ст. 21 УПК РФ они обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и даже гражданами [83; 84].

Следователь является относительно самостоятельным в процессуальном отношении должностным лицом. Так, все решения о направлении следствия и производстве следственных действий он принимает самостоятельно. Однако, как отмечалось выше, обязательным условием производства тех из них, которые способны наиболее существенным образом затронуть конституционные права личности, проводятся на основании судебного решения (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Существенным образом ограничивается процессуальная самостоятельность следователя полномочиями руководителя следственного органа по контролю и руководству, осуществляемых в отношении его процессуальной деятельности, таких как дача указаний, отмена решений и др. Закон требует, чтобы следователь получал согласие на совершение целого ряда процессуальных действий и принятие ряда решений [28; 29].

Кроме того, за законностью и обоснованностью его процессуальных действий и решений следователя осуществляется прокурорский надзор, в рамках которого производится их проверка, принимаются меры по устранению выявленных нарушений федерального законодательства. Прокурор вправе отменять некоторые выносимые им постановления, а при возвращении оконченного расследованием уголовного дела – давать ему указания [24; 32; 33; 70; 72; 75].

Однако законом установлены некоторые гарантии, направленные на обеспечение процессуальной самостоятельности следователя. Он наделен правом обжалования указаний своего руководителя руководителю вышестоящего следственного органа посредством представления на них возражений. Но их исполнение приостанавливается только в случаях, когда они касаются изъятия уголовного дела и передачи его другому следователю, привлечения лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объема обвинения, избрания меры пресечения,

производства следственных действий, которые допускаются исключительно на основании судебного решения, направления дела в суд либо его прекращения (ч. 3 ст. 39 УПК РФ).

С согласия руководителя следственного органа следователь имеет возможность обжаловать постановления прокурора об отмене решений о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Он может не согласиться и с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства и представить свои письменные возражения на него руководителю следственного органа (ч. 3 ст. 38 УПК РФ).

В качестве одной из правовых гарантий процессуальной самостоятельности следователя является отнесение его к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства (п. 7 ч. 1 ст. 447 УПК РФ).

Закон наделяет следователя возможностью принятия мер, направленных на предупреждение совершения преступных деяний. Он вправе вносить в те или иные организации или тем или иным должностным лицам представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений или допущению других нарушений законности (ч. 2 ст. 158 УПК РФ).

Рассмотренные полномочия составляют основу процессуального статуса следователя. В уголовно-процессуальном законе предусмотрены и иные его полномочия, регламентированные правовыми нормами, содержащимися в различных его разделах и главах, где регламентируются вопросы, связанные с применением мер процессуального принуждения, возбуждением уголовного дела, привлечением лица в качестве обвиняемого, производством следственных и иных процессуальных действий, приостановлением и окончанием предварительного расследования, прекращением уголовного дела, а также отражающим особенности досудебного производства по отдельным категориям уголовных дел.

3. **Руководитель следственного органа**. Под данными участниками уголовного судопроизводства понимаются должностные лица, возглавляющие следственные подразделения органов государственной власти, а также их заместители (п. 38.1 ст. 5 УПК РФ). Они обладают высшей следственной властью на досудебных этапах уголовного судопроизводства [66].

К ним относятся Председатель СК России, заместитель Министра – начальник Следственного департамента МВД России, руководитель Следственного управления ФСБ России, их заместители, а также руководители территориальных и специализированных (в войсках, на транспорте и др.) органов данных ведомств на уровне федеральных округов, субъектов РФ, административных округов, районов и городов. Конкретизация полномочий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и их распределение среди руководителей следственных органов предусматриваются в соответствующих ведомственных нормативно-правовых актах [13].

Основные полномочия руководителя следственного органа, характеризующие его процессуальный статус, определены ст. 39 УПК РФ. Значительная их часть обеспечивает реализацию функций контроля и руководства, осуществляемых в отношении процессуальной деятельности подчиненных ему следователей. Кроме того, он вправе самостоятельно возбуждать уголовные дела и расследовать их в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя или руководителя следственной группы.

Следует обратить внимание на то, что Председатель СКР и руководители СКР по субъектам РФ наделены исключительным правом возбуждения уголовных дел в отношении большинства лиц особой категории, названных в ст. 447 УПК РФ, а также принятия решения о привлечении их в качестве обвиняемых, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения преступления.

Процессуальное руководство осуществляется руководителем следственного органа, прежде всего, посредством дачи следователям письменных указаний по таким вопросам как:

- направление расследования;
- производство отдельных следственных действий;
- привлечение лица в качестве обвиняемого;
- избрание в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения;
- уголовно-правовая квалификация преступ-

ления;
- объем обвинения.

Даваемые следователю указания обязательны для исполнения. Однако, как уже отмечалось, он вправе их обжаловать вышестоящему руководителю следственного органа. В рамках рассмотрения гарантий процессуальной самостоятельности следователя выше были приведены случаи, в которых исполнение обжалуемых указаний приостанавливается.

Руководитель следственного органа наделен правом поручения производства предварительного следствия тому или иному подчиненному следователю либо нескольким следователям. Он вправе изымать уголовное дело у одного следователя и передавать его другому с обязательным указанием оснований такой передачи. Кроме того, закон предоставляет ему право создавать следственные группы и изменять их состав, возглавлять их деятельность в качестве руководителя с принятием уголовного дела к своему производству.

На руководителя следственного органа возложена обязанность рассмотрения возражений следователя на письменные требования прокурора об отмене вынесенных им постановлений как незаконных или необоснованных, а также устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства. В случае не согласия с такими требованиями он выносит соответствующее постановление, которое направляет прокурору.

Процессуальный ведомственный контроль руководитель следственного органа осуществляет посредством проверки находящихся в производстве следователей материалов проверок сообщений о преступлениях и материалов уголовных дел. Он вправе:

1) отменять любые незаконные или необоснованные постановления подчиненных следователей и руководителей нижестоящих следственных органов, а также постановления руководителей, следователей (дознавателей) других органов предварительного расследования по уголовным делам, находящимся в производстве возглавляемого им следственного органа;

2) давать согласие следователям на:
- обжалование решений прокурора об отмене постановлений следователей о возбуждении уголовного дела и о возвращении уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования (п. 5 ч. 2 ст. 38, ч. 4 ст. 221 УПК РФ);
- отказ в возбуждении уголовного дела по результатам рассмотрения мотивированного постановления прокурора о направлении материалов прокурорской проверки в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании (ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ);
- возбуждение перед судом ходатайств об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения, производстве иных процессуальных действий, допускаемых на основании судебного решения (для принятия правильного решения по данному вопросу руководитель следственного органа имеет право лично допрашивать подозреваемого или обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству);
- прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием (статьи 25, 28 УПК РФ), уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ);
- направление обвинительного заключения прокурору (ч. 6 ст. 220 УПК РФ);
- возбуждение перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 4 ст. 317.1 УПК РФ);
- прекращение уголовного преследования и возбуждение перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ);
- совершение ряда других действий и принятие процессуальных решений в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом;

3) отстранять следователей от дальнейшего производства расследования в случаях нарушения ими уголовно-процессуального закона, разрешать заявленные им отводы, а также их самоотводы;

4) продлевать сроки процессуальных проверок сообщений о преступлениях (ч. 3 ст. 144 УПК РФ) и сроки предварительного расследования;

5) утверждать постановления следователей о прекращении производства по уголовному делу

и об осуществлении государственной защиты;

6) возвращать уголовные дела следователям со своими указаниями о производстве дополнительного расследования.

7) рассматривать жалобы на действия и решения следователей (ст. 124 УПК РФ).

Руководитель следственного органа является для следователя не только процессуальным руководителем и контролером, но и непосредственным его начальником. Он организует всю работу следственного подразделения процессуального и внепроцессуального характера. В случае отмены прокурором или судом процессуальных решений следователя о прекращении уголовного дела и о приостановлении расследования, возвращения дела на дополнительное следствие, возобновления производства в отношении лица, к которому применена принудительная мера медицинского характера, и ряде других предусмотренных законом случаев, уголовное дело направляется руководителю следственного органа, который организует расследование по нему, обеспечивает устранение допущенных следователями нарушений законности и других недостатков.

Уголовно-процессуальным законом предусмотрен широкий круг процессуальных решений, которые вправе выносить руководитель следственного органа. Они касаются различных вопросов, возникающих в следственной работе, таких как соединение и выделение уголовных дел, их восстановление в случае утраты и многие другие.

4. **Орган дознания и дознаватель.** В ст. 5 УПК РФ представлены следующие понятия данных участников уголовного судопроизводства:

1) Орган дознания – государственные органы и должностные лица, уполномоченные в соответствии с уголовно-процессуальным законом осуществлять дознание и иные им предусмотренные полномочия (п. 24);

2) Дознаватель – должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные Уголовно-процессуальным законом (п. 7).

В ч. 1 ст. 40 УПК РФ названы следующие органы дознания:

1) органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции (перечень оперативных подразделений системы МВД России приведен в приложении к приказу от 19 июня 2012 г. № 608 [12]);

2) органы федеральной службы судебных приставов;

3) начальники органов военной полиции Вооруженных Сил РФ, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов;

4) органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы;

5) иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности [2], а именно – органы федеральной службы безопасности, федеральной службы охраны, службы внешней разведки, федеральной службы исполнения наказаний, а также таможенные органы, оперативные подразделения внешней разведки Министерства обороны РФ [43; 44; 45].

В части 2 этой же статьи установлены основные процессуальные функции перечисленных органов и должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства:

1) расследование в форме дознания уголовных дел, производство предварительного следствия по которым необязательно;

2) проведение неотложных следственных действий по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым обязательно;

3) осуществление иных предусмотренных УПК РФ полномочий, таких как, например, проверка сообщений о преступлениях, в том числе размещенных в средствах массовой информации (по поручению прокурора), выполнение поручений следователя, исполнение его постановлений о совершении тех или иных процессуальных действий, применении мер процессуального принуждения (задержание, привод и др.) [39; 46].

Согласно п. 19 ст. 5 УПК РФ производство неотложных следственных действий осуществляется органом дознания по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия

и исследования. Их проведение допускается в период не более 10 суток со дня возбуждения данного уголовного дела, после чего все его материалы направляются руководителю того следственного органа, которому оно подследственно (п. 3 ст. 149 УПК РФ).

Уголовно-процессуальный закон устанавливает компетенцию каждого органа дознания по производству неотложных следственных действий (ч. 2 ст. 157 УПК РФ). Кроме них, как предусмотрено в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, полномочия по возбуждению уголовных дел и производству неотложных следственных действий осуществляют:

1) капитаны морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, – по уголовным делам о преступлениях, совершенных на данных судах;
2) руководители геологоразведочных партий и зимовок, начальники российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания – по уголовным делам о преступлениях, совершенных по месту нахождения этих партий, зимовок, станций, сезонных полевых баз;
3) главы дипломатических представительств и консульских учреждений России – по уголовным делам о преступлениях, совершенных в пределах территорий данных представительств и учреждений [16].

Дознаватель – должностное лицо органа дознания, которое может быть:

а) штатным сотрудником подразделения дознания, правомочным в силу занимаемого должностного положения осуществлять предварительное расследование в форме дознания и иные предусмотренные уголовно-процессуальным законом полномочия органа дознания;
б) не являющимся сотрудником подразделения дознания (например, участковый уполномоченный полиции), но уполномоченное на производство дознания на основании специального приказа начальника органа дознания.

Дознаватель производит расследование по уголовным делам, по которым предварительное следствие необязательно, на основании данного ему начальником органа дознания письменного поручения (ч. 1 ст. 41 УПК РФ). Но следует иметь в виду, что закон запрещает поручать дознавателю расследование по тем уголовным делам, по которым он проводил или проводит оперативно-розыскные мероприятия.

По уголовным делам повышенной сложности или большого объема производство дознания может осуществляться группой дознавателей, которая создается по решению начальника органа дознания (ст. 2232 УПК РФ).

Основные полномочия дознавателя названы в ч. 3 ст. 41 УПК РФ. К ним относятся следующие:

1) самостоятельно производить следственные и иные процессуальные действия, принимать процессуальные решения, за исключением случаев, когда в соответствии с уголовно-процессуальным законом на это требуются согласие начальника органа дознания или прокурора, и (или) судебное решение;
2) давать органу дознания в случаях и порядке, установленном УПК РФ, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, о производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, заключении под стражу и о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении;
3) обжаловать с согласия начальника органа дознания решение прокурора о возвращении уголовного дела.

Следует заметить, что дознаватели обладают значительно меньшей процессуальной самостоятельностью, чем следователи. Кроме начальников органов и подразделений дознания она в значительной степени ограничивается также и прокурором, надзорные полномочия которого позволяют осуществлять процессуальное руководство их процессуальной деятельностью. Указания, как начальника органа дознания, так и прокурора, обязательны для дознавателя. Однако он наделен право обжалования указаний начальника органа дознания прокурору, а указания прокурора – вышестоящему прокурору.

5. **Начальники органов и подразделений дознания.** В ст. 5 УПК РФ даются понятия начальника органа дознания и начальника подразделения дознания.

Первым из них выступает должностное

лицо, возглавляющее соответствующий орган дознания, а также его заместитель (п. 17). В органах внутренних дел полномочия начальников органа дознания осуществляются также и заместителями начальника полиции (ч. 3 ст. 402 УПК РФ). Вторым из них является должностное лицо органа дознания, возглавляющее специализированное подразделение (отдел, управление), на которое возложено осуществление предварительного расследования в форме дознания, а также его заместитель (п. 171). Следует отметить, что не во всех государственных органах, на которых возложены полномочия органа дознания, имеются такие подразделения. Соответственно, при отсутствии таковых не предусматривается и должность начальника подразделения дознания.

Основные полномочия начальника подразделения дознания установлены в ст. 40.1 УПК РФ. Так, он вправе возбуждать уголовные дела, принимать их к своему производству и производить дознание в полном объеме, обладая при этом полномочиями дознавателя. Если создается группа дознавателей, то начальник подразделения дознания может выступать ее руководителем, обладая при этом полномочиями, предусмотренными частями 3 и 4 ст. 2232 УПК РФ.

В отношении находящихся в его подчинении дознавателей он осуществляет следующие полномочия:

1) по процессуальному руководству:
- поручать дознавателю:
  а) проверку сообщения о преступлении с принятием по нему решения;
  б) производство неотложных следственных действий по возбужденному уголовному делу;
  в) производство расследования в форме дознания по уголовному делу в полном объеме;
- давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения. Они обязательны для исполнения, но дознаватель вправе обжаловать их начальнику органа дознания или прокурору путем представления своих письменных возражений, хотя это и не приостанавливает их исполнения;

2) по процессуальному контролю:
- проверять материалы проверки сообщения о преступлении и уголовные дела, находящиеся в производстве дознавателя;
- отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу;
- вносить прокурору ходатайства об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела;
- изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю с обязательным указанием оснований такой передачи.

Начальник органа дознания, согласно ст. 402 УПК РФ, имеет право лично рассматривать сообщения о преступлениях и участвовать в процессуальных проверках. По отношению к дознавателям, уполномоченным им осуществлять предварительное расследование в форме дознания, он обладает всеми полномочиями начальника подразделения дознания.

По отношению ко всем подчиненным ему дознавателям начальник органа дознания наделен следующими полномочиями:

1. В порядке процессуального руководства:

а) поручать им:
- проверку сообщения о преступлении с принятием решения по нему;
- производство предварительного расследования в форме дознания в полном объеме;
- выполнение неотложных следственных действий по возбужденному уголовному делу, предварительное следствие по которому обязательно;

б) давать им обязательные для исполнения письменные указания, но в меньшем, чем начальник подразделения дознания, объеме, – лишь о направлении расследования и производстве процессуальных действий.

в) поручать исполнение письменных поручений следователя, дознавателя:
- о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- о производстве отдельных следственных действий;
- об исполнении постановлений о задержании, приводе, заключении под стражу;
- о производстве иных процессуальных

действий и об оказании содействия при их осуществлении;

в) создавать группу дознавателей, изменять ее состав;

г) принимать решение о восстановлении дознавателем утраченного уголовного дела либо его материалов;

2. В порядке процессуального контроля:

- проверять материалы проверок сообщений о преступлениях и материалы уголовного дела, находящиеся в производстве дознавателя или органа дознания;
- продлевать сроки проверок сообщений о преступлениях;
- рассматривать материалы уголовного дела и письменные возражения дознавателя на указания начальника подразделения дознания и принимать по ним решение;
- утверждать обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу;
- возвращать уголовное дело дознавателю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного дознания, производстве дознания в общем порядке, пересоставлении обвинительного акта или обвинительного постановления;
- давать согласие дознавателю на обжалование решения прокурора о возвращении уголовного дела дознавателю.

Таким образом, начальник органа дознания обладает широкими полномочиями по процессуальному руководству и контролю за деятельностью дознавателей, органа дознания, а также начальника подразделения дознания. Однако, как будет показано ниже, данного характера полномочиями обладает и прокурор.

Прокурор в уголовно-процессуальных правоотношениях

Глава 6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» открывается ст. 37, которая посвящена прокурору. Такой подход вполне оправдан, поскольку именно ему принадлежит исключительное право поддерживать обвинение в суде от имени Российской Федерации (государственное обвинение). Однако выполнению данной функции предшествует деятельность прокуратуры в досудебном производстве, которая заключается в обеспечении средствами прокурорского надзора законности процессуальной деятельности (действий и решений) следователей, дознавателей и их руководителей, соблюдения ими прав и свобод участников уголовного судопроизводства [73; 74].

Согласно п. 31 ст. 5 УПК РФ, под прокурором понимаются Генеральный прокурор России и подчиненные ему прокуроры, их заместители, а также иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре). Предусмотренные ст. 37 УПК РФ полномочия осуществляются прокурорами уровня района, города, их заместителями, приравненными к ним специализированными прокурорами (военными, транспортными, природоохранными, по надзору за исполнением законов исправительными учреждениями), а также вышестоящими прокурорами. Как правило, многие из них руководители прокуратур возлагают на других прокурорских работников – прокуроров управлений и отделов, старших помощников и помощников прокуроров, других имеющих классные чины сотрудников [1].

Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах своей компетенции осуществлять от имени государства:

1) уголовное преследование;
2) прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

Общая цель выполнения данных функций установлена ст. 1 Закона о прокуратуре и состоит в обеспечении верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Применительно к уголовному судопроизводству она уточняются его назначением, которое обязывает прокурора в своей процессуальной деятельности защищать права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также личность от незаконного или необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ).

В ст. 29 Закона о прокуратуре определен предмет прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия, который охватывает соблюдение ими: прав

и свобод человека и гражданина; установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях; установленного порядка проведения расследования. Также прокурор надзирает за законностью процессуальных решений, принимаемых следователями, дознавателями и их руководителями.

Будучи единственным уполномоченным законом должностным лицом на поддержание от имени Российской Федерации государственного обвинения, прокурор в судебных стадиях уголовного судопроизводства приобретает всю полноту полномочий по осуществлению уголовного преследования. При этом он вправе заявлять и поддерживать в суде гражданский иск в защиту прав граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий (ч. 6 ст. 246 УПК РФ).

Процессуальная деятельность государственного обвинителя направлена на изобличение перед судом подсудимого, доказывание его виновности в совершении преступления, назначении ему справедливого наказания. Но при этом сущность его участия в суде состоит в обеспечении законности и обоснованности поддерживаемого им обвинения (ч. 3 ст. 37 УПК РФ). Если прокурор придет к выводу, что оно незаконно или необоснованно, то делом его служебного и нравственного долга является полный или частичный отказ от обвинения [11], исключение из уголовно-правовой квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание, реализация иных полномочий, предусмотренных частями 7 и 8 ст. 246 УПК РФ. Ведь в ходе судебного следствия может оказаться, что обвинение не подтверждается собранными доказательствами, дана неправильная квалификация содеянного, имеются неустранимые сомнения в виновности подсудимого, нарушено его право на защиту, выявлены иные существенные нарушения законности при производстве предварительного расследования. Кроме того, государственный обвинитель вправе обжаловать состоявшиеся решения посредством внесения апелляционных, кассационных и надзорных представлений.

В досудебном производстве в отличие от поднадзорных объектов, в качестве которых выступают следователь, дознаватель и их руководители, прокурор не уполномочен проверять сообщения о преступлениях и принимать по ним процессуальные решения, в том числе о возбуждении уголовного дела, принимать к своему производству и расследовать уголовные дела. Данные полномочия, как возможность руководить процессуальной деятельностью следователей, принадлежали ему до преобразований уголовно-процессуального законодательства, произошедших в 2007 г. [50].

В настоящее время прокурор осуществляет надзор в досудебных стадиях уголовного процесса, содержание которого заключается в проведении проверки законности и обоснованности осуществляемых следователями, дознавателями и их руководителями, процессуальных действий и принимаемых ими решений, реагировании на допущенные ими нарушения закона. Последнее реализуется, прежде всего, в форме письменных требований об устранении выявленных нарушений, отмены решений поднадзорных объектов, возвращения уголовного дела на дополнительное расследование или устранения тех или иных обнаруженных недостатков. В результате складываются правовые отношения надзорного типа, которые представляют собой совокупность специфических правовых связей между надзирающим прокурором с одной стороны и должностными лицами органов предварительного расследования – с другой. В них вступают или вовлекаются и другие участники досудебного производства.

Следует обратить внимание на то, что по отношению к дознанию прокурор обладает более широкими полномочиями по сравнению с теми, которые предусмотрены законом для надзора за следствием. Например, он вправе отменять любые решения дознавателей, давать им указания в ходе расследования преступлений. Законодатель оставил прокурору возможность осуществления контроля и руководства за процессуальной деятельностью дознавателей, и она определяет характер и пределы надзора за ней. Аналогичные полномочий принадлежат руководителю следственного органа, которые он реализует к подчиненным следователям.

Ключевое значение имеет процессуальная деятельность прокурора на этапе окончания расследования с обвинительным документом (заключением, актом или постановлением). Все уголовные дела поступают в прокуратуру для

проверки, и прокурор должен решить вопрос о направлении их в суд. Он вправе как утвердить обвинительный документ, если установит, что обвинение законно и обоснованно, так и возвратить следователю или дознавателю уголовное дело с указаниями о проведении дополнительного расследования, устранении других выявленных ими нарушений федерального законодательства.

Все предусмотренные уголовно-процессуальным законом полномочия прокурора могут быть классифицированными по различным критериям. Как представляется, наиболее удобной является их рассмотрения по этапам развития досудебного производства. При этом в зависимости от назначения выделяются полномочия, направленные на выявление нарушений законности и направленные на их устранение и пресечение.

1. *Общие полномочия, реализуемые прокурором на всех стадиях досудебного производства*:

1.1. Направленные на выявление нарушений законности:

- рассмотрение поступающих в прокуратуру жалоб участников уголовного судопроизводства и иных лиц в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (ст. 124 УПК РФ);

1.2. Направленные на устранение и (или) пресечение нарушений законности:

- требование прокурора об устранении нарушений федерального законодательства (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- отмена прокурором любых процессуальных решений начальников органов и подразделений дознания, дознавателя (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- исключение недопустимых доказательств (ч. 3 ст. 88 УПК РФ);
- разрешение прокурором споров о подследственности (ст. 151 УПК РФ), определение им подследственности при соединении уголовных дел, направление по подследственности уголовных дел, поступивших от дознавателя после проведения неотложных следственных действий (ст. 152 УПК РФ);

2. *Полномочия, осуществляемые прокурором на стадии возбуждения уголовного дела:*

2.1. Направленные на выявление нарушений законности:

- проверка исполнения требований федерального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- проверка законности и обоснованности принимаемых следователями и дознавателями решений о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела.

2.2. Направленные на устранение или пресечение нарушений законности:

- отмена процессуальных решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148, ч. 4 ст. 46 УПК РФ);
- передача материалов проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) на основании п. 12 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 150 УПК РФ;
- письменные указания о производстве дознания по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, по которым подследственность не определена (п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ);
- письменные указания дознавателю о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

3. *Полномочия, осуществляемые прокурором на стадии предварительного расследования:*

3.1. Направленные на выявление нарушений законности:

- ознакомление с материалами находящегося в производстве уголовного дела на основании мотивированного запроса (ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ);
- проверка поступающих в прокуратуру копий процессуальных решений следователей и дознавателей с прилагаемыми к ним материалами, а именно:
  а) постановлений о принятии уголовного дела к своему производству, если следователю или дознавателю поручается производство по уже возбужденному уголовному делу (ст. 156 УПК РФ); о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 173 УПК РФ); о приостановлении

предварительного следствия (ст. 208 УПК РФ); о прекращении уголовного дела (ст. 213 УПК РФ);

б) уведомлений о подозрении лица в совершении преступления (ст. 223 УПК РФ);

- проверка информации, поступающей прокурору во исполнение требований УПК РФ в форме сообщений и уведомлений.

Последнее требует дополнительных пояснений. Дело в том, что законодатель предусмотрел в законе ряд ситуаций, требующих информирования о них прокурора в форме его уведомления. Так, например, ему сообщается, если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения (ст. 175 УПК РФ), о возобновлении предварительного следствия (ч. 3 ст. 211 УПК РФ). Часть 6 ст. 152 УПК РФ предусматривает, что прокурор должен быть письменно уведомлен о том, что уголовное дело передается для производства предварительного расследования в вышестоящий следственный орган. В ч. 3 ст. 92 УПК РФ предусмотрено, что о произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь обязаны сообщить прокурору в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого. Согласно ч. 3 ст. 94 УПК РФ, начальник места содержания подозреваемого уведомляет орган дознания или следователя, в производстве которого находится уголовное дело, а также прокурора об освобождении им подозреваемого в связи с тем, что не поступило в течение 48 часов с момента задержания постановление судьи о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу либо о продлении срока задержания.

3.2. По реагированию на выявленные нарушения законности:

- отстранение дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований уголовно-процессуального законодательства (п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- разрешение отводов, заявленных дознавателю, а также его самоотводов (п. 9 ч. 2 ст. 67 УПК РФ);
- изъятие любого уголовного дела у органа дознания и передача его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи (п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- отмена постановлений следователя о приостановлении предварительного следствия (п. 5.1 ч. 2 ст. 37, ч. 1.1 ст. 211 УПК РФ) и о прекращении уголовного дела (п. 5.1 ч. 2 ст. 37, ч. 1 ст. 214 УПК РФ);
- дача согласия дознавателю на осуществление определенных процессуальных действий и принятие определенных процессуальных решений, таких как, например, возбуждение перед судом ходатайств об избрании, отмене или изменении мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, а также о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

3.3. По заключению досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 5.2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), которые включают в себя:

- рассмотрение ходатайств и постановлений следователя о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;
- удовлетворение данных ходатайств либо отказ в их удовлетворении (выносится соответствующее постановление);
- заключение досудебного соглашения о сотрудничестве;
- изменение или прекращение действия такого соглашения посредством вынесения соответствующего постановления.

4. *Полномочия на этапе окончания предварительного расследования, реализуемые в связи с поступлением в прокуратуру уголовного дела с обвинительным документом или иным итоговым решением следователя (дознавателя) для решения прокурором вопроса о возможности направления его в суд:*

4.1. Направленные на выявление нарушений законности:

- ознакомление с материалами поступившего для направления в суд уголовного дела (п. 1.1 ст. 221 УПК РФ);

4.2. Обеспечивающие реагирование прокурора на выявленные нарушения законности:

- возвращение уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого, пересоставления обвинительного заключения, устранения тех или иных недостатков со своими указаниями (ч. 1 ст. 221 УПК РФ);

- возвращение уголовного дела для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта, направление его для производства предварительного следствия (ч. 1 ст. 226 УПК РФ);
- прекращение уголовного дела, поступившее с обвинительным актом или постановлением (ч. 1 ст. 226, ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ), исключение отдельных пунктов обвинения или его переквалификация на менее тяжкое (ч. 2 ст. 226, ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ);
- возвращение уголовного дела для пересоставления обвинительного постановления (ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ);
- направление уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке (ч. 2 ст. 226 УПК РФ);
- отмена меры пресечения в случае нарушения следователем требований ч. 5 ст. 109 УПК РФ (материалы оконченного расследованием уголовного дела должны быть предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей) и при условии, что предельный срок содержания обвиняемого под стражей истек (ч. 2 ст. 221 УПК РФ);

4.3. Связанные с направлением уголовного дела в суд:

- утверждение обвинительного документа (ст. 221 – заключения, ст. 226 – акта, 226.8 – постановления), постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера (ч. 3 ст. 439 УПК РФ);
- составление представления об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение (п. 5.2 ч. 2 ст. 37, 317.5 УПК РФ).

Кроме того, при наличии на то оснований по поступившему или направляемому в суд с обвинительным заключением или постановлением о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера прокурор вправе возбудить перед судом ходатайства о продлении срока:

- запрета определенных действий;
- домашнего ареста;
- содержания под стражей по уголовному делу.

Прокурор обладает и некоторыми другими полномочиями, состав и порядок реализации которых регламентируется уголовно-процессуальным законом для различных стадий и этапов уголовного процесса, в том числе предварительного расследования и судебного производства по уголовным делам в общем и особом порядке, при пересмотре приговоров и иных судебных решений, их исполнении, а также в сфере международного сотрудничества.

Участники уголовного процесса на стороне обвинения

1. **Потерпевший.** Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ, это физическое лицо, которому преступлением или запрещенным уголовным законом деянием, совершенным лицом в состоянии невменяемости [5], причинен физический, имущественный или моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения вреда его имуществу или деловой репутации.

Лицо, которому общественно-опасным деянием причинен вред, приобретает предусмотренные уголовно-процессуальным законом права и обязанности с момента вынесения осуществляющим предварительное расследование должностным лицом или судом постановления о признании его потерпевшим. Не имеет никакого значения принадлежность его к тому или иному гражданству, возраст, физическое или психическое состояние, иные данные о личности, а также факт того, установлены ли все лица, причастные к совершению преступления. Лицо может быть признано потерпевшим, как по собственному заявлению, так и по инициативе органа, в производстве которого находится уголовное дело. При этом правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения, и лишь процессуально оформляется постановлением следователя или дознавателя, но не формируется им [85].

В юридической литературе используется понятие «жертва преступления» [61; 62; 63; 64; 77]. Однако это скорее категория не уголовно-процессуальной науки, а криминологии. Жертва преступления переходит в процессуальный статус потерпевшего после вынесения соответствующего постановления.

Защита потерпевшего является составляющей частью назначения уголовного судопроизводства, генеральной обязанностью наделенных государственно-властными полномочиями участников уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Данная защита гарантируется именно фактическому потерпевшему, то есть тому лицу, которому причинен физический, имущественный или моральный вред. Все иные лица, в том числе близкие родственники потерпевшего, на чьи права и законные интересы преступление не было непосредственно направлено, по общему правилу, процессуальными возможностями по их защите не наделяются. Защита прав и законных интересов таких лиц осуществляется в результате восстановления прав лица, пострадавшего от преступления [26; 65; 76; 81; 86].

Вместе с тем, по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, пострадавшего от преступления, права потерпевшего переходят к одному из близких родственников и (или) близких лиц погибшего, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников (ч. 8 ст. 42 УПК РФ). К близким родственникам относятся: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка и бабушка, внуки (п. 4 ст. 5 УПК РФ). Если преступлением затрагиваются права и законные интересы сразу нескольких лиц, являющихся близкими родственниками погибшего, и они настаивают на предоставлении им прав потерпевшего, они также могут быть признаны потерпевшими. Принимая во внимание, что перечень близких родственников, указанный в законе, является исчерпывающим, родственники, не названные в п. 4 ст. 5 УПК РФ, а также иные лица (например, соседи, знакомые погибшего) не могут быть признаны потерпевшими.

Согласно ч. 2 ст. 45 УПК РФ в тех случаях, когда потерпевшим является несовершеннолетний или лицо, по своему физическому или психическому состоянию лишенное возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители, которые определяются исходя из перечня, приведенного в п. 12 ст. 5 УПК РФ. При этом следует иметь в виду, что функции законного представителя прекращаются по достижении потерпевшим 18 лет. Если несовершеннолетний потерпевший не имеет родителей и проживает один или у лица, не являющегося родственником и не назначенного надлежащим образом его опекуном или попечителем, в качестве законного представителя выступает представитель органа опеки и попечительства.

Лицо, которое сообщает о совершении преступления, даже если именно ему был причинен вред, на стадии возбуждения уголовного дела выступает в качестве заявителя. Он предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) и ему выдается талон-уведомление о приеме и регистрации заявления о преступлении. Отказ в его приеме может быть им обжалован. Заявителю сообщается о принятом по результатам проверки процессуальном решении. О возбуждении уголовного дела – незамедлительно, об отказе в его возбуждении – в течение 24 часов с момента вынесения данного постановления. Последнее может быть им обжаловано прокурору, руководителю следственного органа либо в суд.

Таким образом, заявитель может выступать потерпевшим де-факто. Де-юре он появляется в уголовном судопроизводстве лишь в результате официального признания его таковым. Часть 1 ст. 42 УПК РФ требует принимать решение об этом незамедлительно, как только будет возбуждено уголовное дело. Однако если на данный момент отсутствуют сведения о лице, которому был причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице. Выясняется, какому физическому лицу либо лицам был причинен физический, имущественный или моральный вред, либо имуществу или деловой репутации какого юридического лица он был причинен. Судья, следователь и дознаватель оформляет признание лица потерпевшим в форме постановления, а суд – в форме определения. С этого момента оно приобретает процессуальный статус потерпевшего и получает возможность реализовывать всю совокупность прав, предусмотренных ч. 2 ст. 42, другими статьями УПК РФ.

Потерпевшему должна быть предоставлена возможность знать о том, как выполняется обязанность государства по защите его прав, а также принимать участие в производстве по уголовному делу. При наличии на то необходимости, он имеет право на применение к нему, его

родственникам и близким мер безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

В ч. 2 ст. 42 УПК РФ предусмотрен ряд прав, которые позволяют потерпевшему быть в курсе хода и результатов предварительного расследования, судебного разбирательства. Так, он имеет право:

1) знать:
- о предъявленном обвиняемому обвинении;
- о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях;
- состав следственной группы, осуществляющей предварительное расследование по уголовному делу [6];

2) знакомиться:
- с протоколами следственных действий, произведенных с его участием;
- с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого [6];
- с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта;
- со всеми материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, в том числе в случае прекращения уголовного дела, с правом выписывать любые сведения и в любом объеме, снимать копии, в том числе с помощью технических средств;
- с протоколом судебного заседания;

3) получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим, об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, о направлении уголовного дела по подсудности, о назначении предварительного слушания, судебного заседания, получать копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций, иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы, о предоставлении которых он ходатайствовал.

Потерпевший обладает широким кругом процессуальных прав, позволяющим ему возможность активно участвовать в уголовном судопроизводстве. Прежде всего, это право давать показания на родном языке или языке, которым он владеет. При этом ему гарантируется бесплатное предоставление переводчика.

Согласно ст. 78 УПК РФ потерпевший дать показания о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе о своих взаимоотношениях с подозреваемым, обвиняемым. Он не вправе отказываться от дачи показаний, но может отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги), а также других близких родственников. При согласии потерпевшего дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае последующего отказа от них. За дачу заведомо ложных показаний он несет уголовную ответственность по ст. 307 УК РФ.

Уголовно-процессуальный закон предоставляет возможность потерпевшему право представлять доказательства, касающиеся не только причиненного ему вреда, но и подтверждающие наличие или отсутствие любых обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ).

Кроме того, активная позиция потерпевшего обеспечивается следующими процессуальными правами:
- участвовать в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя (с разрешения следователя или дознавателя), подавать замечания на их протоколы;
- заявлять отводы и ходатайства;
- приносить жалобы на действие (бездействие) должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора и суда;
- подавать возражения на жалобы других участников уголовного судопроизводства.

Потерпевший вправе принимать участие в судебном разбирательстве уголовного дела в судах всех инстанций, возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Неявка потерпевшего в суд не является препятствием для рассмотрения уголовного дела, кроме случая признания его участия обязательным. Однако делам частного обвинения его неявка без уважительных причин влечет прекращение уголовного дала за отсутствием в деянии состава преступления (ч. 3 ст. 249 УПК РФ).

До окончания судебных прений потерпевший имеет право заявить ходатайство о получении информации о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, в том числе при перемещении из одного

исправительного учреждения в другое, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы, а также быть извещенным о рассмотрении судом связанных с исполнением приговора вопросов об освобождении осужденного от наказания, об отсрочке исполнения приговора или о замене осужденному неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Удовлетворение такого ходатайства позволяет ему участвовать в дальнейшем в судебном заседании при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора, таких как отсрочка исполнения приговора, условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Для участия в состязательном процессе потерпевший наделен всеми необходимыми правами. О вправе давать показания, представлять доказательства, заявлять отводы и ходатайства, делать замечания на протокол судебного заседания, обжаловать принимаемые судом решения. По делам частного обвинения он обращается к мировому судье с заявлением о привлечении определенного лица или лиц к уголовной ответственности, поддерживает обвинение в судебном заседании.

Предусмотренные уголовно-процессуальным законом права потерпевший вправе реализовывать как лично, так и через своего представителя. Права же потерпевшего, являющегося юридическим лицом, всегда осуществляются представителем. Согласно ст. 45 УПК РФ, представителями потерпевшего могут быть адвокаты. При этом личное участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве не лишает его права иметь представителя.

Для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители. Они имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица.

Расходы на представителя, как, впрочем, и все иные расходы, понесенные потерпевшим в связи с участием в ходе предварительного расследования и в суде, подлежат возмещению наряду с тем вредом, который был причинен преступлением (ч. 3 ст. 42 УПК РФ).

Потерпевший несет и ряд процессуальных обязанностей. Так, он обязан являться по вызову следователя, дознавателя и в суд. В случае неявки без уважительных причин он может быть подвергнут приводу.

Потерпевший не вправе уклоняться от прохождения освидетельствования или производства в его отношении судебной экспертизы, когда на то по закону не требуется его согласие, а также от предоставления образцов почерка и иных образцов сравнительного исследования. В противном случае может быть поставлен вопрос о привлечении его к уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ. Кроме того, потерпевший может быть предупрежден об ответственности за разглашение данных предварительного расследования, предусмотренной ст. 310 УК РФ.

2. **Гражданский истец.** Это физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Однако иск может быть заявлен им также и в целях имущественной компенсации причиненного ему морального вреда. От уплаты государственной пошлины он освобождается. Право на заявление гражданского иска может быть реализовано с момента возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия по уголовному делу в суде первой инстанции.

Гражданский иск в защиту интересов несовершеннолетних, лиц, признанных недееспособными либо ограниченно дееспособными, лиц, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы, может быть предъявлен их законными представителями или прокурором, а в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий – прокурором.

Для приобретения процессуального статуса гражданского истца не достаточно просто заявления тем или иным лицом гражданского иска по уголовному делу. Необходимо его официальное признание за данным лицом, которое оформляется постановлением судьи, следователя или дознавателя, либо определением суда.

Часть 4 ст. 44 УПК РФ предусматривает

перечень основных процессуальных прав гражданского истца. Некоторые из них могут быть реализованы как в ходе предварительного расследования, так и в судебных стадиях уголовного процесса, другие же – только на стадии предварительного расследования или только в судебных стадиях. Предъявить иск, как уже отмечалось, лицо может уже на стадии предварительного расследования.

Гражданский истец имеет возможность знать о ходе и результатах предварительного расследования или судебного производства по уголовному делу. Так, он вправе:

- знать о принятых решениях, затрагивающих его интересы, и получать копии процессуальных решений, относящихся к предъявленному им гражданскому иску;
- знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием;
- знакомиться по окончании расследования с материалами уголовного дела, относящимися к предъявленному им гражданскому иску, выписывать из них любые сведения и в любом объеме;
- знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях.

Неотъемлемым правом гражданского истца является поддержание заявленного им иска. Он вправе представлять доказательства по нему, заявлять ходатайства и отводы, реализовывать другие предоставленные ему процессуальные права, действуя самостоятельно или через представителя. Однако, исходя из принципа диспозитивности, п. 11 ст. 44 УПК РФ предоставляет гражданскому истцу право отказаться от предъявленного им гражданского иска. Он может сделать это в любой момент производства по уголовному делу, но до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. До принятия отказа от иска дознаватель, следователь, суд разъясняет гражданскому истцу последствия отказа от иска, а именно то, что такой отказ влечет за собой прекращение производства по нему.

Гражданский истец не подлежит допросу, но он вправе давать объяснения по предъявленному иску, что гарантирует наличие в уголовном деле данных о существе предъявляемых им требований, их основаниях и размере. Все показания и объяснения он вправе давать на своем родном языке или языке, которым он владеет. При этом переводчик ему предоставляется бесплатно. Однако истец имеет право отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга или супруги, других близких родственников. При согласии гражданского истца дать показания он должен быть предупрежден о том, что они могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае последующего отказа от них.

Гражданский истец может быть заинтересован в получении тех или иных доказательств, подтверждающих его требования. Поэтому ему предоставлено право ходатайствовать о производстве следственных и других процессуальных действий. Так, он может просить наложения ареста на имущество в целях обеспечения в дальнейшем исполнения приговора в части гражданского иска. С разрешения следователя или дознавателя ему предоставлено право участвовать в производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя следственных действиях, знакомиться с их протоколами.

Право гражданского истца знать о принятых решениях, затрагивающих его интересы, и получать копии процессуальных решений, относящихся к предъявленному им гражданскому иску, возлагает на следователя и дознавателя обязанность направлять их ему. По окончании же расследования им в обязанность вменяется также и предоставление истцу возможности ознакомиться с материалами уголовного дела, но лишь в части, относящейся к заявленному им иску. При этом он вправе выписывать из материалов дела любые сведения и в любом объеме.

Если гражданский истец считает, что его права нарушены, то он вправе обратиться с жалобой на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора и суда. Он имеет право знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях, участвовать в их рассмотрении, подавать на них возражения. Данные права, как и все другие принадлежащие ему права могут быть реализованы им как лично, так и через представителя.

Согласно ч. 4 ст. 44 УПК РФ, основной процессуальной обязанностью гражданского истца является сохранение в тайне данных предварительного расследования, о чем он заранее предупреждается. За их разглашение он несет уголовную ответственность по ст. 310 УК РФ.

Гражданский истец может принимать участие в рассмотрении уголовного дела в судах всех инстанций. Однако обжаловать состоявшиеся судебные решения он вправе только в части, касающейся гражданского иска. В случае неявки его лично и представителя в судебное разбирательство суда первой инстанции суд может оставить гражданский иск без рассмотрения, за исключением случаев, указанных в ч. 2 ст. 250 УПК РФ.

В ходе участия в суде ему предоставлено право знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания, выступать в судебных прениях для обоснования заявленного иска. Будучи участником судебного заседания, он обладает всей совокупностью необходимых для этого процессуальных прав, но многие из них, как уже отмечалось, ограничены его исковыми требованиями [22].

3. **Частный обвинитель**. В соответствии с п. 59 ст. 5 УПК РФ, под ним понимается потерпевший или его законный представитель и представитель по уголовным делам частного обвинения. Это лицо, подавшее в суд заявление по уголовному делу частного обвинения в установленном законом порядке, и поддерживающее его в суде (ст. 43 УПК РФ).

По общему правилу, уголовные дела о преступлениях, указанных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, возбуждаются в отношении конкретного лица посредством подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд. С момента принятия судом такого заявления к своему производству (выносится соответствующее постановление мирового судьи) заявитель считается частным обвинителем. Ему должны быть разъяснены процессуальные права, предусмотренные статьями 42 и 43 УПК РФ, о чем составляется протокол, подписываемый судьей и лицом, подавшим заявление. Процессуальные права частного обвинителя предусмотрены также в частях 4, 5 и 6 ст. 246 УПК РФ.

Участие частного обвинителя в судебном производстве обязательно. Он выдвигает и поддерживает в суде обвинение, вправе от него полностью или частично отказаться. Однако если уголовное дело было возбуждено руководителем следственного органа, следователем или дознавателем с согласия прокурора, то в суде участвует государственный обвинитель. Если же после принятия заявления к производству будет установлено, что потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, то мировой судья вправе признать обязательным участие в деле законного представителя потерпевшего и прокурора.

4. **Представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя.** Процессуальный статус представителя потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя установлен статей 45 УПК РФ. Ими могут быть адвокаты, а представителями гражданского истца, являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с ГК РФ представлять его интересы. В качестве представителя потерпевшего или гражданского истца может быть также допущен один из близких родственников либо иное лицо, о допуске которого они ходатайствуют.

Согласно ч. 2 ст. 45 УПК РФ, для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители. По ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности, участие адвоката в качестве его представителя обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета.

По постановлению дознавателя, следователя, судьи или определению суда законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам представляемого лица. В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель.

Законные представители и представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица. При этом личное участие в уголовном деле потерпевшего, гражданского истца или частного обвинителя не лишает его права иметь по этому уголовному делу представителя.

Участники уголовного процесса на стороне защиты

1. **Подозреваемый и обвиняемый**. В отношении данных участников уголовного судопроизводства осуществляется уголовное преследование и в связи с этим ст. 6 УПК РФ требует их защиты со стороны государства от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод [37; 55; 56; 67; 78].

В соответствии со ст. 46 УПК РФ, *подозреваемым* считается одно из следующих лиц:

1) в отношении которого возбуждено уголовное дело;
2) задержанное в порядке, установленном статьями 91 и 92 УПК РФ;
3) к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ (применяется в исключительных случаях при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ);
4) уведомленное о подозрении в совершении преступления в порядке ст. 223.1 УПК РФ при наличии у должностного лица, производящего дознание, достаточных данных, дающих основание для его подозрения.

В случае если лицо было задержано по подозрению в совершении преступления, его процессуальное положение регламентируется как ст. 46 УПК РФ, так нормами статей 91-96 УПК РФ. Наряду с основаниями и порядком задержания лица, ими установлены обязанности следователя и дознавателя уведомлять о состоявшемся задержании родственников или близких лиц задержанного, в том числе посредством обеспечения права последнего на один телефонный разговор. Также они устанавливают правила участия защитника при составлении протокола задержания, порядок представления свиданий с подозреваемым.

Обвинение должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, а если он был задержан и затем заключен под стражу – в тот же срок с момента задержания (ч. 1 ст. 100 УПК РФ). Более длительный срок (45 суток) предусмотрен для лиц, подозреваемых в совершении хотя бы одного из преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 100 УПК РФ. Если в указанные сроки обвинение не будет предъявлено, то мера пресечения немедленно отменяется.

Следует заметить, что с момента избрания в отношении подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения заключения под стражу или домашнего ареста, он в целях удостоверения доверенности на право представления его интересов в сфере предпринимательской деятельности получает возможность иметь свидания с нотариусом без ограничения их числа и продолжительности. Однако запрещается совершение нотариальных действий в части имущества, денежных средств и иных ценностей, на которые может быть наложен арест.

Основные права подозреваемого установлены частью 4 ст. 46 УПК РФ, и направлены, прежде всего, на обеспечение его конституционного права на защиту:

- знать, в чем он подозревается;
- получать копию процессуального решения, официально подтверждающего в чем состоит его подозрение в совершении преступления (постановления о возбуждении уголовного дела, протокола задержания, постановления о применении меры пресечения, уведомления о подозрении);
- пользоваться помощью защитника с момента получения оформления перечисленных документов или фактического задержания (пункты 2-3.1 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса;
- давать объяснения и показания по поводу имеющегося к нему подозрения на родном языке или языке, которым он владеет (при этом помощью переводчика пользоваться может бесплатно), либо отказаться от их дачи; при согласии дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от них, за исключением случая, предусмотренного п. 1 ст. 75 УПК (недопустимые доказательства);
- представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы;
- участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя;
- знакомиться с протоколами следственных

действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования и прокуратуры, а также суда;
- защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ.

Согласно ст. 47 УПК РФ, *обвиняемым* признается лицо, в отношении которого:
- вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого;
- составлен обвинительный акт (по результатам дознания в общем порядке);
- составлено обвинительное постановление (по результатам дознания в сокращенном порядке).

Лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, может сохранять процессуальный статус обвиняемого достаточно долго. Оно вовлекается в уголовно-процессуальные правоотношения на стадии предварительного расследования, но может существовать и в последующих стадиях уголовного процесса. Согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый выступает в качестве:
- подсудимого, если по уголовному делу назначено судебное разбирательство;
- осужденного, если в его отношении вынесен обвинительный приговор;
- оправданного, если в его отношении вынесен оправдательный приговор.

Когда лицу предъявляется обвинение, деятельность субъекта предварительного расследования по осуществлению уголовного преследования существенно изменяется, перерастая от преследования по подозрению к преследованию по обвинению. Совершение преступления обвиняемым подтверждено достаточной совокупностью доказательств (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). Когда предъявляется обвинение, приобретают определенность содержание и направленность предварительного расследования, его рамки, а также пределы защиты обвиняемого. Уголовное преследование сосредотачивается на доказывании совершения преступления тем лицом, которому предъявлено обвинение.

Процессуальные права обвиняемого во многом аналогичны по своему составу и характеру правам подозреваемого, но все же их круг несколько шире. Если подозреваемый вправе знать в чем он подозревается, то обвиняемый – в чем он обвиняется, получить постановление о возбуждении уголовного дела против него, по которому он привлечен в качестве обвиняемого, если не получал его ранее. Также он имеет право на получение постановления о применении к нему меры пресечения, обвинительного документа, то есть постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, обвинительного заключения, акта или постановления, а в случае изменения прокурором обвинения на этапе окончания предварительного расследования в форме дознания, также и вынесенного им постановления. Зная об обвинении, он может от него защищаться, реализуя всей совокупностью предоставленных ему законом процессуальных прав, а также иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ.

Предъявление обвинения является особым процессуальным действием, которое открывает для обвиняемого возможность осуществлять право на защиту. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого не просто объявляется обвиняемому и защитнику, следователь обязан разъяснить существо предъявленного обвинения, а также процессуальные права обвиняемого, предусмотренные ст. 47 УПК РФ. Все это удостоверяется подписями обвиняемого, его защитника и следователя с указанием даты и времени предъявления обвинения. По окончанию предварительного следствия обвиняемый получает копию обвинительного заключения.

Если расследование осуществляется в форме дознания, то процедура предъявления обвинения, по общему правилу, отсутствует. Но по окончании дознания лицо должно получить копию обвинительного акта или постановления. Если судом принимается решение о заключении лица под стражу, а дознаватель не может в течение 10 суток окончить расследование и составить обвинительный акт, то подозреваемому должно быть предъявлено обвинение. В противном случае отменяется избранная в его отношении мера пресечения (ст. 224 УПК РФ).

Имея сведения о том, в чем он обвиняется, обвиняемый получает возможность возражать против обвинения, давать показания и объяснения по нему на родном языке или языке, которым он владеет, пользуясь при этом помощью переводчика бесплатно. Согласно ч. 1 ст. 173 УПК РФ, обвиняемый допрашивается немедленно после

предъявления обвинения. Это необходимо не только и не столько для оперативного получения доказательств в виде его показаний, сколько для обеспечения лицу возможности пользоваться правом на защиту. Оно должно быть поставлено в известность о сущности обвинения, разъясняются принадлежащие ему процессуальные права и обязанности. Однако, обвиняемый также как и подозреваемый, не обязан давать показания по поводу имеющегося в отношении него обвинения. Это их право и поэтому они могут отказаться от дачи каких-либо показаний или объяснений. Закон вполне определенно предусматривает, что повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению в случае его отказа от дачи показаний на первом допросе может проводиться только по просьбе самого обвиняемого (п. 4 ст. 174 УПК РФ).

При согласии дать показания он должен быть предупрежден о том, что они могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от них. Однако все показания, данные обвиняемым в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные им в суде, являются недопустимыми доказательствами (статьи 73 и 75 УПК РФ).

Обвиняемый может активно защищаться от предъявленного ему обвинения, как в досудебном производстве, так и при рассмотрении уголовного дела в суде. Для этого он наделен возможностью представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству или его защитника либо законного представителя, а также знакомиться с их протоколами и подавать на них замечания. Он вправе знакомиться с постановлениями о назначении судебных экспертиз, ставить вопросы эксперту и знакомиться с заключениями экспертов. В случаях, предусмотренных УПК РФ, обвиняемый имеет право пользоваться помощью защитника бесплатно, иметь с ним свидания без ограничения их числа и продолжительности, наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса.

По окончании предварительного расследования обвиняемый приобретает право знакомиться со всеми материалами уголовного дела и выписывать из него любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела за свой счет, в том числе с помощью технических средств.

Данные положения, согласно позиции Конституционного Суда РФ, не препятствуют обвиняемым, права и свободы которых затрагиваются судебными решениями об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, и их защитникам в ознакомлении с материалами, на основании которых принимаются эти решения [7]. Кроме того, Конституционный Суд РФ установил, что положения ст. 47 УПК РФ в целом не препятствуют обвиняемым, права которых затрагиваются решениями органов предварительного следствия о продлении сроков предварительного расследования и о назначении судебной экспертизы, и их защитникам в ознакомлении с такими решениями, а также не исключают необходимости представления им данных об обстоятельствах, значимых для обжалования указанных решений [9].

Уголовно-процессуальным законом предусмотрено право подозреваемого и обвиняемого возражать против прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (ч. 2 ст. 27 УПК РФ). В этом случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

В досудебном производстве обвиняемый участвует при рассмотрении судом следующих вопросов: об избрании в отношении его меры пресечения в виде залога, избрании и продлении сроков заключения под стражу, домашнего ареста, запрета на определенные действия; о помещении в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую или психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы (если он не находится под стражей); о временном отстранении от должности в соответствии со ст. 114 УПК РФ.

Права, предусмотренные пунктами 16-20 ст. 47 УПК РФ, реализуются обвиняемым при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, а также в апелляционном, кассационном и надзорном производствах. Как уже отмечалось, с момента назначения судебного заседания он приобретает процессуальный статус подсудимого, и является обязательным его участником. Только в ряде случаев, предусмотренных

частями 4 и 5 ст. 247 УПК РФ, оно может проводиться в его отсутствие.

Участвуя в суде, подсудимый обладает всей необходимой совокупностью прав, позволяющих защищаться от обвинения, поддерживаемого государственным обвинителем. Как и в досудебном производстве, он имеет возможность представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, давать показания, пользоваться помощью защитника. Также он вправе знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания. При несогласии с приговором, определением или постановлением суда, он имеет право их обжаловать. Если же их обжалуют другие участники уголовного судопроизводства, обвиняемый получает копии жалоб и представлений, может подавать на них возражения.

Будучи осужденным, обвиняемый имеет право непосредственно или через системы видеоконференц-связи участвовать в суде при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора. Для этого он должен обратиться в суд с соответствующим ходатайством (ч. 2 ст. 399 УПК РФ). Перечень его процессуальных прав приведен в ч. 3 ст. 399 УПК РФ. Он может осуществлять их как лично, так и с помощью адвоката.

2. **Защитник.** Это лицо, осуществляющее в установленном уголовно-процессуальным законом порядке защиту прав и интересов подозреваемого или обвиняемого и оказывающее ему юридическую помощь при производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 49 УПК РФ). Его участие не служит основанием для ограничения принадлежащих защищаемым лицам процессуальных прав. Принятие адвокатом на себя защиты данного лица влечет возникновение у него обязанности ее осуществлять, и отказаться от нее он уже не вправе [14; 80].

В качестве защитника может выступать:

а) адвокат (по предъявлению удостоверения адвоката и ордера) [18; 19; 47; 68];

б) один из близких родственников или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый (по определению или постановлению суда) наряду с адвокатом, а в производстве у мирового судьи также и вместо него.

Порядок приглашения и назначения защитника регламентирован ст. 50 УПК РФ, а ст. 51 предусматривает случаи, когда участие защитника в уголовном деле обязательно. Приглашение к участию в уголовном судопроизводстве защитника является правом подозреваемого и обвиняемого, может быть осуществлено также их законными представителями, другими лицами по их поручению или с их согласия. Может быть приглашено несколько защитников. Один защитник может осуществлять защиту нескольких подозреваемых (обвиняемых). Однако на это установлен запрет для случая, когда интересы одного из них противоречат интересам другого.

Следователь, дознаватель, суд обязаны при наличии на то просьбы подозреваемого (обвиняемого) обеспечить участие защитника. В случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства они вправе предложить ему привлечь другого защитника, а в случае его отказа обязаны принять меры по его назначению в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. Если имеющийся защитник не может принять участие в течение 5 суток в производстве того или иного процессуального действия, а другой защитник не приглашен подозреваемым (обвиняемым) и им не подано ходатайство о его назначении, данное действие может быть проведено без участия защитника, но за исключением случаев обязательного его участия на основании пп. 2–7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

В случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом (ч. 4 ст. 16 УПК РФ), подозреваемый (обвиняемый) может пользоваться помощью защитника бесплатно. Если адвокат участвует в производстве предварительного расследования по назначению, то расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета.

Согласно пунктам 2-3.1 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, подозреваемый вправе пользоваться помощью защитника с момента:

- возбуждения в его отношении уголовного дела;
- фактического задержания по подозрению в совершении преступления;
- применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу;
- вручения уведомления о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ);
- объявления постановления о назначении

судебно-психиатрической экспертизы, начала осуществления иных мер процессуального принуждения или процессуальных действий, затрагивающих его права и свободы.

Обвиняемый вправе пользоваться помощью защитника с момента вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. Однако, как видим, нередко он появляется до принятия такого решения и допускается к участию в уголовно-процессуальных правоотношениях с момента осуществления тех или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы данного лица. Адвокат может быть приглашен также и лицом, в отношении которого проводятся процессуальные действия в рамках проверки сообщения о преступлении (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

В соответствии со ст. 50 УПК РФ в уголовном судопроизводстве защитник может участвовать по приглашению подозреваемого, обвиняемого, его законного представителя, а также других лиц по их поручению или с их согласия. Его участие должно быть обеспечено дознавателем, следователем или судом при поступлении на то просьбы (ходатайства) подозреваемого или обвиняемого. В случаях отсутствия защитника, когда закон требует его обязательное участие либо лицо не отказалось от него в установленном порядке, ими принимаются меры к назначению защитника.

Однако, если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им невозможна, то дознаватель или следователь обязаны принять меры по его назначению в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. При отказе от назначенного защитника следственные действия с их участием могут быть произведены без его участия, но за исключением случаев обязательного его участия.

В соответствии со ст. 54 УПК РФ, подозреваемый (обвиняемый) по своей собственной инициативе вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от защитника. Отказ оформляется в письменной форме, а если заявлен во время производства следственного действия – фиксируется в его протоколе. Такой отказ не обязателен для дознавателя, следователя и суда, не влечет утрату права в дальнейшем ходатайствовать о допуске защитника к участию в производстве по уголовному делу. Но при этом «поздний» допуск защитника не влечет за собой повторения процессуальных действий, которые к этому моменту уже были произведены.

Часть 1 ст. 51 УПК РФ предусматривает, что участие защитника в уголовном процессе обязательно, если подозреваемый или обвиняемый:

- не отказался от него в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ;
- является несовершеннолетним;
- в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту;
- не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу;
- обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь;
- отсутствует и судебное разбирательство проводится в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ (в отсутствие подсудимого).

Во всех перечисленных случаях защитник допускается к участию в уголовно-процессуальных правоотношениях в общем порядке (ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Также его участие должно быть обеспечено с момента заявления подозреваемым (обвиняемым) ходатайства:

- о рассмотрении уголовного дела в особом порядке при его согласии с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ);
- о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей;
- о производстве дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ).

Если защитник не приглашен подозреваемым или обвиняемым, их законными представителями, другими лицами по их поручению или с их согласия, то дознаватель, следователь или суд обязаны принять меры для обеспечения его участия в уголовном судопроизводстве.

Адвокат допускается к участию в уголовно-процессуальных правоотношениях в качестве защитника по предъявлению удостоверения и ордера. Его процессуальный статус раскрывается в ст. 53 УПК РФ. Несмотря на то, что он не является должностным лицом какого-либо государственного органа, его процессуальные права именуются полномочиями. В случае

необходимости получения согласия подозреваемого (обвиняемого) на участие адвоката в уголовном деле перед вступлением в уголовное дело адвокату предоставляется свидание с ним по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

К основным правам (полномочиям) защитника относятся следующие:

- участвовать при составлении протокола задержания, знакомиться с ним;
- присутствовать при предъявлении обвинения;
- иметь свидания с подзащитным;
- участвовать в допросе подзащитного, а также в иных следственных действиях, производимых с его участием либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника;
- собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи;
- заявлять ходатайства и отводы;
- привлекать специалиста;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора и суда, участвовать в их рассмотрении судом;
- использовать иные не запрещенные уголовно-процессуальным законом средства и способы защиты.

Защитник имеет право знакомиться со следующими процессуальными документами:

- постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подзащитного, иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться;
- со всеми материалами уголовного дела (по окончании предварительного расследования), из которых имеет возможность выписывать любые сведения в любом объеме, снимать за свой счет копии, в том числе с помощью технических средств.

Законом регламентирован порядок участия защитника в следственных действиях. Он вправе в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному:

- давать подзащитному в присутствии следователя или дознавателя краткие консультации;
- задавать с разрешения следователя или дознавателя допрашиваемым лицам вопросы (могут быть отведены с занесением в протокол);
- делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия.

Защитник несет обязанность не разглашать данные предварительного следствия. У него отбирается подписка об уголовной ответственности за их разглашение, предусмотренной ст. 310 УК РФ. Если он участвует в производстве по уголовному делу, в материалах которого содержатся сведения, составляющие государственную тайну, и не имеет соответствующего допуска к указанным сведениям, он обязан дать подписку об их неразглашении, принимать меры по недопущению ознакомления с ними иных лиц, а также соблюдать требования законодательства Российской Федерации о государственной тайне при подготовке и передаче процессуальных документов, заявлений и иных документов, содержащих такие сведения.

В судебном разбирательстве защитник имеет право участвовать в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, а также в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора. Согласно ст. 248 УПК РФ он исследует в исследовании доказательств, заявляет ходатайства, излагает суду свое мнение по существу обвинения и его доказанности, а также об обстоятельствах, смягчающих наказание подсудимого и оправдывающих его, о мере наказания, другим возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам.

3. **Гражданский ответчик**. Согласно ст. 54 УПК РФ, в качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с Гражданским кодексом РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением. В таком качестве может выступать как обвиняемый, так и иные лица.

О привлечении лица в качестве гражданского ответчика следователь, дознаватель или судья выносит соответствующее постановление, а суд – определение. Данное решение должно быть принято своевременно, как только по уголовному делу будет заявлен гражданский иск. При этом гражданский ответчик должен быть поставлен в известность о сущности исковых требований

заявителя и обстоятельствах, на которых они основаны. Поступающие письменные возражения ответчика приобщаются к материалам уголовного дела.

Гражданский ответчик не обязан, но вправе давать объяснения и показания по существу предъявленного иска на родном языке или языке, которым он владеет. При необходимости ему бесплатно предоставляется переводчик. Он может отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. Если же гражданский ответчик дает согласие давать показания, он предупреждается о том, что они могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от них.

В ч. 2 ст. 54 УПК РФ закреплено право гражданского ответчика собирать и представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора и суда, но лишь в части, касающейся гражданского иска, и принимать участие при их рассмотрении судом. Как названные выше, так и другие предусмотренные законом права он может реализовывать как лично, так и через представителя.

По окончании предварительного расследования гражданскому ответчику должна быть обеспечена возможность ознакомления с материалами уголовного дела, относящимися к гражданскому иску, делать из них выписки, а также снимать за свой счет копии с тех листов дела, которые касаются гражданского иска, в том числе с использованием технических средств.

Гражданский ответчик имеет право участвовать при рассмотрении уголовного дела в судах всех инстанций, обладает всеми необходимыми для этого возможностями, в том числе знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания, выступать в прениях, обжаловать приговор или иное решение суда, знать о жалобах и представлениях по делу и подавать возражения на них. Однако реализовывать все эти права он может только в части, касающейся гражданского иска.

Согласно ст. 55 УПК РФ, представителями гражданского ответчика могут быть адвокаты. По определению суда или постановлению судьи, следователя или дознавателя в качестве его представителя могут быть допущены один из близких родственников или иное лицо, о допуске которого он ходатайствует. Представитель имеет те же права, что и представляемое им лицо. При этом личное участие в производстве по уголовному делу гражданского ответчика не лишает его права иметь представителя.

Законом предусмотрены следующие процессуальные обязанности гражданского ответчика:

1) Являться по вызову дознавателя, следователя и в суд. В случае уклонения от явки, в его отношении может быть применен привод;
2) Сохранять в тайне данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу. За их разглашение он может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ.

Как видим, в основе процессуального статуса всех рассмотренных в настоящем параграфе участников уголовного судопроизводства находятся возможности по защите их прав и законных интересов от уголовного преследования. Заявление иска в уголовном процессе влечет за собой за собой появление гражданского ответчика, в качестве которого может выступать как обвиняемый, так и иные лица, несущие бремя гражданско-правовой ответственности за имевшее место нарушение уголовного закона.

Иные участники уголовного судопроизводства

1. **Свидетель.** Согласно ст. 56 УПК РФ, это лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования или разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний. Однако не могут являться свидетелями и не подлежат допросу в этом качестве:

- судья, присяжный заседатель – об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по нему;
- адвокат, защитник подозреваемого (обвиняемого) – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением за юридической помощью или в связи с ее оказанием, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах

подозреваемого, обвиняемого;
- адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь;
- священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди;
- член Совета Федерации, депутат Государственной Думы без их согласия – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением возложенных на них полномочий;
- должностное лицо налогового органа – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с предоставленными сведениями, содержащимися в специальной декларации, поданной в соответствии с законом [3], и (или) прилагаемых к ней документах и (или) сведениях;
- арбитр (третейский судья) – об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе арбитража (третейского разбирательства).

Следует обратить внимание на то, что в качестве свидетеля может выступать обвиняемый, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Данный вопрос явился предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ [4].

Основное право свидетеля – давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, пользоваться при этом помощью переводчика бесплатно. Однако он имеет возможность отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга или супруги, других близких родственников. При согласии дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае последующего отказа от них.

Уголовный закон запрещает свидетелю под угрозой наказания давать заведомо ложные показания (ст. 307 УК РФ), отказываться от их дачи (ст. 308 УК РФ), разглашать ставшие ему известными данные предварительного расследования (ст. 310 УК РФ). Об уголовной ответственности за перечисленные деяния он должен быть предупрежден должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство. Однако не достигшие возраста 16 лет несовершеннолетние свидетели не несут уголовную ответственность за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, однако при разъяснении им процессуальных прав, предусмотренных ст. 56 УПК РФ, им указывается на необходимость говорить правду.

Свидетель не вправе уклоняться от явки по вызову его следователем, дознавателем или судом. В противном случае он может быть подвергнут приводу. Согласно ст. 188 УПК РФ, он вызывается на допрос повесткой, в которой указывается, кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу, дата и время явки на допрос, а также последствия неявки без уважительных причин. Повестка вручается ему под расписку либо передается с помощью средств связи. В случае временного отсутствия лица, вызываемого на допрос, она вручается совершеннолетнему члену его семьи либо передается администрации по месту его работы или по поручению следователя иному лицу или организации, которые обязуются передать ее свидетелю. Не достигшее возраста 16 лет лицо вызывается на допрос через законных представителей либо через администрацию по месту работы или учебы. Иной порядок вызова допускается лишь в случае, когда это обусловлено обстоятельствами уголовного дела.

Свидетель, как правило, лично не заинтересован в исходе уголовного дела. Однако на практике бывшие свидетели могут впоследствии оказаться в роли подозреваемых и обвиняемых. Поэтому закон предоставляет им право являться на допрос с адвокатом, который на нем присутствует и пользуется правами, предусмотренными ч. 2 ст. 53 УПК РФ. По окончании допроса он может делать заявления о нарушениях прав и законных интересов свидетеля, которые следователь обязан занести в протокол следственного действия.

Закон наделяет свидетеля правом подавать жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора и суда. Он вправе заявлять ходатайства о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений [8], а также о применении мер безопасности. Запрещается принудительное производство судебной экспертизы или освидетельствования свидетеля. Согласно ст. 179 УПК РФ

освидетельствование осуществляется с его согласия, но за исключением случая, когда оно необходимо для оценки достоверности данных им показаний [87].

2. **Переводчик**. Это лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода (ч. 1 ст. 59 УПК РФ). Правовые нормы, регламентирующие процессуальный статус переводчика, распространяются также и на лицо, владеющее навыками сурдоперевода и приглашенное для участия в производстве по уголовному делу.

Следует обратить внимание на то, что только при привлечении переводчика помощи возможна реализация одного из важнейших принципов уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 18 УПК РФ. Он устанавливает, что каждому из участников процесса, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют. Следственные и судебные документы, которые подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, должны быть переведены на его родной язык или на язык, которым он владеет.

В случаях и в порядке, установленных уголовно-процессуальным законом, переводчик предоставляется бесплатно. О назначении лица переводчиком дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд – определение.

Процессуальные права переводчика следующие:

- задавать вопросы участникам уголовного процесса в целях уточнения перевода;
- знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, а также с протоколом судебного заседания и делать замечания по поводу правильности записи перевода, подлежащие занесению в протокол;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Переводчику запрещается:

- осуществлять заведомо неправильный перевод;
- разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве переводчика, если он был об этом заранее предупрежден в установленном порядке;
- уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд.

Уголовная ответственность за заведомо неправильный перевод и разглашение данных предварительного расследования предусмотрена в статьях 307 и 310 УК РФ.

3. **Понятой.** Согласно ч. 1 ст. 60 УПК РФ это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также его содержания, хода и результатов. Однако в качестве понятых не могут привлекаться:

- несовершеннолетние;
- участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники;
- работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

В протоколе процессуального действия записываются сведения о понятом, в том числе о месте его жительства (п. 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ). Следственная и судебная практика исходит из необходимости указания сведений о месте жительства понятого в целях возможного вызова для проверки правильности проведения процессуального действия и оформления документа. Следовательно, понятой должен иметь постоянное место жительства [49].

Уголовно-процессуальный закон требует привлечения при производстве следственных действий не менее двух понятых. Это должны быть такие лица, которые способны объективно удостоверить факт производства, ход и результаты процессуальных действий. Наличие или отсутствие у них данной способности устанавливается в процессе собирания, проверки и оценки

совокупности доказательств по уголовному делу [10]. Участвующему в следственном действии понятому предоставляется право делать заявления и замечания, которые заносятся в протокол. Он вправе знакомиться с данным протоколом, приносить жалобы на ограничивающие его права действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования.

Понятой не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд. Ему разъясняется, что за разглашение данных предварительного расследования он может быть привлечен к уголовной ответственности (ст. 310 УК РФ).

На основании ст. 131 УПК РФ понятым возмещаются за счет процессуальных издержек средства, затраченные ими в связи с явкой по вызову, а также недополученная ими заработная плата или суммы, выплачиваемые за отвлечение от обычного рода занятий при условии, что они не имеют постоянного места работы.

4. **Специалист.** Согласно ст. 58 УПК РФ, это обладающее специальными знаниями лицо, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для:

1) содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела;
2) постановки вопросов эксперту;
3) разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста.

Первый случай является наиболее распространенной формой использования специальных криминалистических и иных знаний в уголовном судопроизводстве. Производство многих следственных действий не представляется возможным без специалиста, используемых им технических средств. В связи с этим его участие обеспечивается при наличии на то необходимости должностным лицом, осуществляющим проверку сообщения о преступлении или расследование возбужденного уголовного дела.

Второй случай предполагает использование знаний специалиста в форме получения консультации. Следователи и дознаватели не всегда способны профессионально подойти к оценке возможностей судебных экспертиз, правильно определить круг вопросов для постановки эксперту и сформулировать их. Поэтому при назначении судебных экспертиз им порой не обойтись без помощи специалиста, обладающего необходимыми познаниями в области науки, техники, искусства.

Третий случай предполагает допрос специалиста либо дача им заключения, то есть письменного суждения по вопросам, поставленным перед ним сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Показания специалиста – сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 УПК РФ.

В ч. 3 ст. 58 УПК РФ названы следующие права специалиста:

- отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если он не обладает необходимыми специальными знаниями;
- задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя и суда;
- знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, делать заявления и замечания по нему;
- приносить жалобы на ограничивающие его права действия (бездействие) и решения дознавателя, начальников органов и подразделений дознания, следователя, прокурора, суда.

В ч. 4 ст. 58 УПК РФ предусмотрены процессуальные обязанности специалиста. Прежде всего, он обязан являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд. Он не вправе, соответственно и обязан, не разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу. Об этом он должен быть предупрежден в порядке, предусмотренном ст. 161 УПК РФ с разъяснением возможности привлечения его к уголовной ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ.

5. **Эксперт,** как и специалист, также является лицом, обладающим специальными знаниями, однако он не участвует в тех или иных процессуальных действиях, производимых следователем, дознавателем или судом. Использование его специальных знаний в уголовном процессе происходит путем назначения судебной экспертизы, по результатам которой составляется письменное заключение. В отличие от заключения

специалиста оно представляет собой не просто суждение по поставленным вопросам. Это полноценное исследование, произведенное с помощью всего арсенала научных методов и технических средств, в котором формулируются ответы на поставленные вопросы.

Согласно ч. 1 ст. 80 УПК РФ, заключение эксперта – это представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. Нередко возникает потребность в разъяснении сделанных экспертом выводов. В таком случае он вызывается на допрос для того чтобы дать показания, которые могут рассматриваться в качестве сведений, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения в целях получения разъяснений или уточнения тех или иных вопросов по нему.

Основные права эксперта названы в ч. 3 ст. 57 УПК РФ:

- знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;
- ходатайствовать о предоставлении дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству экспертизы других экспертов;
- участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях, задавать вопросы, относящиеся к предмету экспертизы;
- давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в решении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и ограничивающие его права решения дознавателя, начальников органов и подразделений дознания, следователя, прокурора и суда;
- отказаться (в письменном виде с изложением мотивов отказа) от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные материалы недостаточны для дачи заключения.

В ч. 4 этой же статьи перечислены процессуальные обязанности эксперта. Он не должен:

- вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы (без ведома дознавателя, следователя или суда);
- самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования;
- проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов экспертного исследования либо изменение их внешнего вида или основных свойств;
- уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд.

За дачу заведомо ложного заключения эксперт несет ответственность в соответствии со ст. 307 УК РФ, а за разглашение данных предварительного расследования, ставших ему известными в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, – по ст. 310 УК РФ. Об этом он должен быть предупрежден следователем, дознавателем или судом, в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве

В главе 9 УПК РФ предусматриваются обстоятельства, являющиеся основаниями для исключения из участия в уголовного судопроизводстве тех или иных его участников. Отводу могут подлежать, прежде всего, должностные лица, наделенные властными полномочиями, которые ведут производство по уголовному делу, осуществляют процессуальные действия и принимают процессуальные решения. К таковым относятся судья, следователь, руководитель следственного органа, начальники органов и подразделений дознания, дознаватель. Также могут быть отведены должностные лица, наделенные контрольными или надзорными полномочиями в уголовном процессе – судья и прокурор в досудебных стадиях уголовного процесса. Отводу могут подлежать содействующие правосудию лица, такие как эксперт, специалист, переводчик, секретарь судебного заседания.

Вместе с тем, не могут быть исключены из участия в уголовном судопроизводстве лица, которые изначально обладают материально-правовым интересом в исходе дела. Это потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, частный

обвинитель, гражданский истец и ответчик. В числе процессуальных прав каждого из них, а также их защитников или представителей, установлено право на заявление отвода. По основаниям, предусмотренным ст. 72 УПК РФ, могут быть отведены защитники и представители перечисленных участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Процедура отвода позволяет устранить от процессуальной деятельности лиц, имеющих ту или иную степень заинтересованности в исходе дела, по иным причинам проявляющих непоследовательность и необъективность в ее осуществлении. Она способствует предупреждению принятия ими неправильных процессуальных решений, производства незаконных процессуальных действий, и в целом – нарушения с их стороны прав и законных интересов участников уголовного процесса.

В ст. 61 УПК РФ названы общие обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу судьи, прокурора, следователя, начальников органов и подразделений дознания, дознавателя, а также руководителя следственного органа, хотя в данной статье он не упоминается. К таковым относятся следующие:

1) они являются по данному уголовному делу потерпевшим, гражданским истцом или ответчиком либо свидетелем;
2) уже принимали участие в производстве по уголовному делу в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого или обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика; судья также – в качестве дознавателя, следователя, прокурора;
3) имеет место близкое родство или родство с любым из участников производства по уголовному делу;
4) иные обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно заинтересованы в исходе дела.

Однако наличие информации о внепроцессуальном обращении, поступившем судье по уголовному делу, находящемуся в его производстве, само по себе не может рассматриваться в качестве основания для отвода судьи. В силу ч. 3 ст. 8.1 УПК РФ она подлежит преданию гласности и доведению до сведения участников судебного разбирательства путем размещения на официальном сайте суда в сети «Интернет».

К специальным обстоятельствам, исключающим участие в уголовном судопроизводстве, можно отнести следующие:

1) для судьи – предшествующее участие в рассмотрении данного уголовного дела (ст. 63 УПК РФ);
2) для переводчика – его некомпетентность (ч. 2 ст. 69 УПК РФ);
3) для эксперта и специалиста: а) некомпетентность; б) нахождение во время производства по делу, равно как и ранее, в служебной зависимости от сторон и их представителей (ч. 2 ст. 70, ч. 2 ст. 71 УПК РФ);
4) для защитника, представителей потерпевшего, гражданских истца и ответчика:
   а) предшествующее участие в производстве по уголовному делу в качестве судьи, прокурора, следователя, начальников органов и подразделений дознания, дознавателя, секретаря судебного заседания, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика или понятого;
   б) близкое родство или родство с судьей, прокурором, следователем, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем, секретарем судебного заседания, принимавшим либо принимающим участие в производстве по делу, или лица, интересы которого противоречат интересам участника уголовного судопроизводства, заключившего с ним соглашение об оказании защиты;
   в) оказание во время производства по делу либо ранее юридической помощи лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого, обвиняемого либо представляемого им потерпевшего, гражданского истца или ответчика.

Согласно ст. 63 УПК РФ недопустимо повторное участие судьи в производстве по уголовному делу. На большинство других участников уголовного судопроизводства, при условии сохранения ими того же процессуального статуса, данное правило не распространяется, а иногда даже при его изменении. Такой вывод можно

сделать из анализа специальных указаний, закрепленных в ст.ст. 66-71 УПК РФ.

Статья 62 УПК РФ предусматривает недопустимость участия в производстве по уголовному делу лиц, подлежащих отводу. На них возлагается обязанность устраниться от участия по нему, заявив самоотвод. В противном случае им может быть заявлен отвод одним из участников процесса, обладающих данным правом, а именно – подозреваемым или обвиняемым, его законным представителем, защитником, государственным обвинителем, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или их представителями. В связи с некомпетентностью переводчику может быть заявлен отвод также и свидетелем, экспертом, специалистом.

Уголовно-процессуальный закон достаточно определенно устанавливает полномочия должностных лиц по разрешению отводов. Так, решение об отводе:

- судьи, рассматривающего уголовное дело или ходатайство о применении меры пресечения или производстве следственного действия, либо жалобу на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении, принимает единолично этот же судья; одного из судей коллегии, которому заявлен отвод, – остальные судьи в его отсутствие; нескольких судей или всего состава суда – тот же суд в полном составе большинством голосов;
- секретаря судебного заседания принимает суд, рассматривающий уголовное дело, или судья, председательствующий в суде с участием присяжных заседателей;
- прокурора в ходе досудебного производства по уголовному делу принимает вышестоящий прокурор, а в ходе судебного производства – суд, рассматривающий уголовное дело;
- следователя принимает руководитель следственного органа;
- начальника органа или подразделения дознания, а также дознавателя принимает прокурор;
- руководителя следственного органа принимает вышестоящий руководитель следственного органа;
- переводчика, эксперта, специалиста, защитника, а также представителей потерпевшего, гражданского истца и ответчика в ходе досудебного производства принимает дознаватель, следователь, а также суд при рассмотрении им ходатайств о производстве следственных действий (ст. 165 УПК РФ). В ходе же судебного производства решение принимает суд, рассматривающий уголовное дело, или судья, председательствующий в суде с участием присяжных заседателей.

Кроме того, в ряде статей уголовно-процессуального закона предусмотрены полномочия должностных лиц по разрешению не только отводов, но и самоотводов. В частности, это полномочия прокурора на разрешение самоотводов дознавателей (п. 9 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) и руководителя следственного органа на разрешение самоотводов следователей (п. 5 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Законом временной период заявления отвода участниками уголовного процесса предусмотрен только в части судебного производства по уголовным делам. Так, согласно ч. 2 ст. 64 УПК РФ, он может быть заявлен до начала судебного следствия, а в случае рассмотрения дела с участием присяжных заседателей – до формирования их коллегии. Однако в ходе самого судебного разбирательства отвод судье может быть заявлен лишь при условии того, что основание для него ранее стороне известно не было.

Логично предположить, что отводы другим участникам уголовного судопроизводства могут быть заявлены в период их фактического участия в производстве по делу. Так, в отношении следователя и дознавателя – с момента возбуждения уголовного дела до направления его прокурору с обвинительным документом, в том числе в период производства ими тех или иных следственных или других процессуальных действий. Как представляется, отвод прокурору может быть заявлен и в период его ознакомления с поступившими для направления в суд материалами уголовного дела.

Процессуальный порядок рассмотрения заявляемых судьям отводов регламентирован в ст. 65 УПК РФ. Так, заявление об отводе разрешается судом в совещательной комнате с вынесением постановления или определения. Если одновременно с отводом судье заявлен отвод кому-либо из других участников производства по уголовному делу, то в первую очередь

разрешается вопрос об отводе судьи. В случае, когда заявлен отвод одному из членов коллегии судей, судья, которому он заявлен, вправе до удаления остальных судей в совещательную комнату публично изложить свое объяснение по поводу заявленного ему отвода.

Заявление самоотводов и удовлетворение отводов предполагают изменение уголовно-процессуальных правоотношений, поскольку меняется состав их участников в связи с исключением одного из них и замены его другим. Так, в ч. 5 ст. 65 УПК РФ предусмотрено, что в случае удовлетворения заявления об отводе судьи, нескольких судей или всего состава суда уголовное дело, ходатайство либо жалоба должны быть переданы в производство соответственно другого судьи или другого состава суда в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Следует обратить внимание на то, что в таких случаях возможны ситуации, когда потребуется изменение территориальной подсудности уголовного дела (ст. 35 УПК РФ).

Таким образом, исключение того или иного участника из уголовного судопроизводства при наличии на то соответствующих фактических оснований является одной из важнейших процессуальных гарантий, обеспечивающих должное его осуществление. При этом самоотвод предполагает самоустранение лица из производства по уголовному делу, а заявление отвода – правовое средство, направленное на его устранение из процесса.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте понятие участника уголовного судопроизводства.
2. По каким критериям могут быть классифицированы участники уголовного судопроизводства?
3. Что представляет собой суд как участник уголовного судопроизводства? Раскройте такие понятия, как судебное звено, судебная инстанция и состав суда.
4. Каковы полномочия суда в уголовном процессе?
5. Кто является следователем по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации?
6. Каковы основные процессуальные права и обязанности следователя?
7. Какие должностные лица являются руководителями следственных органов?
8. Раскройте полномочия руководителя следственного органа по процессуальному руководству и контролю.
9. Дайте понятие органа дознания и дознавателя.
10. Каковы процессуальные функции органа дознания?
11. Назовите полномочия дознавателя.
12. Кто выступает в качестве начальников органов и подразделений дознания?
13. Каковы полномочия начальника органа дознания в соотношении с полномочиями начальника подразделения дознания?
14. Какие функции осуществляет прокурор в уголовном судопроизводстве?
15. Назовите основные полномочия прокурора в уголовном процессе в целом и на различных его стадиях и этапах.
16. Кто является потерпевшим в уголовном судопроизводстве? Назовите его процессуальные права и обязанности.
17. Кто выступает в качестве гражданского истца в уголовно-процессуальных правоотношениях? Каковые его права и обязанности?
18. Дайте понятие частного обвинителя. Какими правами и обязанностями он наделяется уголовно-процессуальным законом?
19. Раскройте процессуальное положение представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя.
20. Кто признается подозреваемым и обвиняемым в уголовном судопроизводства? Назовите права и обязанности данный участников уголовно-процессуальных правоотношений.
21. Кто может выступать в качестве защитника в уголовном процессе?
22. Когда возникает право подозреваемого (обвиняемого) иметь защитника? Когда участие защитника по уголовному делу обязательно?
23. Раскройте основные полномочия (права) и обязанности защитника.
24. Кто может выступать в уголовном процессе в качестве гражданского ответчика? Раскройте его процессуальное положение.

25. Дайте понятие свидетеля. Кто не может выступать в качестве такового?
26. Каковы процессуальные права и обязанности свидетеля?
27. Кто такой понятой? Перечислите его права и обязанности в уголовном процессе.
28. В чем состоит соотношение понятий «специалист» и «эксперт». Назовите процессуальные права и обязанности данных участников уголовного судопроизводства.
29. Какие права и обязанности переводчика установлены уголовно-процессуальным законом?
30. Что относится к обстоятельствам, исключающим участие в уголовном судопроизводстве?
31. Кого уголовно-процессуальный закон наделяет правом разрешать самоотводы и отводы? Каков порядок из разрешения?

Список литературы

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 18.04.2018) «О прокуратуре Российской Федерации». Ст. 54 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144 (в ред. от 6.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности». Ст. 13 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
3. Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 140 «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 24. – Ст. 3367.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71351308/#ixzz5NPrFFrz0
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. – 2010. – № 147.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2006 г. № 300-О.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. № 173-О.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1036-О-П.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2003 г. № 429-О.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2009 г. № 46-О-О.
11. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70221540/#ixzz5NPqojWxA
12. Приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 (в ред. от 29.08.2016) «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» // Российская газета. – 2012. – № 177.
13. Приказ МВД России от 8 ноября 2011 г. № 58 (в ред. от 29.07.2016) «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов» // Российская газета. – 2011. – № 294.
14. Аксенников А.И. Реализация прав защитника в стадии предварительного расследования // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 135-142.
15. Александров А., Ковтун Н. Апелляция в русском уголовном судопроизводстве. – Н. Новгород: Волго-Вятская академия государственного управления, 1999. – 107 с.
16. Александров Р.А., Кондрат И.Н., Николаева Т.Г. Полномочия органов дознания и исполнение их обязанностей отдельными должностными лицами // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 70-76.
17. Александров Р.А., Безрядин В.И., Кондрат И.Н., Роганов С.А. Стадия возбуждения уголовного дела: самостоятельна ли она в уголовном процессе? // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 83-88.
18. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Принципы деятельности российской адвокатуры // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 22-25.
19. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Российская адвокатура: общая характеристика и принципы правозащитной деятельности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 97-108.
20. Антонов И.А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователя. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 236 с.
21. Антонов И.А., Николаева Т.Г. Допустимость принуждения при производстве следственных действий, связанных с экспертным и внеэкспертным исследованием участников уголовного судопроизводства: вопросы права и нравственности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 174-183.

22. Антонов И.А., Шхагапсоев З.Л. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
23. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 192 с.
24. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Михальчук Ю.П. Прокурорский надзор: Учебно-методическое пособие (в схемах и определениях) / Под общ. ред. И.А. Антонова, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 196 с.
25. Антонова Л.Г., Виноградов М. Ю., Кондрат И.Н., Рытькова В.Ю. Элементы процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 148-152.
26. Артамонова Е.А. О проблеме обеспечения квалифицированной юридической помощью потерпевших, лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 95-98.
27. Безрядин В.И. Ведомственный процессуальный и судебный контроль за исполнением законов в уголовном судопроизводстве // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 9. – С. 67-80.
28. Безрядин В.И. О некоторых вопросах соотношения полномочий надзора и процессуального контроля руководителя следственного органа в досудебном производстве // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 105-111.
29. Безрядин В.И., Петров П.А. Перегрузка полномочий прокурора и руководителя следственного органа в досудебном уголовном судопроизводстве: некоторые дискуссионные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 104-118.
30. Берова Д.М. Уголовно-процессуальные функции: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 276 с.
31. Внуков А.В. Особенности возбуждения уголовного дела по преступлениям, совершаемым на рынке ценных бумаг // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 193-197.
32. Гельдибаев М.Х., Огородников А.А. Прокурорский надзор: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2002. – 240 с.
33. Голубовский В.Ю., Рохлин В.И., Уткин Н.И. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001. – 156 с.
34. Горюнов В.В. Процессуальная самостоятельность следователя в свете реформы следственного аппарата // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 98-102.
35. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела по новому УПК РФ. – М.: ГУК МВД России, 2002. – 51 с.
36. Громов Н.А. Вновь открывшиеся обстоятельства в уголовном процессе. – М.: Спарк, 1999. – 220 с.
37. Гусева В.Ю. Некоторые тактические особенности допроса лиц, обвиняемых в совершении экономических преступлений // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 31-33.
38. Дорожков В.В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. – М.: Норма, 2001. – 272 с.
39. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
40. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М.: Экзамен, 2002. – 512 с.
41. Захарцев С.И. Возбуждение уголовного дела. – СПб., 2003.
42. Захарцев С.И. Неотложные следственные действия. – СПб.: Институт переподготовки и повышения квалификации сотрудников ФСБ России, 2003.
43. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность – военная наука // Вопросы оборонной техники. Серия 16. Технические средства противодействия терроризму. – 2017. – № 5-6(107-108). – С. 155-159.
44. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
45. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
46. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы: Монография. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
47. Иванов А.В. Направления совершенствования правореализующей деятельности в адвокатуре // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 135-137.
48. Ковтун Н.Н. Производство по применению принудительных мер медицинского характера. – Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1998. – 110 с.
49. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Науч. ред. В.Т. Томин,

М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014.
50. Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2006. - 360 с
51. Кудрявцева А.В., Смирнов В.П. Апелляционное производство в уголовном процессе России. – М., Юрлитинформ, 2013. – 216 с.
52. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М.: Юрид. лит., 1986. – 160 с.
53. Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. – М.: Российская академия правосудия, 2000. – 368 с.
54. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001. – 384 с.
55. Логунов О.В., Кутуев Э.К. Процессуальное принуждение: понятие, цели и виды мер. Задержание подозреваемого и обвиняемого // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 9. – С. 182-195.
56. Лукин В.М. Уголовно-процессуальный закон не запрещает задержать лицо по подозрению в совершении преступления до возбуждения уголовного дела // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 107-110.
57. Лысов П.К. Организация судебной власти и судебной деятельности в современной России: некоторые направления правового совершенствования // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 81-97.
58. Лысов П.К., Сальников М.В. Система ювенальной юстиции в России: размышления «за» и «против» // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 129-133.
59. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права и криминологии. – М.: Дело, 2000. – 272 с.
60. Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. – Ярославль: Ярославский государственный университет, 1976. – 94 с.
61. Мусаев М.А. Жертва преступления в криминологическом, уголовном и гражданско-правовом аспектах // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 119-124.
62. Мусаев М.А. Защита жертв преступлений. – М.: Человек, 2012. – 392 с.
63. Мусаев М.А. Патерналистская функция государства и проблемы имущественной и психологической реабилитации жертв преступлений // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 7-17.
64. Мусаев М.А. Правовая и социальная защита жертв преступности в России: Монография. – М.: Человек, 2011. – 348 с.
65. Мусаев М.А. Уголовно-правовая политика России и признание жертвы преступления потерпевшим // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 118-126.
66. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Комм. к ст. 38 / О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014.
67. Полникова А.А. Обеспечение прав подозреваемого по уголовным делам в сфере незаконного предпринимательства // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 106-112.
68. Поляков И.В. Современная российская адвокатура: профессиональная и квалифицированная защита прав и свобод граждан // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 93-97.
69. Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России. – М., Юрлитинформ, 2012. – 376 с.
70. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И.Ю. Белый и др.; под общ. ред. А.Н. Савенкова. – М.: Генер. прокуратура РФ, 2006. Сер. Высшее образование.
71. Рахимзода Р.Х. Следователь и материалы оперативно-розыскной деятельности: правовой режим ознакомления // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 111-124.
72. Российский прокурорский надзор: Учебник / Под ред. А.Я. Сухарева. – М.: Норма, Инфра-М, 2001. — 384 с.
73. Рохлин В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 305 с.
74. Рохлин В.И., Стуканов А.П. Прокурорский надзор в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 154-163.
75. Рохлин В.И., Сыдорук И.И. Прокурорский надзор: защита прав человека. – СПб.: Сентябрь, 2001. - 482 с.
76. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: Монография. – Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2013. – 320 с.
77. Стойко Н.Г. Стратегия участия защиты жертв преступлений в российском уголовном процессе и роль суда в ее реализации // Российская судебная власть: современность и перспективы: Сборник научных трудов /

Науч. ред.: Г.А. Гаджиев, К.Н. Княгинин. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – С 23-30. – в сб. 139 с. – (в сборнике Президентской библиотеки).
78. Стукалин В.Б. Обвиняемый в российском уголовном процессе: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 85-88.
79. Халдеев Л.С. Судья в уголовном процессе. – М.: Юрайт, 2000. – 501 с.
80. Чабукиани О.А., Шабарин В.В. Участие защитника при обеспечении прав личности на досудебных стадиях // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 89-93.
81. Чекулаев Д.П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 264 с.
82. Червоткин А.С. Апелляция и кассация. Пособие для судей. – М., Проспект, 2014. – 336 с.
83. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 184 с.
84. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 208 с.
85. Щерба С.П., Зайцев О.А. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам. – М.: Спарк, 1996. – 123 с.
86. Щерба С.П., Зайцев О.А., Сарсендаев Т.Е. Охрана прав беспомощных потерпевших по уголовным делам / Под ред. С.П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 200 с.
87. Юридические гарантии правового статуса личности, защита свидетелей и лиц, способствующих раскрытию преступлений в уголовном процессе: Программа международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 28 мая 2004 г. / Сост. В.П. Сальников, В.П. Очередько, А.Н. Павлов, Т.А. Петрова, О.И. Городовая. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 23 с.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОСОЗНАНИЕ. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович,
депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: filippova@lotpp.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЗАПАДНЫЕ ФИЛОСОФЫ ПРАВА И КОНЦЕПЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЖОНА РОЛЗА

Аннотация. *Анализируются взгляды современных западных философов права на теорию справедливости Джона Ролза. Отмечается, что некоторые исследователи, особенно либерального толка, полностью отвергают даже сами идеи ученого.*

Ключевые слова: *Дж. Ролз; теория справедливости; либерализм; коммунитаризм;*

ISMAGILOV R.F.
SAL'NIKOV V.P.

THE WESTERN PHILOSOPHERS OF THE RIGHT AND THE CONCEPT OF JUSTICE OF JOHN RAWLS

The summary. *Sights of modern western philosophers of the right at the theory of justice of John Rawls are analyzed. It is noticed, that some researchers, especially liberal sense, completely reject even ideas of the scientist.*

Key words: *J. Rawls; the justice theory; liberalism; communitarism.*

Дискуссионное поле XX века выглядело достаточно сложно, так как и коммунитаристы, и либералы выдвигали критические претензии к теории Ролза и в то же время использовали ее для рефлексии сложившихся точек разногласия и обоснования собственных позиций, обновленных в соответствии с актуальными проблемами развития общества и правовой реальности [6; 7; 8; 20; 24; 31; 32]. Высказываний по поводу теории справедливости Дж. Ролза было удивительно много. Тщательному критическому анализу оказались подвергнуты по существу все положения, выдвинутые Ролзом. Следует отметить, что некоторыми философами права, особенно либерального толка, полностью отвергаются даже сама идея Ролза. Его концепцию, по их мнению, вообще не стоит принимать во внимание при организации политических институтов.

Научные труды Джона Ролза стали изучать и анализировать в том числе и российские исследователи. При этом внимание к творчеству Джона Ролза наблюдается и у тех исследователей [1; 2; 3; 4; 5; 11; 16; 17; 18; 19; 23; 29; 30], которых интересуют философские проблемы права и справедливости, и тех, кто данных проблем лишь касается, изучая правовое государство, гражданское общество с позиций идеологической привлекательности и обновления арсенала либеральных течений [12; 15; 22; 33]. Наверное, это связано с тем, что сам Джон Ролз не требовал, «чтобы принципы справедливости были необходимыми истинами или же выводились из таких истин. Концепция справедливости не может быть дедуцирована из самоочевидных посылок или условий на принципы; напротив, ее обоснование – это дело взаимной поддержки многих рассмотрений, которые складываются в один согласованный взгляд» [25].

В первую очередь здесь необходимо отметить книгу «Анархия, государство, утопия» Р. Нозика [40, p. 64]. В ней последовательно критикуется концепция Ролза именно с позиций классического либерализма, когда к минимуму сводится роль в обществе государства, «ограниченного функцией защиты всех своих граждан от насилия, воровства и мошенничества, исполнением договоров, и так далее» [40, p. 46].

Нозик обращает внимание читателя прежде всего на то, что концепция справедливости Джона Ролза по его мнению выступает антиисторической. Как известно, реализация идеи справедливости основывается на принципах распределения благ. Трактовка же их распределения должна быть понятна всем, кто производит эти блага, а не только тем, кто обменивает их. С позиций Нозика точка зрения Ролза противоречива и даже ошибочна, ибо нельзя понимать блага так, будто они существовали из века в век и не принадлежали до этого никому. Нозик отстаивает позицию о невыводимости системы государственных отношений из элементарного взаимоотношения между индивидами, если даже допустить их неравенство на основе силы. Перераспределение благ, не связанных с властью, считает Нозик, несправедливо и аморально, но оно заложено в самой государственности, обеспечивающей выборочную защиту отдельных прав.

Аналитический подход Ролза критикует Р. Нозик. Его критика направлена в сторону нормативной ценности данного подхода и выливается в радикальный отказ от той принудительной силы, о которой пишет Ролз, хотя данная идея не совсем ясно содержалась в формализме аналитического способа мышления. Используемая аргументация совпадает для него с репрессивной эпистимологической моделью. Либеральная альтернатива Нозика исходит из критического анализа понятия аргументации, ибо теорию права нельзя сводить к науке об аргументации. Из некоторых посылок и доказательства не вытекает одно и то же заключение – более нравственно и эпистемологически плодотворно стимулировать собеседника к альтернативным способам мышления. Объективное знание о праве может быть получено не построением неопровержимой аргументации, а нравственным совершенствованием человека [21, стр. 90].

Концепции Ролза и Нозика сравнивает между собой немецкий правовед Отфрид Хёффе. Он считает, что Нозик очень мало уделяет внимания проблеме основоположений права. Первоначальное приобретение имущества Нозик рассматривается как форму присвоения бесхозных предметов. Он по умолчанию объявляет нетронутую природу бесхозным добром. Оно-то и становится собственностью в результате захвата и переработки. По этому поводу Хёффе, солидаризуясь с Ролзом, возражает Носику: «как минимум столь же очевидной является

посылка, – *пишет он,* – что природа есть изначальная собственность всего человечества, из-за чего любой захват и переработка носят характер лишь вторичного, а не первичного присвоения. Согласно этому альтернативному пониманию человечество в целом обладает (коллективным) преимуществом, «правом участия в прибыли» от Земли и ее плодов» [37, стр. 99].

О. Хёффе не согласен с Р. Нозиком. Он видит в исследованиях Ролза новую парадигмальность, которую связывает с его трактовкой справедливости как распределения. Такой подход с использованием обмена обладает уже тем преимуществом, что принципы распределения являются спорными, при том как принцип справедливости при обмене, т.е. равноценность даваемого и получаемого, никто не оспаривает [37, стр. 100].

Исходя из указанного методологического положения внеправовое состояние как естественное состояние конфликтов свободы, может быть разрешено именно посредством первоначального правового договора, носящего характер как негативного, так и «трансцендентального» обмена. Хёффе, разъясняя эту мысль, подчеркивает, что обмен является негативным, поскольку заключается во взаимном отказе от применения насилия, и относительно трансцендентальным, так как происходит на уровне, отказаться от которого не сможет ни один человек, ибо лишь здесь становится возможным подлинно человеческое существование. В этих условиях соблюдается элементарный критерий справедливости, который Хёффе называет дистрибутивно-коллективной выгодой. Это очень значимый критерий. Именно он обеспечивает среди коллективно выгодных правил значимость прежде всего тех, которые выгодны каждому индивиду.

Аналогичная идея высказывалась Хёффе ранее в глубокой работе «Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства» [36].

В то же время Хёффе обращает внимание на то, что подобное притязательное условие значимо там, где выходит за рамки критериев Ролза, т.е. общественных основных благ, и ориентируется, во-первых, на трансцендентальные интересы: на условия возможности дееспособности и свободы действий, и при этом, во-вторых, останавливается на интересах, которые соблюдаются лишь в рамках взаимности и благодаря ей.

Выдвигаются и другие аргументы либералов против основных положений теории Ролза. Например, Ф. фон Хайек подчеркивает, что введение в действие принципов справедливости Ролза, да и любой концепции перераспределения, требует определенной информации, значительную часть которой никогда не сможет получить центральное правительство, перераспределяющее доходы через систему налогообложения [27; 28]. Кроме этого, высказывается мысль о том, что теория Ролза неадекватна современному миру, в котором государства глубоко задействованы в системе международной торговли и администрирования [34].

Рассматриваемую концепцию справедливости критиковал в работе «Естественное право и естественные права» (1980) Дж. Финнис. Критике подвергалось отношение Ролза к теории естественного права. «Теория естественного права, – *указывал Финнис,* – претендует на способность выявить условия и принципы практической разумности, а также хорошего и правильного порядка среди людей и в их индивидуальных поступках» [39, p. 18]. Согласно ему, постулат естественного права состоит не в том, что «несправедливые законы нельзя считать законами», а в том, что существуют объективно действующие нормативные принципы, которым и должен соответствовать комплекс норм позитивных законов и всех случаев их применения [39, p. 351].

Исследователь сформулировал тезис, в соответствии с которым способность к познанию раскрывает перед личностью принцип справедливости в качестве «базовой ценности человеческого существования» [39, p. 59, 85]. Справедливость может определяться по-разному. Различия здесь, в соответствии с замечанием Финниса, исторически связаны с абсолютизацией той или иной ценности. Эту абсолютизацию можно преодолеть, но для этого требуются длительные дискуссии. В конечном же счете лишь в процессе исторического развития разума: «Несомненно, – *указывает Финнис,* – иногда искажения и отклонения проще всего объяснить неразборчивой и неразумной непосредственностью; иногда их можно объяснить предвзятостью и невниманием, вытекающими из условностей языка, структуры и нравов общества; иногда же (и, скорее всего, в наиболее радикальных случаях) они объясняются предвзятостью, связанной с любовью к самому себе или

с другими эмоциями и наклонностями, которые не уступают требованиям простой разумности» [39, p. 127].

Взгляды Ролза с либеральных позиций также критиковал Д. Ричардс в работе «Моральная критика права», предлагая собственный вариант разрешения проблемы соотношения права и справедливости. По его мнению, закон и принципы справедливости друг с другом непосредственно не связаны. В частности, он пишет: «С точки зрения абстрактного теоретического анализа, приходится признать, что закон не обязательно является нравственным». В реальности же «юридические и нравственные принципы в значительной степени переплетаются в рамках самых разнообразных конкретных юридических институтов» [41, p. 33].

Понимая, что хотя закон может и не соответствовать требованиям справедливости, в то время Д. Ричардс полагал, что имеются принципы справедливости, истинность которых может быть подтверждена и обусловлена практической деятельностью в сфере обеспечения прав и свобод человека. Именно данная деятельность человека и востребует справедливость. Все-таки нам думается, здесь наблюдается в какой-то мере упрощенная, по сравнению с Ролзом, позиция. Ученый, определяя роль справедливости в конституировании правовых регуляторов, также в конечном итоге обращается к практике. Выдвигаемое же Ролзом требование формирования коммуникативной дискурсивности в принципе означает обязательность выражения рефлексивного отношения как в сфере права, так и в сфере нравственности. Предлагаемая Ролзом позиция представляет собой более глубокую философско-правовую аргументацию по сравнению со взглядами Д. Ричардса [10, стр. 109-124].

Вызывают большой научный интерес взгляды известного американского правоведа Рональда Дворкина. Он разработал собственную концепцию соотношения принципов справедливости и права. Опирался ученый на общий принцип синтетического единства правовых феноменов. Показательна в этом плане его работа «Империя закона». По Дворкину, справедливость содержится и получает свое дальнейшее воплощение в независимых нормативных принципах, которые проявляются через систему объективного и позитивного права, то есть законодательства. Об объективном праве как о законодательстве, как известно, писал и Л.С. Явич [38].

Вспомним Ролза. Предложенный им анализ практической разумности выступает прежде всего ни чем иным, как способом решения проблемы соответствия принципов справедливости и правовых регуляторов. В идеале предписания права должны соответствовать принципам справедливости. Если же соответствие не обеспечено, то снижается обязанность соблюдения закона. Позиция Дворкина заключается в ином. Он стремится избежать какого бы то ни было универсального решения данного вопроса, и сводит его к конкретной интерпретации той или иной жизненной ситуации, которую должен решить судья, независимо от всяких общих принципов отношения права и справедливости. Вряд ли это решает проблему. Она вновь воспроизводится каждый раз уже в новой ситуации и на ином уровне. В таком случае не решается важная научная задача, а все теоретические попытки и изыскания оказываются бессмысленными. В то же время сам Дворкин вовсе не склонен отрицать объективный смысл принципов справедливости и их реализуемость в сфере права [13; 14].

Очень жесткую позицию против теории Ролза заняли коммунитаристы. Они доказывали, что Ролз вообще исследует не те проблемы, которые заслуживают внимания. Либералы, как известно, обращают внимание на такие моральные стандарты, по которым можно оценивать социальные и политические институты. Для коммунитаристов же подлинная задача заключается в том, чтобы определить принципы, которые задействованы в реальной практике реальных обществ [26]. Бесполезно, с их позиций, обращаться к абстрактным принципам, и выяснять их значимость, что допустимо на практике. Дело в том, что практика предшествует теории, и отсюда вряд ли абстрактные принципы играют какую-либо существенную роль в жизни человека и общества. К. Бейнс предлагает следующие комментарии по этому вопросу: «Либералы защищают приоритет права над благом на том основании, что не существует бесспорной концепции блага, признаваемой всеми гражданами в качестве общей основы для определения направлений общественного сотрудничества. Коммунитаристы утверждают, что либеральная попытка определения принципов справедливости

без признания предполагаемого разнообразия благ и принципов распределения означает самообман. Тем не менее, риторический флер, создаваемый обеими сторонами, делает разногласия более острыми, чем они есть на самом деле» [9, стр. 90; 35]. Карл Бейнс обращает внимание не только на различия, но и на общие черты анализируемых теорий.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Ролз и возрождение американской политической философии // Историко-философский ежегодник. 1994. – М., 1995.
2. Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. - 260 с.
3. Алексеева Т.А. Справедливость как проблема политической философии (на материалах американской политической мысли): Автореф. дис. … докт. филос. наук. – М., 1992.
4. Алексеева Т.А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Ролза. – М., 1992.
5. Алуксеш Т.А. Справедливость как проблема политической философии: Автореф. дис. … докт. филос. наук. – М., 1992.
6. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
8. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.
9. Бейнс К. Либерализм Ролза и коммунитаристская критика // Историко-философский ежегодник. 1994. – М., 1995. – С. 89-104.
10. Бернацкий Г.Г. Естественное право в истории правовых учений. – СПб., 2001.
11. Биктасов О.К. Идея справедливости: к истории ее происхождения и развития // Правоохранительная деятельность и правовое государство. Вып. 3. – СПб., 1994. – С. 31-36.
12. Гапоненко Л.Б. Современные проблемы взаимодействия социального государства и гражданского общества: Автореф. дис. … канд. полит. наук. – М., 2004.
13. Дворкин Р. О правах всерьез. – М.: РОССПЭН, 2004. - 392 с.
14. Дворкин Р. Справедливость и права // Отечественные записки. – 2003. – № 2. - С. 128-137.
15. Евстратов А.Э. Генезис идеи социального государства: историко-теоретическое проблемы: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2005.
16. Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004. – 260 с. (Серия «Монографии»; Вып. 3.).
17. Кашников Б.Н. Либеральный утилитаризм и его критика в политической философии Д. Ролза // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 84-95.
18. Кашников Б.Н. Теория справедливости Дж. Ролза как доктрина гражданского общества // Этика гражданского общества: Тезисы докладов Всероссийской научно-технической конференции. – Владимир, 1992.
19. Кузьмина А.В. Нравственные аспекты моральной концепции справедливого общества и морально-политической философии Джона Ролза. – М., 1998.
20. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
21. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
22. Наумова Е.Н. Социальное государство в России: проблемы теории и практики: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006.
23. Печерская Н.В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уалзер // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 77-88.
24. Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6. – С. 164-168.
25. Ролз Дж. Теория справедливости / Перевод и науч. ред. В.В. Целищев. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1995.

– 535 с.
26. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. – М.: : Русское феноменологическое общество, 1996. - 282 с.
27. Сальников М.В., Щепкин С.С. Становление и эволюция институтов налогов в контексте развития общества и государственности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 4. – С. 24-32.
28. Сальников М.В., Щепкин С.С. Эволюция института налогов в контексте развития общества // Юридический мир. – 2004. – № 10. – С. 76-84.
29. Сваровская Е.Б. Структура и эволюция «Теории справедливости» Джона Ролза: Автореф. дис. … канд. философ. наук. – Новосибирск, 1999.
30. Сваровская Е.Б., Целищев В.В. Структура «теории справедливости» Дж. Ролза и ее место в современной политической философии // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1996. – № 1. – С. 8-13.
31. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79-85.
32. Слабоднюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrucken, Deutschland: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 360 с.
33. Увачев В.А. Социально-правовое государство и гражданское общество постиндустриальной эпохи: правовые основы функционирования и взаимодействия (на примере Западной Европы и США): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006.
34. Хайек Ф. Дорога в рабство. – М.: Экономика, 1992.
35. Хайруллин В.И. Что такое «коммунитарная справедливость» // Государство и право. – 2007. – № 9. – С. 93-97.
36. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. – М., 1994. – 319 с.
37. Хёффе О. Справедливость. Философское введение. – М.: Праксис, 2007. - 192 с.
38. Явич. Л.С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976. - 285 с.
39. Finnis J. Natural Law and Natural Rights. Oxford, 1980.
40. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. New York, 1974.
41. Richards D. The Moral Criticism of Law. Encino, 1977.

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич,
и.о. ректора Курганского государственного университета, кандидат юридических наук (г. Курган, Россия)
E-mail: 775777@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРОБЛЕМА МЕТОДА В ОБОСНОВАНИИ МОРАЛИ И ПРАВА В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ (И. КАНТ, И.Г. ФИХТЕ)

Аннотация. *Содержание учения немецких классиков о взаимозависимости права и морали определяется особенностями их метода дедукции норм права и морали. У основоположника немецкой классической философии И. Канта право выступает формой реализации свободы во внешнем мире. Однако в кантовском учении мы имеем дело с трансцендентальным методом анализа условий реализации свободы в мире, опытное знание о которых заставляет нас всего лишь предполагать существование свободы, права и морали. Дедукция норм права опосредована субъективным полаганием высшего нравственного закона. И.Г. Фихте преодолевает эту ограниченность кантовской теории права на основе метода содержательной рефлексии свободы субстанции-субъекта самосознания, из понятия о деятельности которого он непосредственно выводит понятие права. При этом оба ученых высказывают диаметрально противоположные суждения об отношении права и морали, этики и теории права.*

Ключевые слова: *философия права; трансцендентальный метод; свобода; право; мораль; Кант; Фихте.*

PROKOFIEV K.G.

METHOD PROBLEM IN MORALS AND RIGHT SUBSTANTIATION IN GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY (I. KANT, I.G. FICHTE)

The summary*. The maintenance of the doctrine of German classics about interdependence of the right and morals is defined by features of their method of deduction of norms of the right and morals. At the founder of German classical philosophy I.Kant the right acts as the form of realisation of freedom in an external world. However in the Kant doctrine we deal трансцендентальным with a method of the analysis of conditions of realisation of freedom in the world, the skilled knowledge about which forces us to assume only existence of freedom, the right and morals. Deduction of norms of the right is mediated subjective полаганием the higher moral law. I.G.Fichte overcomes this limitation of the Kant theory of the right on the basis of a method of a substantial reflexion of freedom of a substance-subject of consciousness, about which activity it directly deduces concept of the right from concept. Thus both scientists state opposite judgements about the relation of the right and morals, ethics and the right theory.*

Key words: *legal philosophy; transcendental method; freedom; the right; morals; Kant; Fichte.*

Идея классической науки, как она сложилась в эпоху Нового времени, предполагала, во-первых, системную связь всех ее понятий, и, во-вторых, дедукцию этих понятий из единой высшей идеи на основании единого методологического принципа. Подобный подход распространялся как на учение о природе, так и на науки о человеке и обществе, включая мораль и право. Примером такого подхода в метафизике XVII в. может служить «Этика» Спинозы, где все понятия выводились из общей идеи субстанции. Но уже к середине XVIII в. такой подход представлялся неудовлетворительным, поскольку и высшая идея (например, идея субстанции у Спинозы), и научный метод, принимались некритически, как данность. Результатом был догматический подход как в философском обосновании этико-правовых учений, так и в их конкретных положениях.

И. Кант признан основоположником немецкой классической философии и, соответственно, новейшей германской государственно-правовой науки [43, стр. 11-19] благодаря тому, что он впервые ставит вопрос о природе субъекта как исходного пункта исследования предмета этой науки – всеобщего единства мышления и бытия. Анализ субъекта познания имел результатом разработку критической философии. Отныне сам предмет также должен был рассматриваться не только как субстанция, но и как субъект [2, стр. 431]. Поэтому Кант разрабатывает специальный метод познания, где анализ субъекта является необходимым элементом синтеза наших знаний об объекте [37, стр. 61-64]. Такой метод автор «Критики чистого разума» называет трансцендентальным методом. Характеризуя сущность трансцендентального метода познания, современный немецкий исследователь писал: «Научное утверждение делает трансцендентальным не вид предмета (будь таким предметом даже познание или даже единство познания и предмета), но то, что в нем мыслится его взаимосвязь с сущностью его же познания, мыслится единство, из которого развиваются они оба – этот предмет и это познание» [55; 57, стр. 193]. В итоге Кантом была сформирована совершенно новая в мировой истории парадигма правовой мысли. Кант показал, что понять природу права возможно, лишь поняв сущность свободы. И здесь он правильно вынес свободу за пределы всякого эмпирического содержания, потребовав ее трансцендентального истолкования. Однако нам нужно иметь в виду внутреннее противоречие самого кантовского трансцендентализма.

Разрешая основное противоречие правовой науки своего времени, Кант сосредотачивается на проблемах методологии науки. Он правильно исходит из того, что для разрешения теоретических сложностей следует прежде всего разработать методологические аспекты теории.

Для теории права такой подход особенно актуален. Заметим, что в современных условиях на значимость методологии познания для правовой мысли указывает член-корреспондент АН СССР и Российской Академии наук Д.А. Керимов. Ссылаясь на выдающегося правоведа начала XX столетия Ф.В. Тарановского, Д.А.Керимов напоминает, что философия права сводит философский элемент к так называемой гносеологии, т.е. теории познания, и полагает особую задачу философии права в исследовании особенностей теории познания правовых явлений [31, стр. 44]. Развивая эту мысль Д.А. Керимов пишет: «Нет правовой теории без юридического метода, равно как и наоборот. Более того, юридический метод, по существу, та же правовая теория, но обращенная к исследовательскому процессу, к поиску, обнаружению, приращению нового правового знания. Именно поэтому юридический метод не является предначертанием, озаряющим исследователя извне. Он вытекает из особенностей самого объекта познания, из его собственной внутренней логики. Именно поэтому противостоят друг другу не правовая теория и юридический метод, но еще не познанные и подлежащие познанию объекты и юридический метод. Основываясь на внутренней логике исследуемого объекта, юридический метод овладевает им и создает его правовую теорию, погружается в нее и тем самым утверждает основание для дальнейшего движения правового познания соответствующих объектов» [31, стр. 46].

Универсальный трансцендентальный метод Канта направлен на преодоление разрыва субъективности и объективности в познании явлений природы и общества (включая право) путем возведения субъективности самого мышления в ранг объективного, а тем самым – с внесения принципа субъективности в объективность. В дальнейшем это позволит трактовать результат реализации субъективной воли как объективное общезначимое явление. Для правовой мысли такой подход сулил большие перспективы в

деле решения ее основной задачи: задачи показать, каким образом право, будучи порождением субъективной воли человека, может трансформироваться в объективную субстанцию. Трансцендентальный метод Канта исходит из идеи свободы субъекта, поскольку субъект, имеющий объектом только себя, не зависит ни от чего вне себя. Поэтому и он, и его объект, могут мыслиться только как абсолютная, себя определяющая, независимость, т.е. как свобода. Развивая идею свободы в ее субъективном измерении, Кант создал предпосылки для ее предельно широкого понимания, включающего в себя субъект, объект и абсолют, что мы и находим в учении классиков немецкой философии: И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля.

Применительно к современной отечественной юридической науке указанный подход И. Канта к познанию явлений природы и общества удачно применили профессоры В.П Сальников и С.И. Захарцев в обосновании своей компрехендной доктрины понимания права [4; 6; 7; 8; 16; 18; 19; 20]. Учитывая предложенную в свое время профессором Л.С. Явичем характеристику объективного и субъективного права [53; 54], мыслители пришли к выводу о необходимости трактовки права в единении его объективных и субъективных свойств, всей гаммы характеристик, присущих ему, включая как позитивные, так и негативные. По их мнению, нельзя идеализировать право [11; 14; 15], необходимо видеть все его грани (стороны), в том числе и те, которые свидетельствуют о его неприглядности [21; 22]. Сравнивая право с бриллиантом, они хотят отметить не его исключительность, блистательность, яркость, красоту и т.д., а многогранность (57 граней), подчеркивая необходимость учета всех многочисленных граней права, его объективных и субъективных характеристик [5; 9; 12; 13; 17; 48]. В частности, исследователи подчеркивают: «Три года назад (статья опубликована в 2016 г. – К.П.) мы обосновали компрехендную теорию познания права (от латинского Comprehendo – всеохватывающий). Смысл предложенного нами подхода видится в строго объективном, реальном, деидеализированном, деиделогизированном познании права, не допуская господства какой-либо правовой концепции. Чем объективней будет оцениваться право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, четче вскрываться все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих возможностей и т.д., – тем скорее человечество придет к познанию права. Наша компрехендная теория вызвала заметный интерес в философии и праве и завоевывает все больше сторонников.

Однако, – *замечают В.П. Сальников и С.И. Захарцев,* – по-прежнему встречаются случаи, что отдельные ученые пытаются познать и представить право в идеализированном (а значит – в искаженном) виде. Так, есть расхожее выражение, что право – это торжество свободы, равенства и справедливости в общественной жизни людей. Или другое выражение: пусть рухнет мир, но восторжествует правосудие».

Далее философы права напоминают о том, что они не раз обращали внимание на свойство права включать «в себя и глупые нормы, и регламентацию несправедливости, и откровенные несуразности и т.д.».

Авторы напоминают, что о данных свойствах права писали не только они. Право при его внимательном исследовании предстает как очень противоречивое явление. «И бывает так, – *замечают основатели компрехендной теории,* – что казалось бы правильно написанные нормы не приводят к справедливости и разумности. При этом бытие еще более сложно и противоречиво» [10, стр. 32].

В.П. Сальников и С.И. Захарцев в подтверждение своих аргументов приводят реальную жизненную ситуацию, которая завладела вниманием абсолютного большинства населения России, обсуждалась на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье в период подготовки статьи. В нашем Отечестве, пожалуй, не было телевизионного канала или другого СМИ, где бы данная сцена из нашей повседневной жизни не нашла отражения. К сожалению, аналогичных ситуаций у нас становится все больше и больше.

Мы решили привести в данной статье описанный мыслителями случай в их авторской интерпретации.

В 2014 году в одном из роддомов России произошло ЧП: похитили новорожденного мальчика. От этого младенца отказалась роженица, не назвав отца ребенка, сославшись на «плод случайной связи». Малыш оказался в категории «отказников». Он-то и был украден.

Следственные органы возбудили уголовное дело по ч. 2 ст. 126 УК РФ (похищение человека),

которая в качестве санкции предусматривает уголовное наказание в виде лишения свободы до 12 лет. Данное деяние относится к категории особо тяжких преступлений.

Лицо, совершившее это преступление, было выявлено только в 2016 году. Им оказалась женщина, которую авторы публикации назвали М..

Накануне рождения «отказника» у М. в этом же роддоме произошла страшная для нее и ее семьи (как она считает) трагедия. Во время родов у нее погиб ребенок, а сама она благодаря медицинской помощи и профессионализму врачей чудом осталась жить, но с ужасным для любящей детей женщины диагнозом – рожать она больше не способна. М. полагала, что в данной ситуации муж с ней расстанется, она никогда не сможет испытать чувства материнства, сама семья распадется… и она, по всей вероятности, используя помощь сотрудника роддома, похитила «отказника» и выдала его за как бы рожденного ею ребенка.

В течение почти двух лет (с 2014 г.) до раскрытия данного преступления и выяснения всех обстоятельств дела (2016 г.) эта женщина с мужем воспитывала похищенного малыша как своего родного сына. Муж оставался убежденным в том, что малыш – его сын, а М. хранила от него тайну рождения ребенка и искренне любила мальчика. Ребенок рос в отличных условиях, его окружало материальное благополучие, любовь, забота и доброта «родителей». Никто не знал, не мог и предположить, что мальчик воспитывается не родными людьми.

Следствие восстановило реальную картину происшедшего. Под давлением полученных доказательств М. была вынуждена во всем признаться и дать правдивые показания.

Далее события развивались стремительно и следующим образом. М. как обвиняемую в совершении особо тяжкого преступления арестовали, похищенного ребенка из семьи изъяли и отправили в детский приют для брошенных детей.

По закону все, казалось бы, правильно. Особо тяжкое преступление – похищение человека – раскрыто, виновное в совершении данного преступления лицо установлено и арестовано, правосудие торжествует. Это с правовой, юридической точки зрения. С позиций же жизненной ситуации, судьбы людей, оказавшихся в приведенном водовороте реальных событий, да и с учетом такого явления, как справедливость, дела обстоят гораздо печальнее.

В результате правомерных законных действий, и это особенно подчеркивается в публикации, сломана жизнь у обвиняемой женщины М., у ее мужа и их близких. Сломана жизнь и у мальчика: воспитываться в семье любящих тебя людей – это не в детдоме и не в интернате.

Авторы приведенного примера при этом особо обращают внимание на то, что М. и ее муж не судимы, ладят с законом, положительно характеризуются, имеют достаток в доме, хорошую репутацию и блестящее образование. Очень возможно, что они воспитали бы достойного человека, патриота Отечества, любящего свою Родину гражданина. Кто вырастет из этого мальчика теперь, с учетом пережитого им стресса, бурлящей вокруг этого случая информации, новых условий его воспитания – сказать трудно.

В итоге В.П. Сальников и С.И. Захарцев приходят к выводу: «при кажущемся торжестве правосудия и законности действий следствия проиграли все.

Конечно, для М. было бы правильно рассказать о неудачных родах мужу, а далее заняться процессом усыновления или удочерения детей. Однако, видимо, следует учитывать ее стресс от неудачных родов, трагедии от гибели ее ребенка, а также понимать взаимоотношения в семье. Случаи, когда мужчины бросают женщин, не могущих иметь детей, распространены. Возможно, это толкало М. на совершение противоправных действий.

Мы не будем ни оправдывать, ни осуждать М. Просто констатируем итог: вместо счастливой семьи и хорошего ребенка имеем как минимум три поломанных жизни. Разве в этом сущность права?» – спрашивают они.

И отвечают: «Как ни странно, и в этом тоже! Право слепо и жестоко. Вспомним Фемиду, стоящую с завязанными глазами и мечом. Право, как мы не раз отмечали, нельзя понимать только как справедливость и благоразумное регулирование общественных отношений (что периодически встречается в изданиях). Право, как мы отмечаем в компрехенндной теории – сложное противоречивое социальное явление. Праву нередко не достает мудрости и доброты – это, увы, объективно существующая грань права.

В отношении правоприменения: в праве должны быть выработаны механизмы, позво-

ляющие компенсировать жестокость и слепоту права» [10, стр. 32-33].

Далее они, учитывая приведенный пример, обращают внимание на то, что в уголовном процессе одним из таких механизмов является суд присяжных. Он как раз и необходим «для того, чтобы был законный механизм исправления правовой глупости или правового тупика.

Ведь, с точки зрения закона, следователь обязан предъявить обвинение женщине, похитившей младенца. Должен и избрать меру пресечения. Судья при таких обстоятельствах и признательных показаниях М., независимо от личного отношения к ситуации, обязан вынести обвинительный приговор. А органы опеки обязаны изъять ребенка».

Кроме суда присяжных, ученые приводят другой механизм исправления правовых ошибок, которым выступает помилование Президентом Российской Федерации [32]. «Этот механизм опять же должен включаться тогда, когда по закону нужно выносить одно решение, а здравый смысл, мудрость и доброта требуют другого.

Бытие, право и тем более правоприменение всегда требовали философии. Именно философский подход формирует в правоприменении здравый смысл, логику, этику. Будем надеяться, что здравого смысла, логики и этики в праве будет больше» [10, стр. 33].

Нам представляется, что в приведенном В.П. Сальниковым и С.И. Захарцевым жизненном примере и предлагаемом ими его интерпретации можно проследить универсальный трансцендентальный метод Канта, который направлен на преодоление разрыва субъективности и объективности, в том числе и такого явления, как право. Компрехендная доктрина права позволяет возведение субъективности самого мышления о праве в ранг его объективности, тем самым вносить принцип субъективности в объективность. Право, являясь результатом субъективной воли человека, может стать объективной субстанцией. Кант, руководствуясь идеей свободы субъекта и развивая ее, создал предпосылки предельно широкого восприятия свободы, как включающего в себя субъект, объект и абсолют. Основатели же компрехендной теории познания права взяли эту идею на вооружение и реализовали в своей доктрине.

В итоге идея свободы, получив в трудах продолжателей дела Канта не только субъективное, но и объективное измерение, переносится на учение о социальных явлениях, включая право. Поэтому «… классическая немецкая философия права ни восстанавливает теорию естественного права, ни пролонгирует концептуальные основания общественного договора, а развивает понимание права, основанное на впервые представленной в истории науки развернутой философской интерпретацией христианской идеи свободы» [36, стр. 171].

Однако сам Кант, в силу субъективистских установок своей философии, полагал, что идея свободы не может быть постигнута, поскольку не может быть дана в опыте. При том, что опыт Кант считал единственно возможной формой познания. Свободу он трактует как вещь-в-себе: мы не можем иметь о ней знания в теоретической форме (иначе разум будет порождать противоречивые антиномии), а лишь должны предполагать ее действительность в качестве условия теоретического познания и условия практического действия.

В таком случае, настаивал Кант, мы должны признать свободу в качестве не просто одного из условий цепочки практических поступков, а в качестве их конечного и обуславливающего условия. Свобода, являющаяся одновременно основанием и целью ряда условий практических поступков, составляет содержание кантовского понятия моральности. Согласно закону свободы, моральность – это «причинность, которая не есть явление, хотя результат ее находится тем не менее в явлении» [30, стр. 83].

В том же контексте Кант подчеркивал исключительно духовный (в его формулировке – «интеллектуальный») характер свободы: «Идея свободы имеет место единственно в отношении интеллектуального как причины к явлению как действию. Поэтому мы не можем признать за материей свободу в отношении ее непрерывного действия...» [30, стр. 166]. Исходя из этого, Кант утверждал, что следование человеком за своими природными наклонностями исключает моральный характер мотивов его поступков. Последние имеют место только тогда, когда человек стремится исключительно к самой свободе как к своей чистой цели.

Согласно такой логике, Кант жестко отделяет сферу природного, естественного, от сферы морального и, далее, от сферы правового. В природе действует причинность, согласно

закону необходимости, в сфере морали и права – причинность согласно закону свободы: «Так как чистая форма закона может быть представлена только разумом, стало быть, не есть предмет чувств и, следовательно, не относится к числу явлений, то представление о ней как определяющем основании воли отличается от всех определяющих оснований событий в природе по закону причинности, так как в этом случае определяющие основания сами должны быть явлениями. Но если никакое другое определяющее основание воли не может служить для нее законом, кроме всеобщей законодательной формы, то такую волю надо мыслить совершенно независимой от естественного закона явлений в их взаимоотношении, а именно от закона причинности. Такая независимость называется свободой в самом строгом, т. е. трансцендентальном, смысле» [30, стр. 211]. Именно поэтому автор «Критики практического разума» хотя и использует понятие естественного права, но, фактически, отводит его на второй план, чтобы избежать возможного соотнесения с понятием природности. В этом также проявляется решительный разрыв немецкой классической философии права и ее основоположника с основной парадигмой всей предшествующей истории правовой мысли. Как известно, о естественном праве думали еще мыслители античности [1; 25; 38; 40], средневековья [24; 29; 47] и Нового времени [33; 34; 35; 39; 41; 42].

Кант различает чистый разум, дающий общие принципы познанию, и разум практический, дающий основания способности воли. Природе последнего посвящена вторая кантовская критика – «Критика практического разума». Задачу практического разума Кант видит в том, чтобы задать морально-ценностные ориентиры человеку таким образом, чтобы он в мире, где господствует закон необходимости (гетерономия воли, в трактовке Канта), мог реализовать свою внутреннюю свободу (автономия воли).

В «Критике практического разума» Кант пытается преодолеть это противоречие, идя не от объекта к субъекту, а от субъекта к объекту. Автономная воля должна всецело определять собой объект. Поскольку в качестве объекта выступает природа, подчиненная законам необходимости, постольку реализация свободной воли в ней невозможна. Значит, свободная воля должна сама «сконструировать» объект, адекватный ее свободе. По Канту, разум полагает высший нравственный закон. Поскольку он полагает его, действуя на основании принципа автономности воли, он свободен, подчиняясь этому закону. Таким образом, противоречие свободы и насилия разрешается тем, что человек подчиняется этому закону как предписывающему, но в то же время сохраняет свою свободу. Если принимать во внимание содержание мотива следования высшему нравственному закону, то мы, согласно Канту, получаем систему морали, если же принимать во внимание только форму, то мы получаем систему права.

В результате место высшего естественного закона, который ранее трактовался как врожденная идея разума (рационалистический вариант философии права) или как продукт общественного договора (эмпирический вариант философии права), в учении Канта занимает высший нравственный закон. Последний является законом свободы, поскольку субъект сам ограничивает им себя, следуя указаниям собственного разума, общего, по мнению Канта, для всех людей. И здесь проходит водораздел между трактовкой источника права и морали и их взаимоотношения в предшествующих этико-правовых теориях и в учении Канта.

Так, например, у Т. Гоббса естественный закон был единым источником законов права и морали [26]. Согласно же Канту, высший нравственный закон со стороны своего содержания и формы является основанием только морали. А именно: поступок человека является моральным только в том случае, если мы рассматриваем его с содержательной стороны, т.е. с учетом его мотива, и усматриваем в этом мотиве исключительно чистое стремление к следованию высшем нравственному закону.

Если же мы рассматриваем поступок только с точки зрения формального соответствия высшему нравственному закону, оставляя за рамками нашего рассмотрения мотив действия, то поступок можно будет определить лишь как легальный. Право развивается из принципа легальности, поэтому его требования носят, в отличие от морали, формальный характер. На формальную природу права и его противоположность морали по данному основанию, как известно, еще в XVII в. указывал Х. Томазий [28, стр. 137-139: ж3].

Для обоснования дедукции права из принципа легальности Кант вынужден сначала

решить вопрос о том, как возможно внешнее (т.е. правовое) принуждение воли свободной личности при сохранении принципа автономии воли. Благодаря свойству автономии свободная воля сама устанавливает ограничивающий ее закон, который не зависит от характера того предмета, на который направлен акт воли. Воля, имеющая объектом абсолютное благо, определяется Кантом как «безусловно добрая воля». Безусловно добрая воля является первой ступенью на пути дедукции понятия права, так как ее содержанием является исключительно форма самого воления, а ее основным законом является стремление сделать свой принцип (максиму) всеобщим законом.

Право не является произвольной установкой разума или договором группы лиц только в том случае, если возможно применение чистого практического разума, в критике которого Кант выясняет, как возможно такое синтетическое суждение a priori, которого требует дедуцированное понятие категорического императива, и истинно ли оно. Здесь важно отношение прагматического и морального поступка: суждение прагматического поступка, говорит Кант, могло бы мыслиться как аналитическое – и, следовательно, советы благоразумия могли бы принуждать волю так же, как и веление закона. Здесь Кант обсуждает антиномию практического разума как антиномию «долга» и «счастья». Первая связана для него с нормами морали и права, вторая же оставляет человека в сфере природной необходимости.

Итак, по Канту, для морали и права в качестве высшего закона существует только нравственный закон как закон автономной воли. Основу обязательности закона надо искать не в природе человека и не в тех обстоятельствах в мире, в которые он поставлен, но в априорных понятиях чистого разума. Естественному праву Кант противопоставляет положительное, или статуарное, право, которое является результатом реализации воли законодателя. Отсюда, по Канту, следуют правомочия, которые он разделяет на прирожденные правомочия и правомочия приобретенные [30, стр. 291]. К первому он относит только свободу и равенство. В содержание понятия равенства Кант включает прежде всего независимость, состоящую в том, «что другие не могут обязать кого-либо к большему, чем то, к чему он со своей стороны может их обязать» [30, стр. 291].

Для И. Канта свобода была своего рода «вещью-в-себе», а значит право и мораль в рамках кантианства можно было трактовать только как субъективные реализации построения системы знания на основе признания свободы как «факта сознания». По Канту, мы не знаем, что есть свобода с содержательной стороны, но мы знаем, что ее идея необходима для разума и из этой необходимости, а также на основании принципа всеобщности разума, мы дедуцируем систему права и систему морали. Различие права и морали и их понятийное взаимодействие, поэтому, также могут трактоваться лишь как субъективные условия регулирования деятельности теоретического и практического разума. При том, что право и мораль у Канта глубоко взаимосвязаны: сначала Кант дедуцирует высший закон нравственности, а уже из него выводит необходимость права и понятие об его форме. Право, таким образом, морально обусловлено и получает свою санкцию в области морали в рамках справедливости [27, стр. 50-62; 23, стр. 19-20].

Иначе обстояло дело в учении И.Г. Фихте. Автор «Наукоучения» исходил из основных принципов кантовского трансцендентального метода, но при этом полагал, что Кант, ограничив познание высших принципов – идеи самосознания и идеи свободы – не понял сам себя. Согласно Фихте, абсолютное самосознание как источник дедукции всякого знания является практическим действием, а свобода – первичным условием осуществления этого действия. Самосознание и ее свобода являются не каким-то внешним объектом, а способом самореализации самого субъекта, для понимания которого Фихте разработал метод содержательной рефлексии свободы субстанции-субъекта самосознания.

Спрашивать о познании свободы Фихте считал бессмысленным, т.к. идея свободы сама по себе является первичным условием всякого познания. Фактом сознания эту свободу делает акт рефлексии, который ученый не сводит, подобно Канту, к форме опыта: «Разуму принадлежит здесь только наблюдение за движением Я, обращение же на самого себя составляет деятельность самого Я, которое поэтому объективно по отношению к рефлексии» [51, стр. 484]. Из этого высшего начала, который он обозначает термином «Я», автор «Наукоучения» и стремится дедуцировать идею права в соответствии с разработанным им методом науки о праве [56;

58, стр. 165-168]. Исходным пунктом дедукции этико-правовых норм в системе Фихте является рефлексия свободы «Я», которая становится объектом созерцания самой себя и тем самым полагает себя. В самой деятельности самосознания Фихте находит в качестве предпосылки идею признания существования иных самосознаний. В области философии права он видит своей задачей дедукцию права из самосознания Я.

Эта дедукция осуществляется в три этапа. Прежде всего Фихте доказывает, что «всякое конечное разумное существо не может полагать себя, не приписывая себе свободной деятельности [50, стр. 20-23]. Далее, необходимость свободной деятельности Я полагает чувственный мир, не относящийся к сфере Я [50, стр. 26-30]. Но деятельность Я не была бы свободной, если бы в чувственном мире она сталкивалась только с косной необходимостью, но никогда не находила бы в ней в качестве объекта свободу. Таким образом, от понятия свободы Я Фихте приходит к идее «других разумных существ вне себя» [50, стр. 31-38].

Другими словами, мое самосознание, по Фихте, не может быть содержательным и свободным, если я не допускаю бытия других столь же свободных самосознаний. Причем мое отношение к ним Фихте считал возможным только в форме «естественного правоотношения» [50, стр. 41-45]. Т.е. эти самосознания должны мною трактоваться как субъекты естественных правоотношений и только в этом случая я могу реализовать свое собственное самосознание как субъект отношения права и морали. Таким образом, право непосредственно дедуцируется из самосознания. «… вследствие проведенной дедукции мы утверждаем, что понятие права заложено в сущности разума и что невозможно никакое конечное разумное существо, в котором не находилось бы это понятие – отнюдь не вследствие опыта, научения, произвольных распоряжений, действующих среди людей и т.п., но вследствие его разумной природы» [50, стр. 51]. Это понятие права лишь устанавливается философом как факт, а конкретным содержанием, доступным для обыденного рассудка, его наполняет уже позитивная правовая наука.

Поэтому подлинно первичным, по Фихте, оказывается не отдельное самосознание (как у Канта) и не множество эмпирически данных индивидов (как у Гоббса и Локка [46]), а их изначальное единство, которое является как субстанцией, так и субъектом морально-правовых отношений. Эти единство немецкий ученый как раз и обозначает посредством понятия свободы. Согласно Фихте, самосознания, входящие в сферу свободы, утверждают пределы своей деятельности, тем самым внося в сферу свободы внутренние границы. Вместе с тем они не выходят за общие границы сферы свободы, иначе последняя была бы «упразднена» [50, стр. 13]. На этой основе Фихте формулирует свое понятие права, в рамках которого «мысленно представляют всякого члена общества ограничивающим своей внутренней свободой, свою внешнюю свободу так, чтобы все другие рядом с ним также могли быть во внешнем отношении свободны» [50, стр. 13].

Соответственно решает автор «Наукоучения» и вопрос об отношении права и морали: поскольку право можно с математической точностью вывести непосредственно из разума, то нет и необходимости введения морального звена в цепь дедуктивных рассуждений, ведущих к идее права. Он пишет: «Дедуцированное понятие права не имеет ничего общего с нравственным законом, дедуцировано без него, и уже в этом заключается, поскольку для одного и того же понятия возможно не более одной дедукции, фактическое доказательство того, что его не следует дедуцировать из нравственного закона» [50, стр. 52]. Значит, науки о праве и морали также не связаны друг с другом: «Обе эти науки уже изначально и без нашего содействия разделены разумом и совершенно противоположны друг другу» [50, стр. 53].

Такой подход, конечно, был прямо противоположен кантовскому, поэтому учение Фихте о праве и морали вызвало самое серьезное сопротивление со стороны кантианского крыла в немецкой философии права. Полагаем, что заочная дискуссия между Кантом и Фихте по вопросу об отношении права и морали, этики и юриспруденции еще не получила своего окончательного разрешения. Сравнительный анализ аргументов Канта и Фихте продолжает оставаться актуальным для современной философии и теории права [3; 52].

Список литературы

1. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа (Сочинения т. IV). – М.: АН СССР, Институт философии, Издательство социально-экономической литературы, 1959. – 488 с.
3. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 512 с.
4. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Знакомьтесь: компрехендная теория права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 5(28). – С. 375-379.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права – новая теория познания правовой реальности // Вестник Таджикского национального университета. – 2016. – № 2/5(207. – С. 183-187.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права: ответы на вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 19-24.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. О заблуждениях в понимании права и важности компрехендного подхода для его познания // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 83-88.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. О противоречивости права в контексте компрехендной теории // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 31-34.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 3(93). – С. 179-183.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном правопонимании в контексте компрехендной теории права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 39-47.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 39-58.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право без смысла // Защита и безопасность. – 2016. – № 3. – С. 24-25.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 17-22.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 1(47). – С. 13-30.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
21. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 416 с.
22. Зорькин В.Д. Цивилизация права. Если право погибнет, то мир окажется у края бездны // Российская газета. – 2014. – 13 марта.
23. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
24. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Конвергенция в философии и богословии в творчестве Фомы Аквинского как обеспечение устойчивости концепции естественного права // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 176-184.
25. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
26. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
27. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели

(Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
28. История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 640 с.
29. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В. Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 17-23.
30. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. – СПб: Наука, 1995. – 528 с.
31. Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. – 6-е изд. – М.: СГУ, 2011.
32. Комиссия по вопросам помилования на территории Ленинградской области / Сост. В.А. Андреева. – СПб.: Полиграфичесикй комплекс «Вести», 2012. – 147 с.
33. Куницын А.С. Формирование и развитие естественно-правового направления в русской науке права // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 5-11.
34. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
35. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114.
36. Масленников Д.В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 167-173.
37. Масленников Д.В. Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте). – СПб: НОИР, 2011.
38. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
39. Романовская В.Б., Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.
40. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
41. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
42. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 51-54.
43. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
44. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46.
45. Сальников М.В., Федюшкина А.И. Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 125-129.
46. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
47. Сауляк О.П., Экимов А.И.Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.
48. Федоров А.В., Шахматов А.В. Компрехендный подход профессора В.П. Сальникова к изучению правовых вопросов противодействия наркопреступности: к юбилею ученого // Наркоконтроль. – 2016. – № 3(44). – С. 39-44.
49. Федюшкина А.И. Христиан Томазиус: новации юридического образования в Германии (конец XVII – начало XVIII вв.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2. – С 245-248.
50. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. – М.: «Канон+», 2014.
51. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах. Т.1. СПб.: Мифрил, 1993. – 687 с.
52. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века: Монография. – М.:ЮРКОМПАНИ, 2013. – 600 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»).
53. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976. - 285 с.

54. Явич Л.С. Сущность права. Социально-философское направление генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. – Л.: ЛГУ, 1985. - 207 с.
55. Bader F. Transzendentalphilosophische Uberlegung zur «negatio negations» und zur mystischen Einigung. – in: Grundfragen christlichen Mystik. Stuttgart, 1987.
56. Haeng-Nam Lee. Dailektit der sittlichen Freicheit. Hegels Auseinandersetzung mit seinen Vorganger. Frankfurtr a.Main. Nomos, 2017.
57. Bader F. Transzendentalphilosophische Uberlegung zur «negatio negations» und zur mystischen Einigung. – in: Grundfragen christlichen Mystik. Stuttgart, 1987. S. 193.
58. Haeng-Nam Lee. Dailektit der sittlichen Freicheit. Hegels Auseinandersetzung mit seinen Vorganger. Frankfurtr a.Main. Nomos, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Мир политики и социологии» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.
5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок.

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Мир политики и социологии»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40505 от 01 июля 2010 г.

Название Мир политики и социологии

Адрес редакции 198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б

Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более 40 %

Форма периодического распространения журнал

Язык(и) русский

Территория распространения Российская Федерация

Учредитель (соучредители) Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ" (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя Р.В. Шередин

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017613

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор, верстка Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ»

2017, № 5

Подписано в печать 30.05.2015. Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 27,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 221.
Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru

ЛИДЕРКОНСАЛТ
ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - это холдинговая структура, успешно функционирующая с 2006 года. Наш секрет прост: мы сочетаем профессиональный опыт, инновационные технологии и абсолютно прозрачные принципы работы.

Наша миссия – ежедневно открывать новые возможности для наших клиентов, партнеров, сотрудников, а также для тех, кто нуждается в поддержке со стороны общества.

«ЛИДЕР КОНСАЛТ» РАСПОЛАГАЕТ ВСЕМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БИЗНЕСА БЛАГОДАРЯ РАЗВИТОЙ СИСТЕМЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПЕРСОНАЛ

«Лидер Консалт Персонал» специализируется на поиске и предоставлении персонала на федеральном уровне для компаний, функционирующих в ключевых отраслях экономики.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

«Лидер Консалт Специальные Ситуации» специализируется на разрешении конфликтных ситуаций, вызвавших пристальное внимание контролирующих органов, а также на налоговых спорах и банкротстве.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПРАВО

«Лидер Консалт Право» осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

МедПроф МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР

Медицинский центр «МедПроф» специализируется на медицинских осмотрах, освидетельствованиях иностранных граждан для органов УФМС, личных медицинских книжках, водительских комиссиях, лабораторных исследованиях.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СТРОЙ

«Лидер Консалт Строй» осуществляет реконструкцию и строительство новых зданий, а также фасадные и внутренние отделочные работы.

НАШИ КОНТАКТЫ:

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А
109004, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 31, стр. 1, оф. 309
Тел.: (812) 607-64-64, (495) 249-05-76, Email: info@lc-rus.com
www.lc-rus.com

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА!

СУМКИ И КАРТИНЫ PKHAMAT

В современном мире вещи, сделанные руками, обретают новую ценность. Все чаще человек ищет что-то необычное, уникальное, созданное в единственном экземпляре. Философию уникальности несет в себе каждое изделие от Pkhamat. Оно пронизано энергетикой, теплом и любовью мастера. Каждый стежок на сумке или на картине имеет свою историю и помнит тепло рук, которые его сделали.

Pkhamat (Пхамат) - это ручная работа, пронизанная красотой флореального искусства!

Вышивка лентами — уникальный вид рукоделия, сочетающий классические вышивальные швы и стежки со специальными элементами, которые выполняются атласными или шелковыми лентами, благодаря чему получаются невероятно красивые объемные картины и панно, позволяющие передать все великолепие живых цветов.

Pkhamat гарантирует каждому клиенту, что выбрав наше изделие, он становится обладателем качества и получает возможность идти в ногу со временем, при этом выбирая свою дорогу. Мы дарим возможность быть исключением в мире правил.

Инстаграм: Pkhamat
E-mail: hamathanova.asya@mail.ru
С уважением, Ася Хаматханова.

КАК ПРАВИЛЬНО ВЫБРАТЬ САНАТОРИЙ

В «Солнечном» всегда солнечно!

Среди многообразия курортных здравниц мы всегда стараемся выбрать для себя лучшее. По типу лечения, дополнительным услугам, а для кого-то критерием выбора является наличие бассейна, SPA и WELLNESS.

А потому из всего многообразия предложений Кисловодска стоит остановить свой взгляд на санатории «Солнечный». В этом нашего корреспондента убедил владелец и один из руководителей санатория Владимир ТУРИВНЕНКО.

- Насколько мне известно «Солнечный» - самый большой и самый молодой санаторий Кисловодска, ему нет еще и десяти лет.

Как удалось за столь короткий срок добиться популярности?

- Верно, статус крупнейшей здравницы Кисловодска подразумевает и ответственность «Солнечного» в качестве главного законодателя моды на курорте. В этих условиях мы просто обязаны инвестировать значительно больше ресурсов в развитие своей лечебной, оздоровительной и досуговой инфраструктуры по сравнению с обычными санаториями и SPA-отелями. Например, другие четырехзвездочные здравницы Кисловодска располагают либо одним стандартным крытым плавательным бассейном, либо предлагают лишь открытый бассейн в летнее время. И только в «Солнечном» круглый год вы можете бесплатно пользоваться сразу тремя специализированными бассейнами. Тут же расположены просторный зимний пляж под огромным стеклянным куполом и зона развлечений в окружении двух пляжных баров один из которых работает прямо на воде. Сегодня подобное не могут предложить даже значительно более дорогие санатории и SPA-отели региона.

В качестве другого примера можно привести новый конгресс-центр «Солнечного».Сейчас это единственное место на курорте, позволяющее проводить многодневные бизнес-события высокого уровня с присутствием до 600 одновременных участников в пределах единого комплекса. Причем без остановки плановой работы самого санатория. Это открывает недоступную ранее возможность проводить по-настоящему масштабные корпоративные мероприятия на одном из самых знаменитых курортов России. Расскажу Вам и о самых интересных методиках, которые применяют для лечения пациентов «Солнечного».

Биорезонансная терапия (БРТ) позволяет протестировать организм на аллергены, на продукты питания, наличие вирусов, грибов, паразитов и избавиться от них без применения медицинских препаратов. Кроме того можно протестировать склонность пациентов к определённым заболеваниям и проверить подходят ли им препараты, которые они принимают.